

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Анна
КОВАЛЬ

Неверная
ЖЕНА

18+

Лина Коваль
Неверная жена
Серия «Неверные», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69985456

SelfPub; 2023

Аннотация

Вика Свободина в браке почти пятнадцать лет. Муж, сын, новенький дом и любимая работа в банке – всё то, что её интересует. Она не задумывается о жизни, о чувствах... Живёт по инерции. И вроде бы счастлива... Но всё меняется, когда "городская звезда", дерзкий красавчик Матвей Андреев открывает школу танцев, а Вика решает попробовать что-то новое... Предыстория. Продолжение: «Неверный муж»

Содержание

Глава 1. Виктория	5
Глава 2. Виктория	10
Глава 3. Виктория	15
Глава 4. Виктория	21
Глава 5. Виктория	27
Глава 6. Виктория	34
Глава 7. Виктория	39
Глава 8. Виктория	46
Глава 9. Виктория	52
Глава 10. Виктория	57
Глава 11. Виктория	63
Глава 12. Виктория	69
Глава 13. Мот	75
Глава 14. Мот	81
Глава 15. Виктория	91
Глава 16. Виктория	100
Глава 17. Виктория	107
Глава 18. Виктория	114
Глава 19. Мот	120
Глава 20. Виктория	130
Глава 21. Виктория	135
Глава 22. Виктория	141
Глава 23. Мот	147

Глава 24. Виктория	152
Глава 25. Виктория	159
Глава 26. Виктория	164
Глава 27. Мот	171
Глава 28. Виктория	181
Глава 29. Виктория	188
Глава 30. Виктория	195
Эпилог. Виктория	204

Лина Коваль

Неверная жена

Глава 1. Виктория

– Мамочка, а как дети появляются? – спрашивает сын, пока мы стоим в пробке на выезде из города. Сегодня пятница и жители решили, по всей видимости, впервые в этом году выбраться на дачи.

– Хм-м-м... – собираю в голове верный ответ.

Ну почему всегда так? Интуитивно ждала этого вопроса от Марка весь последний год. Всё-таки семь лет.

Смотрела подборки детских специалистов на эту тему. Изучала вопрос подробно и вкрадчиво, как умею. А сейчас ступор.

– Спроси у папы, – посылаю взгляд к мужу, который нервно перебирает пальцами по ободку руля.

– Па-а-ап, – тянет сын, переключая всё своё внимание на отца.

Лёша молчит.

Закатываю глаза и мысленно считаю до десяти и обратно, чтобы не взорваться прямо в машине. В последнее время моё состояние кричит о том, что надо бы нам снова отдохнуть

друг от друга. Желательно на разных планетах. Хотя мы и так на разных планетах, даже находясь в одной машине. Если метафорически выразаться.

– Пап, – кричит Марк ещё раз.

– Что? – отвлекается муж от лобового стекла и недовольно разворачивается, сдвинув тёмные очки на нос.

– Как дети появляются?

Улыбаюсь и отвожу глаза от зеркала заднего вида, чтобы сын не заметил.

– Ну, хм-м... А ты уже у мамы спрашивал?

– Мимо, Свободин. – Ворчу, расправляя платье на коленях. – Я отправила его к тебе.

– Спасибо, дорогая, – цедит он сквозь зубы.

Он зол.

Просто в бешенстве.

Потому что вместо того, чтобы провести очередной пятничный вечер за игрой в покер, был вынужден забрать нас и везти домой. Покупая большой дом в элитном загородном посёлке, мы совсем не подумали о том, что он находится в популярном у дачников направлении.

– Ну так что? – не сдаётся сын. – Вы что не знаете, как дети появляются? А как я тогда родился?

Хочется тут же съязвить, мол, да, сынок. Мы уже и позабыли про это «дело». Ещё пара лет и тебе придётся самому мне рассказать об этом.

Терплю из последних сил, чтобы не вылить своё неумест-

ное чувство юмора на мужа.

– Ну, – чешет бровь Свободин-старший. – Два взрослых человека встречаются. Влюбляются... Начинают жить вместе...

– И-и-и-и? – сын в предвкушении.

– Спят вместе, обнимаются... И у них рождается ребёнок!

– Bravo, – шепчу под нос.

Автомобиль дёргается с места, но останавливается через три метра вновь. Затор из машин страшный. Жизнь словно подкидывает нам всё новые и новые испытания для проверки нервной системы друг друга. Уровень исходящего от мужа раздражения вырастает до предельной отметки.

Жду реакцию своего маленького почемучки на безумные откровения отца.

– Же-е-есть, – выдаёт он.

– Марк, – говорю строго. – Не выражайся.

– Я просто в шоке, мам!

– От чего? – еле сдерживаю смех.

Зная своего уникального сына, он сейчас может сказать всё что угодно. У него крайне подвижный мозг. И словарный запас на уровне.

– Я хотел брата вообще-то.

– Может, лучше новый набор «Лего»? – спрашивает его отец.

– Нет! У меня полная комната вашего «Лего». Я хотел брата! Но его не будет, как я понял.

– Откуда такой вывод? – Лёша сердито бросает взгляд на мою улыбку.

– Ну вы же не спите вместе. Значит, и ребёнок у нас не появится.

– Шах и мат тебе, Свободин, – говорю, разглядывая свеженький маникюр модного оливкового оттенка.

Мы разъехались по разным комнатам ещё полгода назад, после очередного грандиозного скандала. Потом помирились, но возвращаться в супружескую спальню я не стала. А муж не настаивал. Наши биологические часы не совпадают примерно также, как и мы сами последние несколько лет.

Украдкой смотрю на симпатичного мужчину в деловом костюме, которого я когда-то встретила в восемнадцать лет. Мы учились на одном потоке в институте. Молодые, довольные жизнью студенты. Бедные, но счастливые.

Что с нами стало сейчас? Почему я чувствую, что он совсем чужой?

– Вика, – начинает заводиться муж. – Ну почему? Почему надо было оставить машину у дома именно сегодня?

Пожимаю плечами, чтобы не отвечать.

– Ты ведь знаешь, что по пятницам я всегда играю в покер с друзьями.

«Поэтому и оставила», – думаю я про себя.

– Что ты молчишь? – яростно бьёт ладонями по рулю так, что я вздрагиваю. – Почему ты все время молчишь?

Прикрываю глаза. Голова начинает гудеть, и я растираю

пальцами виски.

– Папа, – говорит строго сын с заднего кресла. – Не кричи на маму.

– Давай поучи ещё меня, да? – переключается на сына.

Нет, пожалуй, с меня хватит. Застёгиваю кожаную куртку, выправив из-под неё волосы, и подхватываю сумку:

– Сами доедем.

Выбираюсь из автомобиля и открываю сыну двери:

– Марк, выходи.

– Куда вы? На хрена тогда ты меня дёрнула?

– Свободен, Свободин, – шиплю ему на прощание, хлопнув дверью его любимого Мерседеса от всей души.

Обнимаю сына за хрупкие плечи и обхожу стоящие в соседнем ряду машины. Идём вдоль дороги до ближайшей остановки тридцать третьего маршрутного автобуса. На улице несмотря на конец апреля, припекает солнце.

– Мам, – спрашивает сын расстроено. – Почему папа нас не любит?

Устало вздыхаю, сдерживая слезы.

– Любит, сынок. Просто папа устал.

И мама тоже...

Глава 2. Виктория

Утренний субботний день начинается как обычно. С приготовления завтрака и чашки кофе. Марк быстро съедает любимую рисовую кашу и уходит в свою комнату рисовать. Лёша ещё спит после позднего возвращения. Вернее сказать, раннего. На часах было шесть утра, когда хлопнула входная дверь на первом этаже.

Задевает ли меня это?

Естественно.

Но не сам факт того, что он не ночевал дома. А в целом то, что некогда близкий мне человек, самый близкий и родной становится кем-то вроде соседа.

Горько. Досадно.

Но я стараюсь об этом не думать, потому что именно сегодня мой первый день занятий в новой танцевальной студии.

Танцами я занималась ещё со школы. Ездили с мамой на фестивали и конкурсы. Были и призовые места, звания лауреата разной степени. Каждой клеточкой своего тела я жила во время своего нахождения на сцене. Горела музыкой, движениями. Я была живой, настоящей.

Снова хочу.

Чувствовать.

Встряхнуться.

Поэтому и купила абонемент, когда обнаружила, что открылась новая школа в соседнем районе. Почитала отзывы об основателе.

Матвей Андреев, наша городская звезда.

Призёр международных чемпионатов по современной хореографии. По информации с сайта, в собственной школе также будет давать индивидуальные мастер-классы, на которые я лично планирую попасть во что бы то ни было.

Помимо своих заслуг, Андреев также приходится сыном местного депутата. Что даёт мне надежду на то, что через месяц его школа не закроется, и я не останусь с годовым безлимитным абонементом за восемьдесят тысяч рублей.

Сумма для меня небольшая, но потерять её будет крайне неприятно.

Занятие с моим личным тренером по танцам начнётся в шесть вечера, поэтому днём я провожу ревизию в гардеробе, откладывая вещи, которые больше не планирую использовать на переработку. Я очень бережно отношусь к природе. Сортирую мусор, регулярно сдаю пластик и стараюсь не покупать пакеты в супермаркетах, так как пользуюсь холщовой сумкой.

Не понимаю, неужели даже при оформлении той же доставки из ресторана людям сложно ткнуть на экране галочку в разделе «Эко-доставка» *? *(во многих службах доставки есть такой раздел – при подготовке вашего заказа они не используют упаковку из целлофана – прим. авт.).*

Я стараюсь быть ответственной и обязательной. Всегда такой была. Ещё со школы, когда собирали с одноклассниками макулатуру и тащили тяжеленные стопки бумаги и картона в класс.

Закончив со своей одеждой, перехожу в детскую, а затем и в гардеробную мужа. Он достаточно педантичен для того, чтобы разводить здесь бардак и битый час я просто перебираю аккуратные стопки, состоящие из его футболок, джинсов и белья. Деловые костюмы размещены на вешалке ровным рядом.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает Лёша недовольно, заглядывая в свою гардеробную.

Вздрагиваю от неожиданности.

– Прибираюсь.

– А-а-а-а, – тянет он. – Ясно. Я думал роешься в моих вещах, чтобы найти чужие трусы или ещё что похуже.

Что может быть хуже чужих женских трусов в гардеробной мужа, интересно мне знать? Чужие мужские трусы?

– Есть что скрывать? – спрашиваю ехидно, сдувая прядь волос с лица. – Не томи, признавайся сразу.

– Сука ты, Свободина, – говорит он, натягивая спортивные брюки поверх чёрных боксеров. – Даже в карманах порыться нормально не можешь. Что ты за жена-то такая?

Никак не реагирую, чтобы не развивать очередной утренний скандал.

– Есть чё поесть? – спрашивает, глядя на меня через от-

ражение в зеркале.

– Естественно, – парирую, любуясь его голой спиной. – Я может и сука. Но с руками.

Усмехается.

– Не бурчи с утра. Башка раскалывается. Принеси таблетку. Будь другом.

Подхватываю тяжёлый пакет с его вещами и иду на первый этаж. Лёша двигается за мной. Зайдя на кухню, достаю внушительного размера аптечку и протягиваю ему пакетик с лекарством.

– Спасибо, любимая.

– На твоё ментальное здоровье, дорогой.

Сервирую для мужа стол и сажусь напротив. Я в тонкой короткой пижаме с довольно открытой грудью, но он словно не замечает моего полуобнажённого вида. На меня часто оборачиваются прохожие мужчины. На работе постоянно знакомятся посетители. А собственный муж смотрит сквозь меня. Такие вот дела.

– Ты помнишь, что я сегодня иду на танцы? Нужно посидеть с Марком.

– Блядь. Я забыл. Договорился со Славским, что поедем на футбол.

– Значит, позвони и отмени, – говорю, в очередной раз закатывая глаза.

Он морщится.

– Давай ты отменишь. На хера тебе эти пляски?

Пожимаю плечами.

– Чё за прихоти, Вика?

Пялится на меня через стол.

– Отвезу Марка маме, – решаю не ругаться, махнув на него рукой.

– Окей, – кивает, обжигаясь кофе. – Чё он такой горячий?

Пропускаю претензию мимо ушей. Поддразнить его горячим кофе или тем, что оставила машину и испортила ему вечер – часть моей семейной жизни. Я словно щупаю его оголённые нервные окончания и жду, что он сорвётся.

Быстро загружаю тарелки в посудомойку после завтрака и предлагаю мужу:

– Давай в парке погуляем? Погода отличная. Марк давно просит, чтобы ты научил его кататься на велике.

– Давай не сегодня, – отвечает муж, целуя меня в щеку.

В нос тут же проникает родной запах его кожи и тело прошибает желанием. Я все ещё хочу его ласки, но так часто бываю на него обижена, что даже признаться об этом не в состоянии.

А сам он не предлагает...

– Ладно, – соглашаюсь, провожая его спину и тёмный кудрявый затылок.

Глава 3. Виктория

Закинув сына к своей маме домой, выслушиваю лекцию о воспитании детей и домоводстве.

Моя мама – это просто великий педагог Макаренко и несравненная Мэри Поппинс в одном флаконе. Она всегда знает как надо, как правильно. И, конечно, по части непрошенных советов – в первых рядах. Со знаменем идёт.

Обычно я слушаю вполуха и быстро поддакиваю, киваю. Ругаться – себе дороже. Проще потерпеть.

Добираюсь до офисного центра, в котором располагается новая студия, и долго ищу место, чтобы оставить машину. Припарковаться удаётся только рядом с огромным внедорожником, кричащего жёлтого цвета. Наверное, какого-нибудь попугая, усмехаюсь про себя.

Беру сумку с вещами для тренировки и быстро бегу к зданию. Чувствую себя немного зябко в тонких легинсах и топе под клетчатой пальто-рубашкой. Светлые волосы я предусмотрительно забрала в высокий хвост. На лице минимум макияжа.

Молодая девушка с ресепшн в смешных модных очках долго разбирается с купленным мной на сайте абонементом и медленно краснеет под моим взглядом:

– Извините, пожалуйста, произошла какая-то ошибка, и ваша запись к тренеру аннулирована.

– В смысле? – угрожающе сужаю глаза.

– Сайт новый, видимо какие-то лаги. Сейчас сообщу системному администратору. Но не переживайте, с вашим абонементом все в порядке.

– Естественно с ним все в порядке. Я его оплатила, – начинаю заводиться.

– Мы примем меры и подарим вам дополнительные мастер-классы, только не переживайте пожалуйста.

– Переживают горе, девушка. А я сейчас в гневе, – делюсь информацией, постукивая ногтями по столешнице.

Я сто кругов ада прошла, чтобы приехать сюда. Мечтала об этой тренировке. Она что не понимает?

Девчонка начинает дрожать как осиновый лист, перебирать пальцами листы с какими-то записями. Испуганно хватается телефон со стойки.

– Сейчас я уточню у тренера, сможет ли он подъехать.

Нервно забираю воздух в нос, чувствуя приятный запах мужской туалетной воды, который почему-то в данный момент раздражает мои рецепторы.

– Алё, Максим, это Яна. Ты можешь подъехать? У нас тут девушка на тренировку пришла. А в расписании ошибка.

Слушает ответ некоего Максима, и её красная кожа медленно зеленеет.

– Же-е-есть, – вылетает из меня невольно, и я вдруг понимаю, откуда у моего семилетнего сына эта новая привычка.

Яна убирает телефон на стойку. Её загнанный взгляд от-

правляется на моё лицо. От чего я злюсь ещё больше. Бесит подобная неклиентоориентированность. Я заплатила деньги и на меня же ещё смотрят, как на врага народа.

Подбородок девчонки начинает дрожать под моим цепким взглядом и в следующую секунду по помещению разносятся приглушенные рыдания. Это начинает бесить меня ещё больше.

Так можно было вообще?

Может мне тоже просто зареветь, когда муж отказывается вести нас с ребёнком в парк? Или когда не дотрагивается до меня второй месяц, и я сгораю от желания быть для него нужной?

– Что тут происходит? – слышу я бархатный голос из-за спины. По всей видимости, это владелец навязчивого парфюма.

Разворачиваюсь и замираю, потому что это сам Андреев. И на фотографии он кажется другим. Меньше. Не таким фактурным. Не таким идеальным.

Вообще не таким.

От его присутствия я впадаю в ступор, забывая про плачущую девчонку.

– Что тут происходит? – спрашивает он ещё раз мягче, переводя взгляд на Яну.

Его кожа такого ровного бронзового оттенка, что у меня нет сомнений. Её хозяин недавно выгулял свои бицепсы на каких-нибудь Мальдивах.

Яна начинает что-то бляеть сквозь слёзы, и я наконец-то выхожу из анабиоза:

– Ваша система лаганула. Моя запись сорвалась.

Он медленно мажет равнодушным взглядом по моему лицу, словно идентифицируя меня на адекватность.

– И поэтому вы решили довести до слёз моего администратора? – спрашивает холодно, поднимая идеальную форму своих бровей.

Я... что? Это я довела её?

– С меня хватит, – бью ладонью по столешнице, подхватывая сумку. – Оформляйте возврат абонемента.

Он заходит за стойку и теперь я пялюсь на вырез черной рубашки, расстёгнутой на две пуговицы. У него там татуировка. Но рассмотреть её нет возможности. Жаль.

– Янчик, давай успокаивайся. Мы сейчас с нашей, – смотрит на меня издевательски, – ...гостьей утонем.

– Ладно, – всхлипывает она.

– Я ничего такого Вам не сказала, – обижаюсь на этот цирк.

– Да это Вы меня простите, – начинает извиняться плакса. – У меня эмоциональность повышена, это с детства.

Киваю головой от удовлетворения. Слава богу, моей вины вроде как нет. И перевожу ждущий взгляд на хозяина данной богадельни.

– Что? – спрашивает он, и уголки его точёных губ летят вверх.

– По-моему, – замечаю, отводя наконец-то взгляд от шедеврального лица. Куда угодно смотреть, только не на него. – Не все извинения ещё прозвучали.

Он раскатисто смеётся, от чего рубашка на его груди натягивается.

– По-моему, тоже. Вы же извинитесь перед Яной?

Во мне что-то взрывается, и я раздражённо топаю ногой, как мой сын.

– На сайте возврат оформлю, – хватаю сумку и двигаюсь к выходу. Танцор, твою мать. Думает у него папочка с мандатом и всё!

Будет вести себя как хочет.

Перебегаю через лесенки, несусь обратно в машину. Сейчас заеду в любимую кондитерскую и куплю себе любимое пирожное с заварным кремом. Нажрусь и стану толстой. По крайней мере, будет адекватная причина того, что Лёша меня не хочет.

– Виктория, – слышу своё имя. – Виктория.

Разворачиваюсь и слежу как стремительным шагом на меня надвигается международная звезда современной хореографии. Господи, зачем ты позволил носить ему эти джинсы? Это преступление против моей чести.

– Виктория, произошло недоразумение. У вас годовой вип-абонемент и давайте не будем усложнять.

– А-а-а-а, – говорю намеренно отстранённо. – Я думала вы извиниться пришли.

Он переводит оценивающий взгляд на мой Мерседес, такой же, кстати, как у моего мужа, только серый. Мнётся, словно не может произнести заветные слова. Видимо извиняться для Матвея Андреева в новинку.

– Простите, я был не прав, – говорит он серьёзно, погружая меня в море своих серых глаз.

От этого я начинаю нервно теребить ремень спортивной сумки.

– Не будем терять время. Раз вашего тренера нет на месте, я сам проведу вашу первую тренировку. Только переоденусь.

Сглатываю не понятно, от чего подступившую слюну. То ли от того, что моя тренировка будет с танцором такого уровня. То ли от того, что я представила, как он расстёгивает ремень на своих джинсах и скидывает их, чтобы переодеться.

– Пойдёмте, – приглашает меня рукой обратно.

С королевским видом прохожу мимо, и чувствую у себя на спине касание его твёрдой руки.

Помоги мне. Господи, пережить этот вечер!

Глава 4. Виктория

Заламывая руки, жду Андреева в танцевальном зале, в который он любезно меня проводил, а затем ушёл переодеваться. Зеркало во всю стену отражает мою неуверенность перед первым занятием.

Я больше пятнадцати лет не танцевала, кроме как в ночных клубах. Ощущение, что вернулась, к истокам бьёт по невидимым точкам в груди. Вытягиваю правую руку в сторону, и плавно провожу кончиками пальцев по ней левой. От запястья до линии ключицы. Затем то же самое проделываю слева-направо.

Затем носком правой ноги провожу полукруг по напольному покрытию, вытянув руки над головой в третью позицию. Поднимаю левую ногу и проделываю то же самое. Любуюсь в зеркало на то, как оживает моё тело, благодаря давно забытым движениям.

Провожу ладонью по центру от шеи до низа живота, изогнув при этом линию бёдер.

– Неплохо для начала, – слышу хриплый голос позади и ищу глазами в зеркале его источник.

Андреев стоит возле входа в зал. На нем черные спортивные брюки и черная майка, открывающая его рельефные руки.

Не отрывая взгляда, наблюдаю, как он подходит ко мне и

останавливается за спиной буквально в полуметре.

Матвей намного выше и если я чуть отклонюсь, то упрусь в его грудь затылком. От дикого желания попробовать это сделать чувствую лёгкое головокружение.

– Вы занимались раньше? – спрашивает он, размещая свою руку у меня на шее в районе верхних позвонков. Начинает её разминать и все слова улечиваются с языка. Тело прошибает током.

– Виктория? – спрашивает ещё раз, приподнимая бровь.

– А-а-а, – нахожусь. – Да. В школе. Современный танец и немного балльных.

– Балерина, значит, – улыбается он открыто. Его поза свободна, и он достаточно расслаблен.

В движениях и мимике нет ничего личного. Того, чтобы могло оскорбить меня или как-то унижить. Но я все равно чувствую раздражение, которое расходится по венам от того места, где касаются его пальцы.

– Заниматься будем? – спрашиваю резко. Получается грубовато.

– Будем, – улыбается он, продолжая разминать мои позвонки. Тело наэлектризовано, и я чувствую желание, которое тлеет, как уголёк, во мне уже больше месяца. Вождевание предназначено не для него, выскочки-танцора и сына богатого папочки. А для моего мужа, Алексея Свободина. Но не реагировать на сильные мужские руки я не могу.

Вдруг ладонь резко исчезает с шеи, на коже оседает холод.

Словно из печи в ледяную воду окунули.

Матвей отходит к окну и нажимает на кнопки стереосистемы.

Следующий час я нахожусь в бешеной эйфории. От того, как оживает моё тело. После лёгкой разминки мы разучиваем пару движений и до изнеможения повторяем их вновь и вновь. Для кого-то это ад, для меня – способ почувствовать себя живой, оказывается.

Невероятно.

К концу занятия мои глаза горят, как никогда за последние пару лет. Внутри долбят адреналин с дофамином, и я испытываю к этому красивому парню море благодарности.

– Повторюсь, у Вас все очень неплохо, но надо убирать деревянность, – говорит он, выключая музыку.

Вдруг становится обидно. Я выложились, казалось бы, на все сто, с меня семь потов сошло. А он говорит, что я деревянная?

– Какая-то внутренняя зажатость, что ли, – говорит он задумчиво бархатным голосом, разглядывая полоску кожи между топом и легинсами. – Отсутствие сексуальности.

Внутренности вспыхивают огнём, и я вскидываю на него горящие гневом глаза. Андреев иронично смотрит, приготовившись к реакции. Меня вдруг осеняет, что это возмездие за его извинения у машины. Он пытается быть радушным хозяином, но наглая хамская сущность лезет наружу.

Разворачиваюсь, грязно качнув бёдрами, и легко подхва-

тываю сумку:

– Спасибо за мастер-класс, – благодарю вежливо. – Не знаю, как вас зовут. Вы не представились.

– Не знаете? – смотрит непонимающе и его губы расходятся в ухмылке, образуя ямочки на щеках. Хочется протянуть руку и потрогать их пальцами.

– Нет, – смотрю намеренно холодно. – А должна? Вас тут что, каждая собака знает?

– Ну да, – тянет он самоуверенно, сводя руки на груди. Ноги расставлены на ширине плеч. Он как с картинки. Я вся мокрая от пота, словно курица после дождя. А он вообще такой же, как при входе в этот зал. Идеальный.

– Ладно, – махнув рукой, разворачиваюсь. – Я всё равно не запомню.

– Матвей, – говорит он тихо.

Киваю головой, чуть остановившись.

– Запомни, Вика.

Делаю вид, что не расслышала его последнего обращения без привычного выканья и покидаю танцевальный зал.

Решаю переодеться дома, поэтому быстро закидываю сумку в машину и мчу по трассе в сторону загородного посёлка. Сегодня суббота и я предусмотрительно, договорилась с мамой о том, что Марк останется у неё.

Зайдя домой, понимаю, что Лёша ещё не вернулся с футбола. Но это мне на руку, я кое-что задумала. Быстро принимаю душ и укладываю волосы. Натираюсь любимым лосьо-

ном с запахом ванили и эффектом сияния. Натягиваю на голое тело черную ночную сорочку, которую не ношу в присутствии сына. Слишком открытая. Слишком на грани.

Когда слышу стук входной двери, выхожу из своей комнаты и останавливаюсь у лестницы.

Лёша бросает ключи с телефоном на комод и поднимает глаза на меня.

– Привет, как все прошло? – спрашивает сухо.

– Нормально, – киваю. – Есть будешь?

– Нет, – качает головой. – Мы поужинали со Славским в бургерной.

– Ясненько.

– Спать пойду, – устало разминает шею. – Не выспался ни хера.

Когда проходит мимо меня, хватаю его ладонь и обнимаю за шею, прижимаясь к родному телу и сминая футболку на спине. Каждой клеточкой проникаюсь касанием его груди, живота, ног. Вдыхаю запах своего мужчины, его любимой туалетной воды, и тянусь к лицу губами.

Лёша быстро чмокает их пару раз и отстраняется:

– Спокойной, Вик. Давай потише с утра, окей?

Чувствую себя отвергнутой и потерянной, но держу лицо.

– Конечно, – говорю, обнимая себя за плечи. – Спи крепко, Свободин.

Лёша кивает и скрывается в своей комнате, а я остаюсь в коридоре. Одна. Снова одна. Пытаюсь сдержать слезы.

Забегаю в комнату, откидываю одеяло и падаю на кровать.

Долго лежу в темноте, считая тени на потолке. А потом развожу широко ноги под одеялом и ныряю между ними ладонью, растирая скопившуюся влагу. Зажимаю рот рукой, когда довожу себя до быстрого оргазма.

Только вот из принципа в этот момент я не представляю мужа. Прямо передо мной, в воображении рисуются холодные светло-серые глаза и ямочки на щеках...

Глава 5. Виктория

Проснувшись ранним воскресным утром, решаю сделать утреннюю растяжку. Для этого включаю музыку, и чтобы не мешать младенческому сну своего мужа захватываю из своей комнаты наушники.

Расстелив гимнастический коврик, наслаждаюсь давно забытой болью в мышцах. По опыту знаю, что после вчерашней тренировки самая сильная боль будет завтра, но если правильно потянуться, то будет легче.

После растяжки располагаюсь на коврике и молча слушаю спокойную музыку.

Релаксирую.

Вдруг сквозь наушники слышу какой-то шум.

– Вика, блядь, – орёт Свободин.

– Что? – ничего не понимая, озираюсь.

– Почему домофон орёт, а ты его не снимаешь?

Подпрыгиваю быстро и несусь в коридор:

– Да?

– Доставка.

Блин. Совсем забыла, что на утро заказала продукты из ближайшего супермаркета. Нажимаю на кнопку и встречаю курьера.

Спустя десять минут на кухне появляется разъярённый полуголый муж.

– Скажи мне, ты больная? – кричит с горящими красными глазами.

Сжав зубы, раскладываю продукты.

– Чё ты молчишь опять, курица тупорылая?

Из глаз тут же брызгают слезы, которые я прячу за дверцей холодильника. Обидно так, что уши закладывает.

– Я просил тебя не шуметь с утра. Хотел выспаться в воскресенье. Я пашу всю неделю, как ломовая лошадь, чтобы обеспечить вас, – продолжает причитать мой кормилец.

Хочется сказать о том, что наш с ним доход в прошлом квартале практически уравнился, но понимаю, что сейчас проще будет умолчать об этом.

– Ты завтракать будешь? – спрашиваю его, когда немного успокаиваюсь, и голос выравнивается.

– Буду, блядь. Чё мне щас ещё делать по-твоему? – отвечает, садясь за стол.

Достаю яйца, бекон и быстро готовлю ему и себе завтрак. Загружаю кофемашину. Свободин мрачно наблюдает за моими действиями и молчит.

Пока готовлю, вспоминаю наше прошлое. В институте мы жили в общежитии. Было конечно многое. Постоянное тотальное безденежье. Мы неделями могли есть жареную картошку и пить чай со смородиновым вареньем, привезённым из дома.

Мои родители в то время были жителями небольшого городка в области, где я и выросла. После смерти отца мама

перебралась сюда, в город, чтобы помогать нам со старшим братом с внуками. Лёшина мама живёт в соседней области и приезжает к нам редко. Слава Богу.

Во время учёбы мы с моим будущим мужем радовались даже мороженому, съеденному в парке. Покупали одно на двоих и кормили друг друга, целуясь и облизывая сладкие губы друг другу. Те годы я всегда вспоминаю, как лучшие в своей жизни. И всегда горжусь тем, какими мы в итоге стали. Сначала приобрели квартиру, потом переехали в дом.

У нас дорогие машины и мы можем себе позволить пару раз в год съездить в отпуск с сыном. Но есть ощущение, что деньги разрушили наши отношения, потому что раньше он никогда не позволял общения со мной в таком тоне.

А уж тем более оскорблений.

У меня не было других мужчин. Мой муж – мой первый и единственный партнёр в сексе. Даже отношений ни с кем не было, кроме него. Конечно, я не беру в расчёт первую любовь в юности, которая забылась довольно быстро.

Я выходила замуж раз и навсегда. Как моя мама, а до этого моя бабушка. В нашей семье всегда было принято слушаться мужа и отца. Даже когда, бывало, папа выпивал, мама никогда его не ругала и всегда приносила холодный рассол с утра. Много, конечно, я взяла от неё. Наверное, поэтому уже пару лет терплю такое отношение.

Я даже поговорить с мужем об этом не могу. Пробовала. Обиды настолько много, что я начинаю рыдать и не могу го-

ворить. Я просто хочу жить нормально в своём доме с собственным мужем и сыном. Я хочу ещё детей, но не уверена, что с нашими отношениями мы их потянем.

– Вкусно, – говорит Лёша, отодвигая тарелку. – Спасибо, дорогая.

Молча забираю тарелку и отправляю её в мойку.

– Какие планы на день? – спрашивает меня, качаясь на стуле.

– Марка забрать. Может, в кино ходим.

– Вместе поедem, – кивает муж. – Спрошу у мамы твоей, может помочь что надо. Подкрутить.

– С чего вдруг такие милости? – спрашиваю отстранённо.

Раздражают. Бесят его вспышки гнева и эти откаты после них. Он никогда не извиняется словами. Просто после конфликта старается быть милым. Наорал на меня с самого утра. Обозвал. А сейчас как ни в чем не бывало продолжает жить дальше.

С каждым разом его оскорбления становятся все хуже и хуже. Я сама виновата. Сначала пропустила «глупенькая», потом «дурочка», следом «дура». Все это привело к тому, что сегодня я была названа «тупорылой курицей».

Что дальше?

И самое главное, что будет, когда закончатся слова? Страшно представить, что когда-то в ход пойдут руки...

Я ругаю себя, что не оценила всей масштабности происходящего и спустила на тормозах ту «дуру» из его рта. Ес-

ли бы не молчала, высказала. Устроила скандал. Поговорила. То не было бы и всего остального.

Человек в порыве гнева хочет обидеть другого. И если ты десять раз уже сказал одно, то, кажется, что это недостаточно заденет оппонента. Мозг находит что-то похуже и бьёт более хлёстким ругательством. Геометрическая прогрессия неуважения растёт год от года.

Когда-то моя бабушка, которая пятьдесят пять лет прожила с дедом и терпела многое: оскорбления, побои, пьяные измены, сказала мне: «Твой муж, Викушка, это твой крест. И ты должна нести его всю жизнь».

Эта фраза настолько врезалась мне в память, что я так и живу, веря в её истинность.

А что, если я ошибаюсь? От слова «развод» прошибает током.

После завтрака мы забираем Марка и вполне прилично проводим день в новом торговом центре. Обедаем в кафе, смотрим новый мультфильм, заедая его попкорном. Вечером спокойно расходимся по комнатам.

Отпустило.

* * *

Следующая тренировка в центре назначена на вторник. Несмотря на плодотворный рабочий день, чувствую себя немного взбудораженной знакомством с новым тренером. Максим, кажется.

Сотрудники офисного центра ещё не разъехались, поэто-

му приходится спуститься на подземную парковку, так как места на уличной все заняты. Но и здесь их тоже не много, поэтому кружу по помещению и нахожу свободной закуток в самом конце.

Паркуюсь с помощью парктроника и оказываюсь лицом к лицу с тем же жёлтым внедорожником. Только за рулём в этот раз водитель. И это Андреев.

Матвей.

Он сидит, вальяжно откинувшись на водительское кресло. Пуговицы на его светло-зелёной рубашке расстёгнуты до середины груди, локоть левой руки выглядывает из открытого окна. Он прямо передо мной, и мы пялимся друг на друга через лобовые стекла наших автомобилей и расстояние между ними.

Его идеальное, словно выточенное из камня, волевое лицо расслаблено. Волосы взъерошены. А глаза... они сверкают. В них словно поселился пожар, который тут же передаётся через лобовое стекло, через пару метров – мне, отправляясь прямым в низ живота и сводя напряженные мышцы.

Его взгляд слишком порочный, слишком откровенный. Личный.

Боже.

Приглаживаю волосы.

Я хочу другого мужчину. Вчерашняя ночь и моё воображение – не случайность. Для меня данный факт равен измене мужу. Никогда такого не было, и я не планировала, чтобы

это случилось.

Мгновенно краснею под этим взглядом, судорожно отвожу глаза и сжимаю пальцы на руках от возбуждения.

Почему он смотрит на меня так, как будто имеет на это право? Как будто мы с ним близки?

Глава 6. Виктория

Мысленно собираюсь, пока мои щёки и плечи покалывает от цепкого взгляда и снова перевожу глаза на водителя машины напротив.

Как только это делаю, на пассажирском сидении джипа возникает фигура девушки-брюнетки, которую до этого не было видно из-за высоты машины.

Боже.

Моё и без того восставшее чувство стыда взрывается выбросом адреналина.

Он что, смотрел на меня так пока она делала минет? На парковке офисного центра? Среди бела дня?

Черт.

Он просто конченный.

Девушка наклоняется к Матвею и целует его грудь в районе татуировки, затем переключается на губы. Он покровительственно гладит её по волосы и что-то говорит, ухмыляясь. Брюнетка тут же смотрит на мой автомобиль и начинается улыбаться.

Это выводит меня из ступора и дождавшись пока девушка скроет лицо в районе его кадыка, яростно показываю ему средний палец.

От всей души тебе, извращенец.

Матвей ухмыляется и приподнимает бровь, обнимая свою

девушку за плечи.

Схватив сумку, выбегаю из машины и следую в танцевальный центр, стуча каблуками. Щеки горят, как будто отсасывала Андрееву я, а не та девушка.

Возбуждение примерно такое же.

Зачем вообще я смотрела на него так долго? Что с тобой происходит, Вика? О чем ты думаешь?

Быстро здороваюсь с Яной, переодеваюсь в короткие леггинсы с футболкой, и прохожу в танцевальный зал, где меня уже ожидает Максим. Обычный парень-брюнет лет двадцати трех-двадцати пяти. Он тоже вполне симпатичный, с отличной подтянутой фигурой, но от его прикосновений в танце я абсолютно ничего не чувствую.

Как будто я заколдована на этого Андреева.

Получив рекомендации по домашним тренировкам после занятия и попрощавшись с новым тренером, спешу обратно в раздевалку, где быстро принимаю душ, укладываю волосы феном и обратно надеваю офисные юбку с блузкой.

На ресепшн пусто и ещё около десяти минут жду, когда кто-нибудь подойдёт. Этим кто-нибудь оказывается хозяин студии.

– Привет, – говорит Матвей бархатным голосом, проходя за стойку. На нем все та же светло-зелёная рубашка, но застёгнутая на все пуговицы, кроме последней. Ниже джинсы. Мажу взглядом по застёгнутому на них ремню.

– Добрый вечер, – сухо здороваюсь. – По-моему, мы не

переходили на ты.

Он иронично улыбается.

– После всего, что между нами было...хм-м.. сегодня, можно считать, что перешли.

Чёртов придурок.

– Яна уже ушла, – становится он вдруг серьёзным. – Что именно интересует?

– Мне нужно уточнить расписание. По четвергам я не могу. Мне удобнее второе занятие делать в субботу.

– Хм, – смотрит он на экран компьютера. – По субботам Максим не работает. Но мы что-нибудь придумаем.

– Хорошо, – разворачиваюсь, но злость и неудовлетворённость достигают в моем организме предельного максимума, поэтому решаюсь и поворачиваюсь обратно. – В следующий раз для извращений подберите места менее людные. В моей машине мог оказаться мой ребёнок.

Он усмехается.

– Ты просто хотела бы оказаться на её месте, – изрекает так, как будто проник в мои мысли.

Нахожу в себе силы засмеяться.

– Обязательно окажусь, сегодня же вечером. Только с мужем.

По его лицу проходит заметная тень.

– Всего хорошего, – холодно киваю и выхожу из помещения студии.

Довольно быстро доезжаю до дома. Лёша уже уложил

Марка, поэтому я просто проверяю, укрыт ли он одеялком и собираю игрушки с пола. Прохожу к себе в комнату, раздеваюсь до белья.

Долго смотрю на своё отражение в зеркало, установленное в ванной комнате.

Наша сексуальная жизнь с мужем никогда не была слишком разнообразной. У меня есть некоторые табу в виде, допустим, анального секса и всего, что с этим связано. Я никогда за десять лет семейной жизни и пятнадцать лет отношений не испытывала такое животное желание на уровне инстинктов, как сегодня в машине на парковке офисного центра. Тем не менее секс с Лёшей всегда был приятным и понятным.

Возможно, ему не хватало разнообразия.

Я не знаю, изменяет ли мне муж и был ли у него секс эти месяцы. Не хочу знать. Не знаю, почему он отстраняется от меня. Но точно осознаю, что дальше жить так невозможно.

Пройдёт ещё пара недель, и я на людей бросаться начну. Сегодня уже была готова, по крайней мере.

Нет, так дальше продолжаться не может.

Открыв дверь, долго смотрю на спящую полуголую фигуру в центре двухспальной кровати. Безусловно ему далеко до Андреева в плане рельефности тела, но муж всегда умел сделать так, чтобы мне было приятно.

Подхожу к кровати и размещаюсь на его бёдрах, перекинув ногу. Прижимаюсь своей грудью к его и шепчу на ухо

унизительную фразу:

– Займись со мной сексом, Свободин.

Глава 7. Виктория

– Вика, какой, на хрен, секс? Ты время видела? Завтра на работу, – говорит он, грубо снимая меня с бёдер.

– Я не понимаю, что с нами происходит Лёш, – шепчу ему в темноте комнаты.

– Ни хера не происходит. Иди спать, – бормочет он сквозь сон.

– Ты не хочешь меня? Не любишь?

Тишина.

– Скажи, – требую, повысив голос.

– Не ори, блядь. Марка разбудишь. Ты выпила, что ли?

Всхлипываю, зажимая рот рукой. Он не ответил. Я впервые за несколько лет напрямую задала этот вопрос. Любит ли он меня? А он не ответил.

Значит не любит?

– Да твою мать, – рычит он, резко вставая и подхватывая меня на руки.

Кидает на кровать.

Быстро стягивает с себя боксеры, откидывая их на пол. Затем ухватывается двумя руками за мои стринги и сдирает их с ног. Разводит широко ноги и резко входит.

Я всё ещё зажимаю ладонью рот, чтобы не разрыдаться от эмоций. Скулю и охаю. Комната наполняется шлепками и

звуками секса, Лёша грубо сдвигает чашки кружевного лифчика и мнёт грудь, тактично раскачиваясь.

Секс механический, как будто для галочки, поэтому и оргазм наступает такой же. Кратковременный и унижительный, чисто физиологический... Кончив в меня, он тоже тихо стонет, вынимает член и перекатывается на подушку рядом.

Молча лежим рядом пару минут.

– Ты меня не любишь? – задаю вопрос ещё раз, нарушаю тишину.

Он раздражительно цокает.

– Не еби мозги, Вика. Ты просила секса, получила. В чем проблема?

– Неужели так сложно ответить на вопрос, Свободин. Он простой. Любишь – скажи, не любишь – тоже скажи. Мы придумаем, что делать дальше.

Усмехается и зло выдаёт:

– Ты больная? Че ты будешь дальше делать? Без меня ты никто. Ноль без палочки.

Обида вгрызается острыми зубами в сердце и раздирает его на мелкие клочки.

Быстро встаю и ухожу в ванную, хлопнув дверью. Моюсь под душем, который смывает не только следы оскорбительного супружеского секса, но и слезы, льющиеся градом.

Не любит. Не ценит.

Я пятнадцать лет своей жизни посвятила ему одному. А он разлюбил.

Это катастрофа.

* * *

На следующий день выбираюсь на обед с подругой. С Машей мы дружим также с института. Она прекрасно знает и меня, и Лёшу. Видела отношения в самом начале, была свидетельницей на нашей свадьбе и является крестной мамой нашего сына.

Она мой близкий человек, но даже ей я никак не наберусь смелости признаться, что мой муж меня не любит. Что со мной, по всей видимости, что-то не так.

Дефектная, несмотря на внешнюю красоту.

– Как Марик? – спрашивает подруга, пока мы сидим в ожидании бизнес-ланча в новом ресторане неподалёку от моего банка.

Помещение просторное, находится на первом этаже элитного жилого комплекса. Панорамные окна, богатые хрустальные люстры и дорогие дубовые столы. Начищенные официанты снуют между столами, принимая и разнося заказы.

Наш столик располагается у окна, которое выходит на главный проспект города.

– Марик хорошо. В садике. Осенью пойдёт в школу, начинаем готовиться.

– Офигеть, Вик. Как быстро растут дети. Вот ещё недавно был маленький комочек.

– Да, – задумчиво произношу. Когда Марик был малень-

кий, мой муж ещё любил меня. И хотел.

– А Лёшик?

Пожимаю плечами.

– Вроде хорошо. Работает.

Мой муж трудится в огромном холдинге на должности руководителя отдела программного обеспечения. У него ответственная работа, которая приносит существенный доход.

– Куда в отпуск в это году? Мальдивы? – продолжает допрос подруга.

– Не знаю, пока. Может вообще не получится.

– Почему? – впивается глазами в моё лицо.

Снова жму плечами.

– У вас что-то произошло?

Прячу дрожащие ладони на коленях, поправляя юбку.

– Да нет, все так же.

– Что-то ты темнишь, – подозрительно улыбается. – Вы что за вторым собрались?

Маша хлопает в ладоши. Меня же в пот бросает от раздражения.

– Нет. Не за вторым. Я вообще не знаю соберёмся ли.

– Почему? Что случилось?

– Лёша меня разлюбил, – выдыхаю, сдерживая готовые хлынуть слёзы из глаз.

Маша непонимающе смотрит.

– Зотова, ты дура? – называет меня по привычке девичьей фамилией.

– Нет, – мотаю головой.

– Он сам тебе это сказал?

Нет. Но он и обратного не сказал.

Снова мотаю головой.

– Тогда выбрось всю фигню из головы? У вас с сексом как?

Закатываю глаза.

Маша из тех людей, которые готовы разговаривать о сексе двадцать четыре на семь даже с незнакомыми людьми и при этом не покрываться красными пятнами с головы до ног. Она с лёгкостью может посоветовать лубрикант или игрушку для секса, рассказать про новые позы или свои достижения по поиску точки джи. В общем, с Машей в новые компании я не хожу ещё со студенческих времён. После пары прецедентов.

– Давно он не «шурудил» твою пещерку своим жезлом? – спрашивает она шутливо, играя бровями.

– Маша, – повышаю на неё голос, оглядываясь по сторонам. – Заткнись, пожалуйста.

Подруга ржёт.

– Мне кажется, вы просто устали. Сдайте Марика маме и закройте дома на сутки. Потрахайтесь хорошенько и все печали уйдут.

– У тебя на всё один рецепт, Маш.

До сих пор краснею от того, как именно она посоветовала вылечить мне горло в прошлом году.

– Тебе надо раскрепоститься. Почувствовать себя сексуальной. Ты зажатая такая, вы пятнадцать лет вместе. Нуж-

но раскрыться, привнести что-то новое в отношения. Может тебе любовника завести?

Усмехаюсь, переводя взгляд в панорамное окно. Только этого не хватало.

С улицы слышится грохот каких-то басов и на светофор подъезжает знакомый жёлтый джип. За рулём танцевальная звезда собственной персоной. Окна в машине открыты, и орущая в салоне музыка разносится по проспекту.

Матвей в белой майке, оттеняющей его загар и бицепсы. На лице черные очки, пальцы постукивают по рулю.

– Какого-нибудь красивого, молодого, – продолжает размышлять подруга. – Чисто для секса.

Андреев трясёт подбородком в такт музыке и склоняет голову в бок, разминая накачанную шею.

– Чтобы снова ощутить себя желанной, чтобы загореться изнутри для мужа. Такой живой кожаный фаллоимитатор, – прыскает смехом.

Матвей вдруг чувствует пристальный взгляд и резко поворачивает голову, застукав меня на месте преступления. Быстро отвожу взгляд, успев зацепить наглую улыбку. Отбрасываю прядь волос за спину.

Для живого вибратора он, конечно, слишком хорош, но если бы ты выбирала, то это был бы точно он, – шепчет внутренний противный голос.

Трясу головой, отбрасывая шальные мысли и возвращаюсь в реальность.

– Не носи чушь, Маш.

– Хороший левак укрепляет брак. Слышала такое?

– Я Свободину не изменяла и не собираюсь. И где вообще наш обед, мне через час нового сотрудника собеседовать, – говорю, глядя на часы.

Глава 8. Виктория

В субботу после того, как в очередной раз отвезла Марку к маме и выслушала порцию нотаций, доезжаю до танцевальной студии.

Практически всю неделю мы со Свободиним не разговариваем. Он периодически интересуется бытовыми вопросами. К примеру, где его синяя футболка или во сколько нужно Марку на занятие к логопеду. Отвечаю, как ни в чем не бывало. Помимо таких тем мы не общаемся.

Я больше не прихожу к нему ночью и пока не решила, как быть дальше.

Быстро переодевшись, прохожу в танцевальный зал и начинаю разминаться.

Ни капли не удивляюсь, когда спустя десять минут в зал заходит Андреев.

– Привет, – говорит, закрывая дверь.

– Добрый день, – отвечаю, отвернувшись обратно к танцевальному станку.

– Размялась уже?

– Немного.

Он снова в черной майке и черных тренировочных брюках, низко сидящих на бёдрах.

– Тогда начнём. Сегодня будем изучать постановку. Ты когда-нибудь танцевала контемп?

– Да, но только в группе.

Матвей кивает, включая музыку.

– Контемпорари – танец, который позволяет показать все свои эмоции и чувства, – говорит, подходя ко мне со спины. Смотрит поверх плеча в мои глаза через зеркало.

– Сквозь танец можно высказать все свои внутренние переживания, – продолжает.

Ведёт пальцами по моей руке от запястья до плеча. Затем то же самое проделывает с другой рукой.

Ёжусь от прикосновений.

– У тебя ведь есть внутренние переживания? – говорит тихо на ухо, щекоча своим дыханием кожу на шее. Она тут же покрывается мурашками от потока тёплого воздуха.

Матвей располагает свою руку чуть выше линии моей груди. Выглядит пристойно, а ощущается разрывающе сексуально. Медленно мажет ладонью вдоль груди и туловища до низа живота.

Заворожённо слежу за этим процессом.

– Для того, чтобы танцевать контемп необходимо использовать определённые техники дыхания, которые позволят вложить в твои движения частичку души.

Притягивает моё тело к своему.

Боже, они просто идеально совпадают. Как околдованная слежу за нашим отражением в зеркале. Дыхание учащается, щеки чуть краснеют от близости постороннего мужчины.

Сексуального мужчины.

Хотелось бы сбить его руки с себя, заорать, чтобы не смел трогать и немедленно выбежать из зала. Но я не могу.

В голове ступор. Он словно нашёл мой стоп-кран.

– Ни один другой танец не даст столько свободы и чувственности.

Его бёдра начинают раскачиваться по кругу, подталкивая за собой мои, заставляя повторять те же движения. Ладонь правой руки все ещё крепко держит низ живота.

– Расслабь, бедра, – шепчет мне на ухо, уводя руку ещё чуть ниже. Хотя куда уж ниже. У меня между ног пожар.

Пульс в моменте достигает максимума, ноги слабеют и фактически, я держусь на них только за счёт его поддержки.

– Закрой глаза, Вика, – просит.

Мотаю головой.

– Закрой глаза, говорю. Ты на тренировке, – чуть повышает громкости в голосе.

Послушно прикрываю веки и отдаюсь его рукам. Музыка медленная, словно размазывающая и без того липкие мысли.

– Хочу, чтобы ты почувствовала лёгкость. Освободилась от груза проблем.

Ещё раз подталкивает и ведёт бёдрами. Его тело такое упругое, даже слишком. Я чувствую спиной и ягодицами каждую точку. Все выпуклости. Особенно выпуклости. Одна из них довольно внушительная.

Настолько, что уши закладывает. Господи, что я творю?

Матвей легко подхватывает моё тело, все ещё прижимая

к себе.

– Вытяни правую ногу, – хрипит на ухо.

Послушно тяну носок. Стараюсь.

Свободной рукой он подхватывает мою левую ногу в районе внутренней части бедра, заставляя расплзаться мурашки теперь и там.

Боже, это нормально вообще, что я хочу его? Дико его желаю. Внутри загорается костёр, состоящий из похоти, стыда и безумного желания.

Весь мир со своими глобальными проблемами стирается. Лёша со своей нелюбовью, мама со своими вездесущими советами, мой любимый сын – все улетучиваются и остаются только руки этого сумасшедшего парня и я, с закрытыми глазами. С закрытыми от самой себя глазами.

Моё тело как будто естественное продолжение его тела.

Интересно, только я одна это чувствую?

Пару раз Матвей медленно кружит меня в воздухе. И опять легонько ставит на ноги. Открываю глаза, чтобы идентифицировать своё положение в пространстве.

– Закрой глаза, – шлёпает меня по бедру. – Я скажу, когда можно.

Послушно снова прикрываю веки. Так легче пережить то, что происходит.

Рука Матвея исчезает с низа живота, оставляя за собой все ещё кипящую от неё кожу.

Поднимается обратно вверх, минуя грудь и шею, добира-

ется до подбородка. Проводит по нему тыльной стороной ладони.

Щемяще нежно.

Неожиданно разворачивает моё тело к себе, крепко обнимает и опускает мои плечи вниз, заставляя прогнуться в спине и откинуть голову назад. Второй рукой хватается за ягодицу. Чтобы не упасть вцепляюсь руками в его шею, задевая жёсткие волосы на затылке.

– Закинь правую ногу мне на бедро, – говорит, чуть сжимая ягодицу.

Его дыхание тоже сбито. Он словно бежит длинную дистанцию.

Делаю, как просит.

– Хорошая, – хвалит.

Склоняет голову к моему лицу. Я понимаю это, когда чувствую тёплое дыхание на щеке, а мой нос улавливает его мятных запахов.

Слегка проводит носом по скуле, делая глубокий вдох-выдох.

Боже, если до этого я ещё могла обмануть себя, что это просто танец. То сейчас уже не получается. Врать себе не получается.

Язык присох к небу намертво, чтобы забрать воздух в лёгкие приходится чуть приоткрыть рот. Поздно понимаю, что выглядит это как приглашение, потому что в следующий момент его сминают жёсткие горячие губы. Его вкуса становит-

ся так много, что сносит последние сомнения.

Чужой мужчина облизывает мой язык и творит какое-то безумие. Впиваюсь пальцами в его причёску, оттягивая голову назад, но он не сдаётся. Впивается ещё крепче в мой рот и рычит. В голове закручивается калейдоскоп из вожделения, азарта, похоти, стыда и чувства вины.

Стоп. Хватит.

Резко убираю руки с его головы и толкаю в грудь со всей силы. Чуть не падаю, отпрыгивая подальше и пытаюсь отдышаться.

– Придурок малолетний, – вытираю ладонью губы, стирая с них его мятный вкус. – Ты совсем больной?

Яростно смотрю на то, как он тоже приводит дыхание в порядок, поместив руки на бёдрах. Его штаны недвусмысленно натянуты в районе паха.

– Козёл, – топаю ногой и вылетаю из танцевального зала, слыша за спиной хриплый наглый смех.

Глава 9. Виктория

Судорожно тру пальцами губы в душевой.

Это просто ужас. Целовалась с другим.

– «Как шлюха подзаборная», – обязательно бы сказала бабушка и смачно сделала бы любимое «тьфу».

– «Чего ещё ждать от Зотовской породы, – причитала бы моя мать, взявшись руками за лицо и качая головой».

Ещё в девяностые сестра моего отца, тётя Марина, ушла от своего мужа к любовнику. Дядя Серёжа работал вахтовиком на севере, приезжал редко и чаще всего во время отпуска пил запойно, распускал руки и третировал её с детьми.

Несмотря на это, собственная семья женщину практически прокляла, когда она влюбилась в своего коллегу. Спокойного работающего мужчину с руками. До сих пор помню, как моя мать, встречаясь с тётей Мариной на улице даже не здоровалась и презрительно на неё смотрела, а мне приходилось стыдливо опускать глаза.

Сейчас я словно опять вернулась в детство, в то мерзкое чувство стыда.

Опускаю руку между ног, там просто потоп во имя Матвея Андреева. На мужа я никогда так не реагировала. Это какой-то заговор собственного тела против меня.

Быстро собираю вещи, проверяю ещё раз в зеркале горящие щеки, губы и пулей лечу к выходу из раздевалки. Но

только я открываю дверь, как сильные руки вталкивают меня обратно.

Матвей тоже после душа. Волосы влажные, одет в джинсы и черную футболку. Лицо невозмутимое. Без иронии или самодовольства.

Бью его по груди.

– Дай пройти, – повышаю голос.

– Успокойся, – говорит он хрипло. – Какая муха тебя укусила? Ничего особенного не произошло.

– Ничего особенного? – нервно смеюсь. – Ты больной? Скажи мне?

– Я здоровый. У меня есть справка. Пойдём в кабинет, я тебе покажу.

Господи, слава богу хоть не заразный! Чем там можно заразиться через слюну? Перебираю возможные варианты.

– Никуда я с тобой не пойду, – яростно тыкаю ему пальцем в твёрдую грудь. – Пропусти меня.

– Сначала ты успокоишься, Вика. За руль в таком состоянии не сядешь, – твёрдо отвечает. – Пойдём я налью тебе чай.

Мне хочется топтать, кричать и орать. Мне хочется, чтобы этого дня вообще в моей жизни не было.

А он мне почаёвничать предлагает?

Одно дело посмеяться с Машей над тем, чтобы завести любовника. Другое дело – сосаться с тренером по танцам. При живом муже. Не важно, какой этап мы переживаем.

Как мне теперь договариваться со своей совестью?

– Только чай, Вика, – повторяет ещё раз Матвей, смотря на меня сверху вниз.

– Ты меня больше пальцем не тронешь, – опять тыкаю его в грудь.

– Хм, – обворожительно улыбается, от чего тут же проступают ямочки на его щеках. – По-моему последние две минуты пальцем меня трогаешь только ты.

Перевожу взгляд на свою руку.

Блин. Он прав.

– Пойдём? – открывает дверь. – Просто поговорим.

Я не знаю зачем я иду за ним, но догадываюсь, что скорее всего, чтобы усыпить своё острое чувство вины. Посмеяться над ситуацией.

Мол у кого не бывает.

Я жду от него извинений в стиле «Извини, я тебя перепутал».

Одновременно жду и одновременно не хочу, чтобы это было правдой. Почему-то то, что он мог поцеловать меня по ошибке, отзывается в груди неприятным шипением.

Узкий коридор заканчивается входом в небольшой кабинет. Стены здесь увешаны дипломами и сертификатами. На полках большое количество небрежно расставленных кубков. В центре кабинета довольно большой стол, который сложно разглядеть из-за большого количества бумаг на нем.

– Садись. Чайник поставлю, – говорит Матвей, сгребая до-

кументы в центр стола и расчищая место.

– Ну и бардак, – говорю брезгливо, размещая сумку на стуле.

= Я творческий человек, – пожимает плечами.

– Отличное оправдание для неряхи.

Матвей молча разливает чай в кружки. Из-под опущенных глаз слежу за движениями его сильных рук, то и дело вспоминая как он сжимал ими мои ягодицы, вдавливал моё тело в своё и гладил.

Бесконечно гладил.

– Я хочу извиниться перед тобой, – говорит сосредоточенно.

– Хорошее начало, – говорю учительским тоном, принимая от него кружку.

– Нет, я серьёзно. Ты была такая податливая и открытая, что не сдержался. Башню снесло напрочь.

Мои щеки безнадёжно краснеют от того, как легко он произносит правду. Не юлит, в голосе нет насмешки или злорадства. Это заставляет меня немного ослабить хватку.

– И часто у тебя башню сносит? – интересуюсь, отпивая чай.

– Настолько – впервые.

– Угу, – киваю головой многозначительно.

– Не веришь? – обворожительно улыбается.

– Мне нет до этого абсолютно никакого дела, – отворачиваюсь.

Молчаливая пауза затягивается.

– Ты ответила на поцелуй, – говорит он тихо.

Закатываю глаза.

– Самоуверенный мальчишка, – шиплю. – Мы просто танцевали. Ты сам сказал, что через танец можно показать все свои чувства и эмоции. Все это время я представляла мужа.

– В смысле? – его лицо краснеет.

Ангельски улыбаюсь, отставляя кружку. Кажется, чья-то самоуверенность тает, как снег ранней весной.

– А чему ты удивляешься, Матвей? – легко смеюсь. – Ты думал, что я там в зале тебя целовала? Это просто недоразумение. Не-до-ра-зу-ме-ни-е.

Пристально на меня смотрит, словно высчитывая вероятность и правдивость этой информации. На его лице появляется наглая улыбка:

– Так, может, закроешь глаза, и я трахну тебя как следует? Раз у тебя всё неплохо с воображением.

Скалит белоснежные зубы.

– Помечтай, Андреев, – говорю, резко вставая.

Подхватив сумку, иду к выходу.

– Забавная ты, Вика, – слышу за спиной. – Говорила, что имя моё не запомнишь. А уже и фамилию выучила...

Глава 10. Виктория

Новая неделя начинается с моей нескончаемой радости. Пару раз в год Лёша, как руководитель направления, уезжает в незапланированную московскую командировку на обучение. В этот раз оно продлится две недели. Во вторник бережно собираю ему чемодан, чтобы ничего не забыл, и мы с Марком везём его в аэропорт.

– Пап, – спрашивает сын, болтая ногами. – А ты будешь по нам скучать?

Муж, как обычно погрузившись в мобильный, никого вокруг не замечает.

– Свободин, – шиплю, толкая его в плечо.

– Что тебе? – срывается он криком, оторвавшись от экрана.

– Пообщайся с ребёнком. Ты две недели его не увидишь.

Честно сказать, я жду момента, когда оставлю его на парковке и надеюсь, что эти две недели немного заставят нас соскучиться друг по другу. Потому что жить так дальше становится просто невыносимо.

Я не знаю, как это объяснить.

Больно даже не от того, что он больше не любит, не ценит и не хочет понимать. А от того, что раньше всё это было. От того, что чувствуешь – уходит что-то безвозвратное и трепетное. Уходит навсегда. А причину ты не знаешь.

– Да, Марк, – говорит Лёша, блокируя телефон.

– Ты будешь по мне скучать, пап?

– Конечно, сын, – кивает.

– А по маме?

В салоне машины возникает неловкая пауза, которая будто оголяет скопившееся взаимное раздражение.

– И по маме... естественно, буду. А мама по мне будет скучать? – спрашивает он едко, разворачиваясь ко мне.

Забираю воздух, чтобы вытерпеть оставшиеся пару километров.

– Платки сушить устану, дорогой, – язвлю.

– Мам, а что это значит? – подхватывает сын сзади.

– А это значит, Марк, что наша мама очень жестокая, – отвечает за меня муж и грубо добавляет:

– Ты можешь перестроиться, че ты тащишься за этим тихоходом?

Перестраиваюсь в левый ряд, удостоверившись в том, что он пустой.

– Жес-то-ка-я... Как Росомаха из «Марвела»? – испуганно спрашивает младший Свободин.

– Хуже, – тихо отвечает муж, снова уставляясь в телефон.

Агрессивно стискиваю руль от обиды.

– Росомаха страшный, а мамочка красивая, – продолжает рассуждения сын. – Совсем не похоже.

– Спасибо, Марик, – улыбаюсь через силу ему в зеркало.

Долго стоим в пробке на въезде и наконец-то заезжаем на

парковку.

– Пока, пап.

– Пока, – Лёша открывает дверь и разворачивается ко мне. – Пока, Вик.

– Счастливого полёта, – киваю, глядя в лобовое стекло.

Облегчение. Это все, что я испытываю, когда в дверях терминала скрывается фигура человека, с которым я прожила бок о бок пятнадцать лет.

Облегчение и немного досады.

* * *

Во вторник задерживаюсь на работе и забрав сына из детского сада, понимаю, что никак не успеваю закинуть его к маме до занятия в танцевальной школе. Опоздаю. Приходится везти его с собой и размещать рядом с Яной в зоне для клиентов. Выдаю свой телефон и наказываю вести себя максимально тихо. Девушку тоже предупреждаю, чтобы сообщила мне, если возникнут какие-то проблемы. Она испуганно кивает, но не возражает на навязанную заботу о ребёнке.

Быстро переодеваюсь в легинсы и короткий топ, убираю волосы в высокую шишку. На ноги натягиваю танцевальные чешки.

Максим как обычно собран и серьёзен. Никаких прикосновений. Никакого контакта. Во всяком случае, таких, от которых сносит крышу. Пока разминаемся, думаю о том, что неплохо было бы освободить четверг и прекратить субботные тренировки с Андреевым. Так будет правильно, хоть

внутри и просыпается сожаление. Понять себя сложно, а принять собственные противоречивые эмоции ещё сложнее.

Из зала выхожу взмокая, но энергии хоть отбавляй. Первым делом иду проверить сына. На том месте, где его оставила только рюкзачок с Человеком-Пауком и кепка с ним же. За стойкой ресепшн пусто.

Проверяю в раздевалке – никого нет. Иду по коридору, заглядывая в другие помещения, которые оказываются закрытыми. Пока не дохожу до конца коридора и не дёргаю дверь в кабинет Андреева, успеваю забеспокоиться.

Дверь тут же поддаётся и вниманию предстаёт мой сын, восседающий за столом в директорском кресле. Рядом с ним на столе кружка и несколько разноцветных фантиков от конфет.

– Вот ты где, – прохожу в кабинет, игнорируя его владельца, сидящего на диване в углу кабинета.

– Привет, – раздаётся за спиной бархатный голос.

– Мам, Матвей мне дал конфеты. Ты же не будешь ругаться? – спрашивает сын настороженно.

– Буду, конечно, – недовольно кидаю взгляд за спину, игнорируя приветствие.

– Опять я во всем виноват, – философски выдаёт Матвей.

Резко разворачиваюсь к нему. Щёки вспыхивают, а на и без того мокрой спине от тренировки прокатываются мурашки. Напоминает мне про субботу. Все эти дни я пыталась забыть случившееся недоразумение, словно если не вспоми-

нать об этом, то позор сам собой сотрётся.

Как будто ничего не было.

Окидываю взглядом хозяина кабинета. Он в тех же светлых джинсах и лёгкой льняной рубашке, которая не застёгнута на верхние три пуговицы. Её белизна оттеняет бронзовую кожу так, что по ней тут же хочется провести рукой. Неосознанно сжимаю пальцы.

На его лице лёгкая стильная небритость и ухмылка, без которой я Андреева уже не представляю.

– А где Яна? – спрашиваю, складывая руки на груди, о чем тут же жалею, потому что привлекаю внимание к этой части тела.

– Отпросилась пораньше, – пожимает плечами.

Кидаю взгляд на сына, мирно болтающего ногами и уставившегося в экран телефона, и снова на Матвея.

Почему, почему ему обязательно надо быть таким смазливый? А мне такой дурой, которая на это ведётся? Чувствую его взгляд на себе и не могу пошевелиться.

– Извини, что привела его с собой, – вспоминаю о приличиях.

– Без проблем, мы отлично пообщались. Много нового узнал, – давит смешок, потирая подбородок пальцами.

Закатываю глаза.

– Представляю.

– Мама, – отрывается от телефона Марк. – Матвей сказал, что научит меня кататься на велике в парке. Можно ведь?

– Не думаю, – зацепляю взглядом искрящиеся от смеха мужские глаза.

– Ну мама, – начинает уговаривать сын. – Пожа-а-а-луйста.

Отбрасывает телефон на стол и соединяет руки в умоляющем жесте.

– Соглашайся, Вик, – говорит Матвей, упираясь локтями в колени, прищуривается.

– Нет, – продолжаю стоять на своём.

– Ну мамочка, ну пожалуйста, – кричит Марк. Его нижняя губа по-детски смешно оттопыривается, а глаза наполняются слезами.

Переношу вес тела с одной на другую ногу и продолжаю смотреть то на одного, то на другого собеседника.

– Боишься? – спрашивает Матвей, изогнув бровь. – Меня или себя?

Устало смеюсь, сдерживая злость. Боюсь? Его? Что он о себе надумал?

– Вот ещё, – выплёвываю. – Если есть желание, учи, пожалуйста.

– Ура-а-а, – кричит сын за столом.

В светло-серых глазах загорается победный огонёк, и я понимаю, что эти двое только что обвели меня вокруг пальца.

Глава 11. Виктория

Для того, чтобы связаться завтра перед прогулкой обмениваемся с Андреевым номерами телефонов. Приложение тут же предлагает подружиться в одной из социальных сетей, но я игнорирую это уведомление.

Вечером укладываю Марка спать, и приняв душ, забираюсь в постель. Пальцы сами собой щелкают по кнопкам, врываясь в аккаунт Матвея Андреева. Страница открыта. Быстро перелистываю фотографии, которых здесь более тысячи.

Он очень разносторонний. Помимо танцев на фотографиях этот суперчеловек предстаёт в виде сноубордиста, сёрфера и снорклера. Судя по его манере жизни, он ничего не боится. От таких людей у меня всегда захватывало дух. Со страхом перематываю видео, где Матвей прыгает с высоты двести семь метров в сочинском Скай-парке.

А ещё у него есть девушка. Во всяком случае так считает Анжелика Любимова, которая под каждым его фото ставит сердечки и смайлики. Я узнала её. Эта та брюнетка с парковки. Совместных фото немного, но они есть.

Почему-то это открытие отзывается неприятным покалыванием под грудью. Мне абсолютно она безразлична, но я ныряю в её аккаунт и пролистываю страницу пальцем.

Анжелика тоже занимается танцами. Здесь огромное количество видео и фото с выступлений. У девушки миловид-

ное лицо, отличная фигура и она прекрасно двигается. Внутри замешивается комок из зависти и... ревности. Ревности, на которую не имею никакого права.

До полуночи провожу на страницах Матвея и Анжелики и прихожу к выводу, что они просто идеальная парочка. И кстати, последний отпуск в Таиланде они провели тоже вместе.

Утром ожидаемо не высыпаюсь.

На работе борюсь с усталостью и уже собираюсь написать Андрееву о том, что прогулка отменяется, но когда забираю Марка из детского сада и вижу его счастливое лицо, отказываюсь от этой затеи.

Подъезжая к парку, получаю сообщение о том, что Матвей ждёт у входа на парковку. И действительно, первым делом вижу высокую фигуру у железных ворот. Он в лёгких чёрных шортах, хлопковой футболке и конверсах. Выглядит даже моложе, чем есть на самом деле. Ему двадцать пять, это я тоже выяснила в соцсетях.

Наша разница в возрасте восемь лет. И для меня она колоссальная. Просто чудовищная. Особенно сейчас, когда он выглядит как звезда американского колледжа, а я как заслуженный банковский работник года в своей шёлковой блузке без рукавов и облегающей серой юбке.

Быстро проверяю макияж и выхожу из машины.

– Привет, чемпион, – здоровается Андреев первым делом с Марком, снимая солнцезащитные очки и ослепитель-

но улыбаясь.

Окидывает меня похабным взглядом, от которого становится ещё жарче.

– Я свой смокинг постирал. «Ничего страшного?» – спрашивает с улыбкой.

– Очень смешно, – натягиваю на нос очки и поправляю волосы. – Велик в багажнике. Не спрашивай, как я его туда упаковала.

Матвей ещё раз проезжается по моим ногам в узкой юбке и говорит:

– Я бы посмотрел.

Игнорирую его намёк и открываю багажник. Задерживаю дыхание, когда он проходит рядом и до меня доносится запах его туалетной воды.

Пока направляемся в парк, сын без остановки болтает и слушает спокойные ответы Андреева.

Больше всего мой разрушающийся брак бьёт по сыну. Ему не хватает отца. Разговоров за обедом, прогулок в парке, мужского участия. Лёша за три дня не позвонил ни разу. Смотрю на сына, который катит велик впереди нас, ухватившись за руль маленькими ладошками и такая обида берет. За него. За себя.

Наверное, женщина может простить своему мужчине всё, если постараться. Но только не холодность к своему ребёнку.

Тёплая погода установилась совсем недавно и в парке достаточно много людей. Решаем пройти подальше, чтобы най-

ти свободную дорожку.

– Где ты работаешь? – обращается Матвей ко мне, чуть приобнимая за талию, когда мимо пронесется парень на электросамокате.

Делаю вид, что не заметила его прикосновений.

– В банке.

– Скучно, наверное?

– Обычно, – пожимаю плечами.

– Мне кажется, это не совсем твоё, – добродушно говорит, поигрывая ключами от автомобиля. Его манера держаться в этом мире злит меня своей свободой и открытостью. Потому что я не такая и все мои близкие тоже.

– Ну кто-то должен работать, а не просто тратить папочкины деньги, – холодно замечаю.

Матвей тут же отворачивается. Я не хотела его обидеть, хотя получилось довольно резко.

Блин.

– Навела справки, получается, королева Виктория?

– Ты же сам говорил, что тебя каждая собака знает, – замечаю.

– Это ты говорила, кстати, – снова скрывает лицо за очками, широко улыбаясь мимо проходящим девушкам, а потом снова смотрит на меня серьёзно. – Послушай, ты меня не знаешь. Даже сейчас ты ведь разговариваешь не со мной.

– А с кем же?

– Ты увидела какие-то фотографии, возможно, услышала

что-то про мою семью, отца. И вот тебе уже кажется, что ты все про меня поняла. Но это не так. Даже сейчас ты общаешься со своим представлением обо мне, с проекцией. Но точно не со мной, – рассуждает и обращается к моему сыну. – Марк, поворачивай.

– Интересная теория. А твоя девушка – это тоже проекция? – спрашиваю дерзко.

Матвей отводит взгляд и долго молчит, а потом тихо тянет:

– Нет, Лика не проекция.

Теперь моя очередь отворачиваться, потому что интонация, с которой он это сказал слишком личная, интимная. От чего-то мне хотелось бы, чтобы он сказал по-другому. Что-то типа «это просто подруга» или «это все несерьёзно». Хотя их социальные сети уже многое мне рассказали.

– Ты тоже обо мне ничего не знаешь, – добавляю сухо, глядя под ноги. – Поэтому оставь, пожалуйста, свои мысли при себе.

– Окей, – легко кивает он и догоняет Марка.

Немного задерживаю шаг и пытаюсь справиться с собой.

Мы разные.

Я замужем за человеком, с которым у нас непрекращающийся кризис в отношениях. У меня сын. Моя жизнь упорядочена и размерена. Матвей творческая личность, с детства рос в достатке. У него много увлечений и есть девушка.

У нас с Андреевым восьмилетняя разница в возрасте и

наши вселенные никогда бы не пересеклись, если бы не моё желание вспомнить молодость и заняться танцами.

Но почему-то все мои рассуждения меркнут, и в душе загорается предвкушение от этого вечера, когда Матвей разворачивается, складывает руки на бёдрах и хрипло кричит:

– Догоняй.

Глава 12. Виктория

– Мама, догоняй, – кричит сын.

И я значительно прибавляю шаг.

Довольно быстро отыскиваем свободную дорожку.

Матвей подходит к обучению очень ответственно и сначала подробно рассказывает Марку из чего состоит велосипед. Терпеливо объясняет для чего нужны все детали, и как пользоваться педалями и тормозом.

Включаюсь в их разговор, присев на лавочку.

– Я тебе объясню основные правила езды на велосипеде, – говорит Матвей, снимая солнцезащитные очки.

Делает шаг ко мне. Передаёт очки, айфон, естественно последней модели, и ключи от машины.

– Подержишь у себя? – спрашивает. – У меня нет карманов.

Неосознанно перевожу взгляд на его бёдра и пах, тут же вспыхиваю и резко отворачиваюсь.

– Кстати, Вик, – заговорщицки улыбается, чуть наклонившись, и вкрадчиво шепчет мне на ухо. – Те же правила действуют и в сексе. Внимай.

Закатываю глаза.

Что может быть общего в сексе и в езде на велосипеде?

Сын падает на лавку рядом со мной, а Матвей присаживается на корточки напротив нас. Его накаченные мышца-

ми ноги со светлыми короткими волосками оголяются ещё больше и мне инстинктивно хочется сжать бедра. В одной руке танцевальный гений держит детский двухколёсный велосипед, который в прошлом месяце мы купили с Лёшей в спортивном магазине.

Воспоминание о муже резко портит настроение, но это ровно до первого сравнения Андреева.

– Смотри, дружище, – проводит пальцами по сидушке. – Для начала убедись в плотной посадке. Хм-м... Желательно глубокой.

Прыскаю от смеха.

Извращенец.

Матвей пшикает в мою сторону, типа не мешай. Продолжает, проверяя пальцами колеса:

– Если спустило – попробуй накачать, как следует.

Многозначительно на меня смотрит.

– Очень остроумно, – замечаю, пряча глаза.

Дальше задевает руль. Слежу за его длинными ухоженными пальцами, как заворожённая.

– Ты можешь делать это без рук, но лучше даже не пробовать, пока опыта не набрался, – грязно улыбается, мазнув взглядом по моим ногам и бёдрам. – Так будет приятнее.

Задерживаю дыхание, понимая, о чем он. Щеки вспыхивают. Марк сидит рядом и болтая ноги, внимательно слушает. Андреев продолжает:

– Ты можешь делать это один, но... это будет не настолько

интересно. Поверь моему опыту, парень.

– Ты просто гуру, – снисходительно качаю головой.

– И если твой партнёр не поспекает, лучше замедлиться и подождать его, – добавляет хрипло. – Чтобы прийти к финалу вместе.

Делаю вдох-выдох. Его «велосипедные»– правила секса определённо меня будоражат.

– А если я упаду? – спрашивает Марк заинтересованно.

– Лучше всего падать на мягкое место, – находчиво выдаёт Андреев, подмигнув мне. – Ну и если ты упал – надо всего лишь встать и продолжить.

– Круто, – выдаёт Марк восхищённо.

Матвей переводит взгляд на меня и спрашивает дерзко:

– А твоя мама знает какие-то правила?

– Мам, знаешь? – подхватывает Марк.

Задумываюсь и нахожу, как щёлкнуть по носу этого мачо.

– Знаю, – киваю, глядя в светло-серые глаза и сканируя ямочки на щеках. – Многие люди, прокатившись пару, раз начинают думать, что они асы. Но это далеко не так.

– Вот это уделала, – смеётся Матвей, откидывая голову назад. – В общем, Марк, если ты научился это делать, то уже точно не забудешь.

– Можно уже кататься? – нетерпеливо вскакивает с лавки Марк.

– Конечно, садись, – помогает ему Андреев.

Следующие полчаса с улыбкой наблюдаю, как мой сын по-

стигает что-то новое. То и дело слышится детский визг и низкий мужской смех. Какая-то часть меня подкидывает мысли о том, что Матвей будет замечательным отцом своим детям.

В отличии от двадцатипятилетнего Андреева Свободин ничему научить Марка даже не пытается. Спустя пять минут любого занятия с сыном Лёша всегда начинает раздражаться и орать. Сын закрывается и дальше теряет всякий интерес. Поэтому я радуюсь тому, что нашёлся человек, который спокойно все объяснил и это не превратилось в очередную пытку.

В руках несколько раз моргает «яблоко», и я по привычке, читаю уведомления на экране, не сразу поняв от кого они:

Лика: «Мот, ты где?»

Лика: «Все ещё танцуешь?»

Лика: «Заедь в аптеку»

Лика: «Презервативы закончились»

Быстро откладывая телефон на лавку, словно держать его становится физически неприятно. Одно дело обнаружить, что у него есть девушка, другое дело – точно знать, что после прогулки в парке он поедет к ней и им понадобится защита.

Весь его смешной монолог на похабные темы вдруг начинает казаться не лёгким флиртом, а злой насмешкой.

Что если он просто угорает? Прикалывается надо мной? Почувствовал, что нравится и решил подшутить?

Стыд прокатывается волной вдоль позвоночника. Эта волна смывает моё настроение и становится резко холодно.

Грею голые плечи, растирая их ладонями. Возомнила себя роковой женщиной.

Дура. Дура. Набитая дура.

– Марк, – зову сына, вставая и поправляя юбку. – Заканчивайте.

Матвей направляется в мою сторону и растерянно смотрит.

– Что-то случилось?

– Нет, – поджимаю губы. – Нам просто пора домой.

Он помогает моего сыну слезть с транспорта.

– Молодец, чемпион. В следующий раз будет уже лучше.

– А ты ещё пойдёшь с нами, Матвей?

– Конечно, надо закрепить результат.

Передаю Андрееву выданное мне на хранение имущество, стараясь не касаться его кожи. Во вторую руку он легко подхватывает велосипед за раму.

Беру сына за руку и стремительно тащу его к выходу.

– Мам, я не могу так быстро, – ноет Марк, перебирая ногами.

– Вика, что произошло? – недоумевает Матвей. Старается не отставать.

– Все хорошо, спасибо, – отвечаю, не оборачиваясь.

Подойдя к машине, открываю багажник и жду пока Матвей сгрузит нелёгкую ношу. Он тепло прощается с Марком и задумчиво чешет подбородок, пока я открываю дверь и усаживаюсь на водительское кресло.

Заведя двигатель, открываю окно и как бы между делом говорю:

– Кстати, проверь телефон. Твой партнёр по велоспорту просит заехать в специальный магазин, чтобы купить нужную экипировку.

Матвей тут же уставляется в экран своего телефона, а я с чувством выполненного долга выруливаю на дорогу.

Глава 13. Мот

Фак ин щит. Как сказал бы Гарри, мой английский тренер по танцам.

По-русски гораздо проще. Грёбаное дерьмо.

Мрачно провожаю серый мерс Королевы и щелкаю сигнализацией своего новенького «Джипа Вранглера».

Дурацкая вышла шутка с цветом.

Эта машина – подарок отца на моё триумфальное возвращение в родные пенаты. Я не хотел и не просил. И возвращаться сюда я НЕ ХО-ТЕ-Л. Но с детства для моего отца это самый мало волнующий факт во вселенной. Мои желания. Вертел он их долго и качественно.

Сажусь в машину и тут же набираю Лику.

– Мо-о-от, – тут же тянет она.

– Да, Лик?

– Ты долго?

– Нет, сегодня не приеду, – говорю, положив голову на спинку сидения.

– Почему? – настороженно спрашивает.

Представляю, как закусывает нижнюю губу и заворожённо ждёт ответ. Если бы я мог складывать слова в строки, я бы написал огромный опус для всех девушек мира о том, что мужику всегда интересно только то, что выпрыгивает из рук. Как лягушка. Ты к ней. Она от тебя.

Это заводит.

А вот эти «Почему?» они такие же сексуальные, как парни, танцующие на каблуках. Смотрится жалко и мерзко.

– Выспаться хочу. Давай потом, малышка.

– Блин, я пиццу погрела, – расстроено отвечает.

Хозяюшка моя, блин.

– Твоя любимая из «Санчес», – называет лучший в этом городе ресторан.

Естественно. Сама она не готовит, чтобы не есть. Фигура у неё что надо, но она и пашет на неё ежеминутно. Ничего лишнего. Тем более пицца.

– Спасибо, – мягко благодарю. – Давай завтра. Я позвоню.

– Жалко. Завтра, кстати, у нас семейный ужин. Мы вас ждём.

– Круто, – восклицаю уныло.

– Тогда до вечера? – с надеждой спрашивает.

– Спокойной ночи, Лика.

Откидываю айфон на панель и смотрю в салонный потолок. Ладно хоть он не жёлтый. Иначе я бы уехал в дурку раньше, чем отец выдал меня "замуж". Как юную двадцатипятилетнюю девственницу.

Надо как-то продлить этот цирк со сватовством, как можно дольше. Растянуть. Я одновременно не хочу этого и с ужасом думаю о том, что именно должно произойти, чтобы все закончилось.

Моя жизнь сейчас такая же безнадёжная, как и причина,

по которой я сижу именно в этой точке планеты. Каждый раз, думая об этом мне приходится стискивать зубы до боли, потому что слезы – это не то, чем может похвастаться мужчина. Я в тисках. Вдохновения нет даже на то, чтобы заняться как следует собственной школой танцев. Которая, кстати, тоже является отцовским подарком.

Он очень щедрый. Когда это в его интересах.

Выезжаю с парковки и еду в сторону дома. Но потом резко ухожу вправо по проспекту и встаю в пробку. Барабаню по рулю в такт музыке, нога по привычке синхронно отбивает ритм.

Вика.

Такая она занятная.

Виктория.

Красивая. Просто глаз не оторвать. И в отличие от Лики, просто королева лягушачьего царства. Постоянно ускользает. Но я все равно дотянусь. Я настырный.

Пока не понял зачем мне это. Особенно сейчас. Последние полгода жил вообще без интереса. Обрушившиеся в прошлом ноябре новости выбили из колеи и разделили жизнь на до и после. Все это время двигаюсь на автопилоте. По инерции встаю, по инерции танцую эту жизнь.

Там в зале, когда поцеловал королеву, снова что-то почувствовал. Не такая как все она. Поначалу думал мордашка симпатичная, фигура спортивная. На парковке, когда мы с Ликой попались, смотрела своими глазами на меня до-

верчиво, с таким бесхитростным естественным природным желанием, что я кончил за две минуты. Лица офигела. Подумала, что по ней соскучился. Наивная.

В прошлую субботу в зале, когда танцевать с ней пытался, охренел сам от себя. Я живой, оказывается. Не все клетки, отвечающие за выработку гормона счастья, умерли.

Она замужем.

Но это меня не останавливает. Её муж конченный дебил. Потому что он её не трахает. Во всяком случае делает это максимально некачественно. Это факт. Такой же как-то, что цвет моего джипа – цыплячий.

Она вся... зажатая что ли. Снаружи вечно раздражённая холодная принцесса, а внутри огонь, который надо добывать. Но то, что он там есть чувствуется сразу. Всеми частями тела его ощущаю.

Наконец-то доезжаю до недоофиса, в котором в последние месяцы днями и ночами зависает мой друг детства – Кирилл Авдеев. Оставляю тачку на дороге и иду по узкому проходу, состоящему не то из гаражей, не то из каких-то списанных контейнеров. Без стука захожу в помещение.

– Же-е-е-сть, чем так воняет? – морщусь и зажимаю нос.

Кирия пожимает плечами и снова утыкается в бумаги, лежащие на столе. Темные волосы взъерошены.

– Наверное, крыса сдохла где-нибудь в обшивке.

– Как ты тут сидишь весь день? – прохожу к окну и открываю его настежь.

– Привык.

– Как успехи? – спрашиваю, размещаясь в кресле и стараюсь на всякий случай не касаться его не прикрытыми тканью участками тела.

– Работаю. Кофе налей, а?

Покидаю кресло и иду включать чайник, расположенный на импровизированной кухне. Это здание Кирия выкупил у администрации города по охренеть какой дешёвой цене. В планах сделать крутой ремонт и сдавать помещения под офисы.

Оглядываюсь по сторонам и пока не понимаю, что тут может выйти стоящего. Район неплохой, но работы умотаться. Друг в отличии от меня не родился с депутатским мандатом в одном месте. Он из обычной семьи, родители врачи в третьем поколении. А Кирия крови с детства боится, так что в обморок падает. Такая вот ирония судьбы.

Ставлю кружку с кофе перед его носом и пытаюсь вникнуть в план инженерных коммуникаций, который он изучает.

– Что ты тут понимаешь вообще? – качаю головой.

– Я в твоих «джампах» тоже не варю, – ворчит он под нос и поднимает голову. – Кстати, ты чем завтра занят?

– У меня семейное представление, – закидываю руки за голову и качаюсь на кресле. – Билеты в первый ряд. Начало в шесть. Без антракта часа на два.

Он понимающе кивает.

– Сходишь со мной в клуб, – говорит утвердительно.

– В клуб? Ты че заболел, Мавроди? – называю его прозвищем, которое мы с пацанами дали ему ещё в детстве, когда он пытался продавать все, что можно.

– Так надо, – говорит упрямо.

– Ну окей, – закидываюсь обжигающим дешёвым кофе. –
Надо так надо.

Глава 14. Мот

– Матвей, где тебя носит? – слышу в трубке грозный голос отца. – Ты опаздываешь.

– Я почти на месте. Не нервничай так.

– Что ты за человек такой? – шипит он. – Ты цветы купил?

– Чёрт... Забыл, – бью нервно по рулю.

– В смысле? Быстро езжай за цветами. Лика нервничает.

– Так может успокоишь её вместо меня? – спрашиваю дерзко.

– Не передёргивай, – цокает. – Быстро сюда вместе с клумбой.

Раздражение прокатывается по венам. Растираю лицо руками и разворачиваюсь на ближайшем перекрёстке. Нахожу более-менее приличный цветочный и покупаю любимые Ликины цветы. Конечно, розы.

Через пункт охраны заезжаю в усадьбу Беловых, медленно иду ко входу. Дверь отворяется, и из неё галопом несётся моя девушка.

– Мот, блин. Я тебя потеряла, – запрыгивает на меня с руками и ногами. Целует. От неё всегда приятно пахнет, но голову от этого аромата к чертям не сносит.

– Я тут, – спокойно говорю, оторвавшись от розовых сочных губ.

– Это мне? – делает картинно удивлённое лицо и выхва-

тывает букет.

– Тебе, – отдаю цветы, оглядываясь по сторонам.

– Пойдём скорее, все уже за столом.

Следующие два часа изображаю культурного сына в деловом костюме. То и дело поглядываю на маму. Она похудела. Осунулась. Выть хочется. Просто встать посреди этой столовой, наполненной дорогим китайским фарфором и кучей снобов, и завывать во весь голос. Потому что она умирает у меня на глазах. А сделать ничего нельзя.

Со всеми деньгами, связями – ничего.

Просто ждать. Это конец.

На хера тогда проживать эту жизнь, как мой отец и пресмыкаться перед этими толстосумами, если максимум, что можно сделать в конце – обезболить? Жаль, что не придумали как обезболить душу. Алкоголь – не моё, наркотики – тем более. В сухом остатке только танцы. Но и это не помогает.

Пока смотрю на её потухшие глаза и тонкий образ в дорогом светлом парике, успеваю в кровь искусать внутреннюю сторону щеки. Рука то и дело пытается согнуть вилку.

– Матвей, – обращается ко мне мама заботливо, – почему ты ничего не ешь?

– Ем, не переживай, – берусь за приборы, сглатывая солонуватую слюну.

Мужчины обсуждают государственные дела. Я в них не вникаю, как бы мой родитель этого ни хотел. У них с Беловым какие-то давние совместные проекты и грандиозное по-

литическое будущее.

– Мы после ужина сразу ко мне? – спрашивает Ли́ка, чуть наклонившись. Проводит коготками чуть выше моего колена.

– М-м-м.. нет. У меня дела.

– Какие? – морщит носик.

– С Мавроди.

– Ты обещал, Мот, – обижается.

– Как закончу – приеду, – говорю ровно.

Тряхнув ухоженными темными волосами, недовольно отворачивается.

– Из-за чего ругаетесь, молодёжь? – спрашивает отец, отрываясь от важного разговора.

– Милые бранятся только тешатся, – тепло улыбается мне мама. Галина Анатольевна, мама Ли́ки, тоже кивает, с любовью глядя на дочь. Они с неё только что пылинки не сдувают.

С Ли́кой мы встречаемся несколько лет. Начиналось все просто – с клубов и общей компании. Первое время было как-то весело и классно. Потом, когда сообразил, что просто так нам не разойтись, улетел в Лондон. Старался меньше звонить и напоминать о себе, общались только по её инициативе. Ну а после... пришлось вернуться. Заявить в сложившейся ситуации о расставании было бы чревато последствиями, которые в первую очередь отразятся на состоянии мамы.

После ужина везу свою девушку домой. Она живёт отдель-

но, в трёхкомнатной квартире, купленной отцом на двадцатилетие. Пока добираемся по опустевшим дорогам до элитного клубного дома, Лика сидит, отвернувшись к окну. Дуется.

Окидываю взглядом длинные ноги, упакованные в короткую юбку.

– Останови, я тут выйду, – задирает подбородок.

– Не дёргайся, – нажимаю кнопку на пульте и жду пока откроется шлагбаум. Территория дома огорожена со всех сторон забором.

– Во сколько тебя ждать?

– Спи. Я открою своими ключами.

– Ясно, – недовольно мажет по моей щеке губами, обдавая запахом духов. – Достал твой Мавроди.

А меня все достало!

Выезжаю из двора и добираюсь до ночного клуба, в котором должен ждать меня Кирия. Причину его нахождения здесь я не уточнял. Так как-то с детства повелось. Мы не выясняем. Если надо значит надо.

Скидываю пиджак и отбрасываю его на заднее сидение. Запонки убираю в подлокотник, сдёргиваю галстук и небрежно закатываю рукава строгой рубашки. Вид для ночного клуба у меня все равно пенсионерский, но сойдёт.

Набираю Авдееву.

– Ты где?

– У барной стойки, – орёт, сквозь прорывающиеся биты.

Прохожу фейс-контроль и по узкому тёмному проходу попадаю в душное помещение. На небольшой сцене двигаются полуодетые девчонки. Взгляд профессионально цепляется за одну из них. Коротышка, конечно, но ничего такая. По стилю движений понимаю, что из балетных.

– Здорова, – падаю рядом с другом на свободный барный стул. Беру со стойки его бокал и нюхаю. – Вода? У тебя денег нет?

Кирилл отдёргивает стакан.

– Всё у меня есть, – возвращается глазами к сцене.

Бар расположен в центре зала, и мы сидим ровно напротив. Та девчонка двигается чётко, но то и дело бросает хмурый взгляд в нашу сторону. Сканирую друга глазами.

– Серьёзно? Ты меня выдернул ради коротышки?

Кирилл поворачивается.

– Сам ты коротышка. Это Лиля.

– Лиля-я, – тяну, подзывая бармена. – Типа цветок?

– Да пошёл ты, – усмехается.

– Хочешь сорвать его? – пихаю его в плечо.

– Заткнись. Она мне нравится.

Чудны дела твои, Господи. За почти двадцать лет, что его знаю, в первый раз слышу эти слова. Рассматриваю девчонку по-новому. Вроде ничего особенного.

– Два кофе, пожалуйста, – делаю заказ.

Авдеев никогда не признается, но я догадываюсь, что он слил все свои накопления в покупку того самого здания и

сейчас оформил заём в банке на его реконструкцию.

– И че ты просто посмотреть на неё ходишь? – скучающим взглядом окидываю толпу.

– Не просто, – отпивает воду. – У меня тут с тобой встреча.

Иронично смотрю на него.

– А-а-а. Точно. Я забыл.

Следующие пятнадцать минут наблюдаю, как мой друг глаз не спускает с танцующей балерины.

– Пойду пройдуся, – говорю, одним глотком выпив кофе. Вторую чашку поддвигаю ему. – Можно?

– Иди, – кивает Киря и снова переводит взгляд на сцену.

Забираюсь в толпу и иду сквозь неё в сторону уборных. Взгляд цепляется за знакомые очертания. Вглядываюсь. Вика. Та самая. В черном коротком платье с непозволительно открытой спиной и на десятисантиметровых каблуках. Волосы забраны наверх. Двигается охренительно. Закрыв глаза, выводит идеальные восьмёрки бёдрами. Спина прогибается и в вырезе видны очертания груди. Платье настолько облегающее, что я догадываюсь. Она без белья. Это почему-то злит. Где её муж? Как он её выпустил в таком виде дальше порога?

Рядом с Викой замечаю двух парней, которые так же, как и я не сводят с неё жадного взгляда. Но королева никого вокруг не замечает.

Смотрю по сторонам и целенаправленно широким шагом

направляюсь к ней.

– Это со мной, парни, – кричу им, показывая на девушку. Они переглядываются, словно взвешивают все риски, стоит ли ради лёгкой добычи раздувать конфликт. Потом один из них машет рукой и уходит. Второй, кивнув мне, отправляется следом.

Беру Викторию за локоть и хорошенько встряхиваю.

– О-о-о-о, – распахивает наконец-то глаза. – И т-ты здесь?!

Пальцами цепляется за ворот моей рубашки, притягивает к себе. Размещает голову на груди и крепко обхватывает туловище руками. Задерживаю дыхание. Вдох-выдох. Охреть. А потом резко сгребаю её в охапку. Глажу ладонями по обнажённой бархатной коже и снова задерживаю дыхание.

– Ты в курсе, что ты бухая? – говорю на ухо, склонив голову. В нос проникает приятный запах её кожи. Ни духи, ни шампунь, а именно её запах, который я уже знаю и сохранил в памяти, как что-то невероятное.

Вика поднимает на меня осоловелые глаза, которые в свете софитов сверкают. Долго кружит ими по моему лицу, словно давно не видела и забыла какие-то мельчайшие детали. Снова хватается за ворот моей рубашки и впивается в рот своими губами. Её дыхание отдаёт не хилым винным погребом, но это все равно звиздец как приятно. Целует сама, будто во рту пересохло и я единственный источник слюней в этом помещении. Обхватываю светлую голову ладонями и

через силу резко отдираю от себя.

– Ты чё напилась так, мать? – спрашиваю мрачно, рассматривая длинные пушистые ресницы.

– Захотела, – дерзит, разводя круги пальцами по моей спине. От этого мой мозг, как скоростной лифт, скатывается в район паха.

– Ясно, – переминаюсь с ноги на ногу, чтобы немного снизить напряжение в брюках. – Пошли, домой тебя отвезу.

Беру в руку её маленькую ладошку и веду к выходу. Послушно плетётся сзади. Не прощаясь с Кириллом, вывожу из клуба грозу сегодняшней вечеринки. Помогаю забраться на пассажирское сидение джипа, успев заметить, что белье на Вике все же есть. И оно, мать-его, кружевное и розовое.

Закатываю глаза к небу, поправляю брюки и обхожу машину. В салоне разрывается мой мобильный, который я предусмотрительно оставил здесь. Я слишком хорошо знаю Лику.

– Тебе тут звонят, – кивает Вика на мобильный, светящийся именем моей девушки.

Беру айфон и выключаю звук. Но он продолжает раздражать долбанной вибрацией.

– Адрес свой скажи, – прошу, глядя в лобовое стекло.

Вместо ответа она распускает волосы и взбивает пальцами причёску. Мрачно слежу, как затем неуклюже перекидывает ногу через панель передач и размещается на мне в позе наездницы.

– Ты что, ещё и курнула? – спрашиваю, инстинктивно ухватившись за бедро и стараясь сделать так, чтобы она держала равновесие.

– Много болтаешь, – выдаёт и снова тянется к моему лицу губами. Отклоняю голову, и она затрагивает ими правое ухо.

Вздыхнув, целует вырез моей рубашки на шее.

– Что у тебя за татуировка, интересно? – шепчет и начинает расстёгивать пуговицы.

Телефон продолжает светиться в темноте салона, чем непомерно раздражает.

– Вика, Вик, – убираю её руки и останавливаю. – Куда тебя несёт? Ты завтра пожалеешь.

– Нет, – упрямо возвращается к начатому. – Не пожалею. Я хочу.

Черт.

Обхватываю дрожащие ладони.

– Я же не железный, – говорю жёстко, медленно и чётко, чтоб дошло. – Я возьму то, что ты предлагаешь.

Она опускает голову. Молчит. Губы кусает. Потом срывается.

– Почему так? Почему? – отчаянно стучит лбом мне в грудь. Волосы рассыпались по плечам. – Почему вы все такие твари?

Стискиваю с силой её ягодицы, вдавливая в себя. Развожу чуть шире ноги, чтобы стало посвободнее.

– Ты ничего обо мне не знаешь, я тебе говорил уже, – осе-

каю резко. – Хрен пойми, что у вас там с мужем. Но я не он, ясно тебе?

– Конечно... ты святой, Матвей, – тихо смеётся. – Только вот твоя девушка кнопки на телефоне стёрла, а ты тут мне в машине пятую точку наминаешь.

Резко отстраняюсь. Руки закидываю за голову.

– Слезла.

Она молчит. Рвано дышит в область моего сердца.

– Подними свою королевскую пятую точку и пересядь, – повторяю ещё раз.

Я будто слышу, как крутятся шестерёнки в её светлой голове. Решает. Именно сейчас решает, что ей делать. Сжимаю пальцы в кулаки, чтобы не дотронуться, не спровоцировать. Чтобы потом не сказала, что опять я во всем виноват.

Тишину в который раз разрывает вибрация моего телефона, до которого мне сейчас нет никакого дела.

Сейчас только она в мыслях. Податливая и желанная.

Из её рта вылетает какой-то звук, больше похожий на всхлип. Вика чуть отклоняется, отчаянно убирает волосы за плечи, смотрит мне в глаза уверенно и одну за одной скидывает тонкие лямки платья, оголяя себя по пояс.

Глава 15. Виктория

Просыпаюсь от того, что разрывается мобильный. Голова раскалывается, тело как будто через мясорубку прокрутили и собрали обратно.

Боже.

Какой сейчас час? Какой день вообще?

Пытаюсь найти телефон в вещах, сваленных в кресло. Вчера долго искала подходящее платье для похода в клуб. Притащила из гардеробной кучу вариантов и ничего не убрала обратно. Впервые в жизни. Телефон оставляла дома.

«Лёша»

Тридцать пропущенных.

Мудак.

Сбрасываю и ставлю номер в черный список.

Тут же набираю маме.

– Да.

– Мам, привет. Как Марк?

– Нормально, – недовольно отвечает. – Ты как? Что у вас произошло?

– Ничего. Все в порядке.

– Что в порядке? Лёша мне звонил три раза. Говорит, ты трубку не берёшь.

– Он знает, почему я не беру, – говорю спокойно.

– Доиграешься, Вика. Ох, доиграешься. Уйдёт от тебя

муж.

Пусть уходит. На все четыре стороны. Видеть его больше не хочу. И не могу. Физически не могу.

– Ладно, мам. Я Марка завтра уже заберу. Сегодня на танцы. Вечером с Машей встречаюсь.

– Да хоть насовсем его оставь. Вика, позвони мужу. Я беспокоюсь.

– Разберёмся, мам.

Проверяю телефон. В мессенджере сообщение от Матвея. Отправлено в шесть часов утра. В памяти тут же возникает прошедшая ночь. Жар накатывает волною. Господи, как стыдно.

Загружаю фото. На нем Андреев.

В ванной. По пояс голый.

Брюки, в которых он был сегодня ночью достаточно низко сидят на талии. Пресс идеальный. Ремень расстегнут. Чуть ниже левой ключицы в области сердца та самая татуировка. Ломаная линия, похожая на кардиограмму или пульс. Она проходит по прямой, а в центре, над линией силуэт танцующего человека. Касаюсь её пальцем и смотрю в ироничные светлые глаза.

Затем пристально изучаю ванную, в которой он делал селфи. Тёмный кафель, за Матвеем душевая кабина с открытыми прозрачными дверцами, на полке в ней только один шампунь. Никаких вещей, напоминающих о его девушке. Значит, к себе поехал, не к ней?

Под фото ещё одно сообщение:

«Только это интересно?»

Прыскаю от смеха. Сумасшедший.

Я вчера разделась перед ним, дура пьяная. Так хотела Свободину отомстить. Но где-то глубоко в груди сидит назойливая мысль, что обманываю себя. Ещё больше хотела секса с ним. С Андреевым. И Лёша здесь абсолютно не при чем.

Когда скинула платье, Матвей прошёлся каким-то диким взглядом по груди, словно задевая острые вершины, потом прикрыл глаза. Пару раз сматерился под нос и потянулся за пиджаком на заднее сидение. Завернул меня в него, как младенца, и крепко обнял. Не выдержав простого человеческого тепла, я просто горько расплакалась у него на груди.

Так жалко себя стало. Под действием алкоголя все чувства оголились.

Видела, как он старался, так что скулы сводило. Ощущала каждой клеточкой там внизу и тёрлась об его пах. Но он сдержался. Вчера вечером этот поступок вызвал жгучую обиду, а сегодня с утра – облегчение. И уважение к нему, как к мужчине.

Называть его мальчишкой теперь как-то язык не поворачивается.

Быстро пишу ответное сообщение:

«Крутая наколка»

Ставлю смайлик в черных очках.

Тут же приходит ответ и завязывается переписка:

«Как здоровье?»

«Сегодня плохо»

«Ясно. Вечером будешь?»

Тру виски, раздумывая.

«Буду, если доживу»

«Главное, не опохмеляйся», – отвечает Матвей и ставит ржущий смайлик.

Смеюсь, спускаясь на первый этаж. Ставлю чайник и выпиваю два стакана воды.

Когда мы вчера расставались, напряжение было максимальным. Если бы Матвей окликнул, я бы сломя голову понеслась к нему и снова поцеловала. Вообще, рядом с ним пробки в голове вышибаются одна за одной, касаться его хочется так сильно, что кончики пальцев ломит. Как именно с этим быть я пока не решила. Оправдание в виде выпитого перед клубом вина закончилось.

Не пить же сейчас каждый раз, чтобы дать себе право его потрогать. Делаю себе завтрак и посмеиваюсь.

Я ненормальная.

Мой брак трещит по швам. Мой муж полтора года водит меня за нос. Моя жизнь летит в межгалактическую пропасть на огромной скорости.

А я думаю, как бы мне Матвея Андреева легально потрогать?

Мама бы у виска покрутила и к психиатру отвела. А я все утро улыбаюсь.

Слышу звук телефона из гостиной. Марк видимо оставил. Нахожу аппарат за диванной подушкой и ставлю контакт «Папа» в блок. Потом уберу. Сейчас не хочу его слышать. За неделю ни одного звонка, а после вчерашнего места себе найти не может.

Только всё.

Поздно.

После завтрака около часа отмокаю в ванной, забиваю на кучу вещей в кресле и весь день провожу в кровати. Непозволительная роскошь для педантичной натуры. Так уж завелось, что у меня в жизни всегда все по полочкам. В каждом отделении вроде бы идеальный порядок. Вот только полки давно прогнили насквозь, как оказалось.

Мысли постоянно возвращаются к вчерашней ночи. То и дело достаю из-под подушки телефон и рассматриваю фотографию, сделанную им в ванной. Если честно, в данный момент я сама себя боюсь, потому что мне в первые в жизни хочется творить безумства.

Ближе к вечеру переодеваюсь сразу в тренировочные леги с топом, накидываю сверху длинную свободную футболку, волосы забираю в высокий хвост и, взяв сумку для тренировок, выхожу из дома. Не помню, как доезжаю до стоянки перед офисным зданием.

На ресепшн в студии никого. Раздевалка тоже пустая, поэтому быстро оставляю сумку, скидываю в ящик для вещей футболку и прохожу в зал.

– Привет, – здоровается Матвей, только увидев. Сканирует с ног до головы.

– Привет, – отвожу глаза. Смотреть прямо как-то не получается.

– Всё хорошо? – внимательно смотрит, словно ждёт чего-то.

– Да, – киваю.

Он тоже кивает и отходит к окну, отворачивается спиной, чтобы включить стереосистему. А я жадно рассматриваю его спину. Всего его рассматриваю. В памяти всплывает вчерашняя ночь. Все ощущения. Какой он горячий и упругий на ощупь. Какие у него руки. Как отзывается моё тело на него. Всё вспоминается. Всё и сразу.

От этого становится жарко и как-то не по себе.

– Начнём с разминки? – спрашивает развернувшись. Играет лёгкая музыка.

Прохожу в центр зала и начинаю повторять за ним. В глаза не смотрю. Боюсь. Не знаю чего. Себя. Его. Тело вспоминает знакомые движения, и я стараюсь отключить голову.

Что если бы он вчера согласился? Дал мне то, что я просила так отчаянно. Как это быть с ним? У меня, кроме Лёши и не было никого. Я в первый раз была настолько близка к тому, чтобы в жизни появился другой мужчина.

Мысли в кучу и у меня ничего не получается. Он словно и не замечает этого, впервые не поправляет. Не касается. Ближе, чем на метр даже не подходит. Смотрим друг на друга

только через зеркало. При движении его майка, чуть задирается оголяя кожу живота. Это вызывает какой-то всплеск в моём воображении.

А потом поднимаю глаза и сталкиваюсь с отражением его глаз. Замираю. Они жадные. Горящие. Такие же, как вчера, когда на грудь мою смотрел в полумраке. Словно и не изменилось ничего. И я всё ещё перед ним. Голая, возбуждённая.

Так невозможно.

Срываюсь с места и вылетаю из зала. Спиной чувствую, что следует за мной по пятам. Увеличиваю шаг и врываюсь в раздевалку. Он за мной. За руку хватает и к себе прижимает. Дышим рвано.

Обнимаю его за плечи, и делаю то, что хочется сейчас. Тяну его майку наверх, он руки поднимает и то же самое проделывает с мои топом. Секунду смотрим и врезаемся телами друг в друга. Заострившиеся соски трутся о горячую кожу, от этого изо рта вылетает протяжный вздох, который тут же теряется на его губах.

В наших прикосновениях нет нежности, ласки. Есть только похоть. Но это то, что мне нужно сейчас. Сильные руки подхватывают под ягодицы, и я обвиваю бедра ногами. Его запаха так много, что жар внутри затапливает все отсеки. Кружимся в танце, но теперь в более откровенном. Телами, языками сплетаемся. Душами.

– Не передумала? – спрашивает хрипло, чуть отрываясь.

– А ты? – дерзко спрашиваю, чуть прикусив за пухлую

нижнюю губу. Тут же нежно целую это место.

– Хочу тебя, ни минуты не спал, – признается как-то отчаянно, честно. Голову склоняет и влажно ведёт языком по шее, ключице. Ногтями впиваюсь в его плечи, трусь промежностью о член, упирающийся мне между ног. Голова запрокидывается, когда он доходит до груди и прихватывает зубами соски по очереди.

– Боже, Матвей, – шепчу в потолок. Руками ерошу волосы на затылке. Губы кусаю.

Дёргается и резко в стену меня вжимает. Сюда может кто угодно зайти, но эта мысль улетучивается, когда его руки тянут мои ноги вместе с бельём. Наклоняюсь и делаю то, о чем весь день мечтала. Зацеловываю пульс, набитый на его груди, а пальцами касаюсь идеального твёрдого пресса. Спускаю руку ниже и через ткань твёрдый член поглаживаю.

В голове ни одной мысли о прошлом, о том, что творю. Я словно ещё вчера в его машине шагнула с высокой башни и сейчас парю над облаками.

Матвей ладонью между ног касается, так что от удовольствия глаза закатываются. Трёт пальцем влажные складки, клитор, проникает пальцами внутрь, растягивая, и снова в губы целует. Влажно и горячо, так что голова кружится. Громко стону, чувствуя скапливающееся напряжение, предвкушаю разрядку.

– Сейчас, – шепчет нетерпеливо. Сдвигает штаны. Его член большой и напряженный, с крупной головкой.

Вздрагиваю, когда пальцы внутри сменяются на него. Матвей дёргает руками мои бедра, до упора насаживая. Это происходит чуть болезненно, поэтому вскрикиваю.

– Всё нормально? – хрипит. Слизываю капельку пота, бегущую по его щеке, и чуть киваю. – Тогда поехали. Не бойся, все хорошо будет.

Чуть раскачивается, врезаясь в моё тело. А потом темп увеличивает, трахает отчаянно, как мне нужно именно сейчас. Как мечтала. Даже лучше. Полностью отдаюсь его рукам и члену. Растекаюсь лужицей под ними и душой, и телом. Вся превращаюсь в невесомое лёгкое облако. Целую жадно губы, нос, скулы. Всё до чего дотянуться успеваю.

Потом снова голову запрокидываю, ногтями в мышцы на спине врезаюсь. Пытаюсь поймать ощущения, которые волнами накатываются. Оргазм накрывает стремительно, ногами его бёдра сжимаю до боли. Внутри все пульсирует так, что он тоже резко замирает. Выходит из меня, обхватывает ствол ладонью и заливает спермой живот и бёдра.

Упираюсь мокрым лбом в его грудь, смотрю вниз на член подрагивающий. На себя измазанную в его семени.

Глаза прикрываю от неминуемости последствий.

– Поехали ко мне, Вик? – предлагает Матвей, прикусывая кожу на моем плече.

Глава 16. Виктория

– Поехали? – спрашивает ещё раз. В этот раз настойчивее.

Я словно сознание потеряла. Сознание, дар речи, совесть так уж точно. Всё что угодно. Чувство вины бьёт наотмашь. Не спрашивая. Не вникая в суть проблем между мной и мужем.

Проблемы где-то там, а я тут. Раздетая, в объятиях другого мужчины моложе меня на восемь лет. Мы даже не предохранялись.

– Жалеешь? – спрашивает Матвей мягко. Все ещё держит на весу, прижимая к себе.

Мотаю головой и обнимаю его крепко. Первой реакцией было оттолкнуть, убежать, скрыться. Но сейчас хочется поддержки и тепла. Упираюсь носом в тёплую шею и всхлипываю. Слезы дорожками бегут по щекам, спускаются по его твёрдой груди и исчезают между нашими телами.

Мне горько, стыдно. Я разбита и сломлена. Потому что до этого часа в моей жизни был только один мужчина и была надежда, что с Лёшей всё наладится. Как любила говорить моя бабушка «перемелется и забудется».

Но сейчас уже ничего не вернуть.

Матвей гладит по голове, успокаивая. Качает на руках.

– Блин, ну ты чего? – спрашивает растерянно. – Тебе не

понравилось?

– Всё хорошо, – шепчу, сквозь слезы. – Прости, дело не в тебе.

– Эй, – шутит он, хлопая по ягодице. – Это моя фраза. Обычно я ей пользуюсь.

Смеюсь сквозь слезы, отлепляясь от него.

– Тебе в душ, наверное, надо? Не хочу тебя отпускать. Надумаешь там себе. Не думай сегодня, хорошо? – отводит голову, чтобы заглянуть мне в глаза.

– Ладно, – соглашаюсь. Внутри просыпается какое-то облегчение.

Дура. Дура. Дура.

Но это так легко. Не думать. Не винить себя. Дать себе немного времени.

Матвей несёт в душевую и ставит на ноги. Быстро поправляет тренировочные брюки. Прохожусь глазами по татуировке на его груди.

– Ну я тогда тебя там подожду, ладно? – указывает на дверь.

Киваю, быстро отворачиваясь и закрывая грудь руками.

– Вика, – окликает.

– Что?

– Обещай, что не будешь думать?

– Иди уже, – отвечаю чуть нервно. – Сказала же.

Жду, пока за ним откроется дверь. Стойко рассматриваю себя в отражении зеркала. Красные щеки, горящие сума-

сшедшие глаза, искусанные губы и растрёпанный хвост на голове. Выгляжу как шлюха. Мама бы сейчас сказала, что я она и есть.

Закрываю глаза руками.

Не думать. Не жалеть.

Быстро захожу в душевую, настраиваю воду погорячее и смываю с себя всё, что произошло в раздевалке. Секс животный. С тела смываю, с душой тяжелее.

Когда выхожу из раздевалки, Матвей тут же ловит за руку и притягивает к себе, обнимает за талию. Он тоже переоделся, в привычных джинсах и черной футболке выглядит притягательно. Но я упираюсь ладонями в плечи и отодвигаюсь.

– Поедем? – спрашивает ещё раз.

Мягко забирает сумку из моих рук и закидывает на плечо.

– К тебе не поеду, – отвечаю.

– Окей, – улыбается. – Не ко мне. Просто прокатимся.

Мой рейтинг в собственных глазах падает ещё на несколько отметок, потому что я, глядя в светло-серые манящие глаза, не могу ему отказать. Нет, я обманываю себя. Не могу себе отказать.

– Куда?

– Пошли, – загадочно улыбается.

Протягивает открытую ладонь. На секунду замешкавшись, вкладываю в неё свои пальцы, и мы идём по коридору до выхода. Ключами Матвей закрывает студию, в полном молчании спускаемся на парковку.

– На моей поедем, – сообщает, открывая дверь джипа.

– Господи, скажи, пожалуйста, что ты заказывал черный, а пришло вот это? – спрашиваю, окидывая взглядом огромное яркое недоразумение.

– Что ты имеешь против жёлтого, белая женщина? – как-то по-мальчишески улыбается.

Усаживаюсь в автомобиль.

Матвей оббегает капот и открыв широко дверь, запрыгивает внутрь. Айфон кидает на переднюю панель. Выпрямившись, словно струна, на сидении, достаёт из переднего кармана ключ. Украдкой разглядываю его тренированное тело. То, как он естественно и свободно ощущает себя.

– Куда мы едем? – спрашиваю, откидываясь на сидение. Вытягиваю ноги, между ними немного тянет и покалывает, но в целом в теле ощущение лёгкости и эйфории.

Не думать, не жалеть.

– Покажу тебе одно место.

Вздыхаю, отвернувшись к окну.

– Какую ты любишь музыку? – спрашивает низким голосом, нажимая на кнопки.

– Любую.

– Вика, неправильный ответ.

– Отстань!

– Что там хорошие девочки слушают?

– Отстань, – кидаю на него строгий взгляд.

– Ну же? Анну Асти?

Прыскаю от смеха.

– Полину Гагарину? – продолжает.

Господи, он же не отвяжется!

– Включи, что хочешь, – говорю, смеясь. – Мне, честно, все равно. Я меломан.

– Ну окей.

Его пальцы быстро настраивают ритмичную музыку, и мы выезжаем с парковки.

Несмотря на то, что ещё полчаса назад в душевой я была потеряна и разбита, сейчас ощущаю небывалые азарт и предвкушение, как будто в детстве перед долгожданным отпуском с родителями. Мы редко куда-то ездили, но в ночь перед поездом я всегда не могла сомкнуть глаз от эмоций и возбуждения, представляя, как именно это будет. Такое лёгкое волнение, смешанное с радостью.

– Давай возьмём тебе шампанского? – говорит, постукивая по рулю большим пальцем в такт. Я уже заметила, что ритм – его стихия. Смотрю на уверенные руки и немного краснею от того, что вспоминаю их на своём теле.

– Понравилось, когда я пьяная, Андреев?

– Ты мне любая нравишься, – говорит он как-то серьёзно, по-мужски.

– Это тоже твоя обычная фраза, которой ты пользуешься? – отшучиваюсь, поправляя футболку на плечах.

– Нет. Это эксклюзив, – тянет тихо, глядя в лобовое стекло.

Смущаюсь. Как у него так получается? Ещё минуту назад был шалопаем, а сейчас взрослый мужчина, от которого колёнки подкашиваются. В голове возникает образ мужа. На него такой реакции не было никогда. Возможно, потому что мы встретились практически детьми.

Прикрываю глаза.

Не думать, не жалеть.

– Кофе хочу, – говорю, когда вижу знакомую вывеску.

– Без проблем, – включает поворотник.

Остановившись у дороги, забирает банковскую карту из солнцезащитного козырька, открывает дверь и выпрыгивает из машины. Наблюдаю, за лёгкой походкой своего второго в жизни мужчины. Как он непринуждённо подходит к киоску и разместив руки в передних карманах, раскачивается на пятках. Ждёт свою очередь. Хлопковая ткань футболки облегает широкие плечи и узкую талию. Светлые волосы в беспорядке от лёгкого ветра. Он весь, как с картинки.

И тоже мне нравится в любом виде. Но ему я в этом ни за что не признаюсь. Даже под дулом пистолета.

Пока кофе готовится мой спутник о чем-то мило беседует с девушкой за прилавком. Она широко улыбается и периодически кусает губы. Сколько у него было таких девушек? Сколько замужних женщин, таких как я?

Запрокидываю голову и прикрываю глаза. Мысли хаотично гуляют по черепной коробке. Сижу в таком положении, словно замёрзшая статуя, пока не слышу звук открываемой

двери справа. Матвей протягивает мне стаканчик с кофе, на котором черным маркером написано «Для королевы».

Снисходительно смотрю на него.

– Взял капучино. Надеюсь, угадал? – протягивает, иронично кружа по моему лицу глазами.

– Не угадал, – буркаю в ответ и забираю стаканчик, касаясь его пальцев. – Я люблю американо.

Глава 17. Виктория

Темнеет в мае ещё очень рано, поэтому пока мы выезжаем из города на улице становится довольно сумрачно.

– Так куда мы едем? – спрашиваю ещё раз Матвея. Он откинулся на кресло и достаточно расслаблено ведёт автомобиль. Проезжаю взглядом по рельефному телу. Это вызывает ответную жгучую реакцию чуть ниже груди.

– Я ж сказал, прокатимся, – широко улыбается, сверкая белоснежной улыбкой.

Надо заметить, что в свои тридцать три года я таких позитивных людей редко встречала. Не знаю уж со всеми ли он такой, но даже когда я веду себя отвратительно грубо, он не подаёт вида и гасит моё недовольство одной ухмылкой.

В повседневной жизни я редко могу высказать в лицо свои эмоции. С Лёшей по-человечески мы давно не общались. С мамой проще стерпеть, чем разводить очередной скандал. На работе же два варианта – либо это руководство, которому чревато возражать и приходится закрыть рот на замок, либо это подчинённые, которые так или иначе сделают так, как я скажу.

Вот и получается, что Матвей своего рода праздник в моей жизни. Короткая вспышка. С ним можно быть собой. То, что это будет недолго – факт.

Он проезжается взглядом по моим сложенным на сидении

ногам. Невозмутимо отворачивается и задумчиво молчит.

Я не должна вспоминать о его девушке, но не получается, как бы я ни старалась. Лица звонила два раза, пока мы стояли в очереди на автозаправке. Андреев не ответил, просто безразлично перевернул телефон экраном вниз. Я проявила несвойственную себе деликатность.

– Где Марк? – спрашивает, постукивая большим пальцем по рулю.

– У бабушки.

– У твоей мамы?

– Да.

– А отец?

– Что отец? – свожу брови к носу. Он про Лёшу?

– Твой отец, – поправляется.

– А-а- а... Его нет в живых, – тихо произношу.

– Ясно, – кивает. – Прости.

Дёрнувшись, отворачиваюсь к окну.

– Чем ты занимаешься в банке?

– Это что, какое-то анкетирование? – говорю в пространство.

– Нет, – смеётся он. – Пытаюсь заговорить тебя.

– Смысл? – удивляюсь.

Пожимает плечами и потирает подбородок. Как замороженная слезу за мужчиной. За тем, как мерцает его бронзовая кожа в отблеске фар и перекачиваются мышцы на руках. Как слажены его движения. Матвей глазами ловит мой

взгляд и обжигает своим, поймав.

Качаю головой. Наваждение какое-то.

Я всегда была рациональной. Правильной. Такой как надо всем. А сейчас еду по ночной трассе практически с незнакомым человеком, с которым ещё пару часов назад у меня был самый невероятный секс в моей жизни. Прикрываю глаза, Маша бы меня похвалила. А я моментами проваливаюсь в бездну отчаяния и стыда. Периодически цепляюсь за какие-то выступы и делаю передышку, а дальше снова падаю.

Бездна неизбежна...

– Эй, Вик. Ты там спишь что ли? – касается пальцами моего колена и чуть сжимает.

– Нет, – открываю глаза. Смотрю на широкую ладонь перед собой.

– Хочешь, анекдот расскажу? – говорит весело.

– Расскажи, – буркаю.

– Парень приходит в публичный дом...

– Матвей, – кричу, округляя глаза.

– Слушай давай. Ну и вот, занимается сексом с двумя девушками. Тут вдруг облава, полиция. Одну спрашивают: «Работаешь тут?». Она говорит: «Нет, что вы? Я массажистка». Вторая добавляет: «А я педикюр делаю». Парень вдруг возмущается: «Нет, вы только посмотрите на них. Ещё окажется, что проститутка – это я».

Качаю головой и хохочу. Ненормальный.

Матвей чуть отклоняется. Ладонью лениво продолжает

поглаживать мою ногу. Левая рука свободно располагается на руле.

– Ты извращенец, – говорю, скидывая его конечность с себя.

– Ещё какой, – тянет загадочно.

Руку убирает и больше до конца поездки меня не касается, а мне вдруг очень хочется. Чтобы касался...

Съезжаем с трассы на просёлочную дорогу, проезжаем небольшой участок леса и через пару минут останавливаемся рядом с огромным пустым полем.

– Мы что, уже приехали? – спрашиваю его, скидывая ноги с сидения. Пытаюсь что-то разглядеть за окном.

– Ага, – гасит фары. – Пошли.

– Куда? Ты в себе? Там темно и страшно, – повышаю голос. Нервничаю.

– Пошли, говорю. Чего ты боишься, я же с тобой.

Замираю в нерешительности, а потом берусь за кроссовки, сброшенные на резиновый коврик. Матвей с заднего сидения забирает толстовку.

– Надень, – кидает её мне.

Послушно просовываю руки в рукава и одеваюсь. Вещь вкусно пахнет стиральным порошком и немного его туалетной водой.

Спрыгиваю с подножки джипа, пока он открывает багажник. Подхватив какой-то свёрток, крепко берет меня за руку. Идём по сухой траве практически до центра поля. Гла-

за понемногу привыкают к темноте и становится совсем не страшно.

Матвей раскрывает свёрток, который на деле оказывается большим покрывалом и расстилагает его на землю. Молча наблюдая, как он скидывает кеды и проходит на получившийся ковёр.

– Что замерла? Иди ко мне, – тянет открытую ладонь.

Оглядываюсь. Вокруг ни души. Только лёгкий ветер, майская ночь и мы.

«Всё, что нужно для замужней женщины, изменяющей мужу», – усмехаюсь про себя. К нему я бы не поехала ни за что на свете. Никогда. В отеле со стыда бы сгорела на месте.

Моя личная бездна и так уже близко...

Разуваюсь и ступаю на расстеленное им озеро из покрывала. Матвей тут же ловит, притягивает к себе. Врезаюсь в твёрдое тело и пропадаю. Он обхватывает ладонью хвост у основания и оттягивает мою голову назад, ведёт губами по щеке.

– Балдею с тебя, – шепчет на ухо. – Офигенная.

Тяжело дышу, забирая воздух через нос. Внутри все клочечет от близости.

– Ведёшь себя как сучка иногда, конечно.

– Что тогда привязался? – отвечаю, глядя в горящие глаза. Руками футболку на его груди сгребая.

– А хрен его знает, – горько усмехается, отводя взгляд. По лицу проходит заметная тень. – Будто мне проблем в жизни

мало.

Ночь одновременно тёмная и светлая из-за полной луны на небе. Она словно прожектор светит. Наш свидетель и судья одновременно.

Матвей оттягивает мою голову ещё дальше, до сладкой боли, так что мне приходится приоткрыть рот. Секунду медлит и целует дико, проваливаясь языком внутрь со стоном. Ноги подкашиваются, но сильные руки тут же подхватывают меня за бёдра. Жмусь к нему отчаянно пытаюсь надышаться этим мужчиной, пахнущим безумием и сексом.

Ещё чуть-чуть и бездна. Что мне терять?! Чести не осталось, а отчаяния хоть отбавляй.

Проникаю руками под футболку на пояснице и касаюсь тёплой кожи. Матвей вдавливая мои ягодицы в свой пах, словно приклеить хочет.

– У меня один вопрос, – говорит сипло.

– Какой? – шепчу.

– Клубника со сливками или ананас?

– Ты о чём?

– Ну, что выбираешь? – жадно сосёт мою нижнюю губу, пока я пытаюсь сообразить.

– Это опять что-то пошлое, Андреев? Презервативы со вкусом? – злюсь.

– Не-е-е, – отвечает тягуче, двигая по кругу нашими бёдрами, как единым целым. – Минет будешь делать без них. Я не люблю в презервативе.

Прыскаю от смеха. Пульс зашкаливает от такой наглости.

– Помечтай, – кидаю дерзко. Между ног становится жарко от того, как его член на своих губах представляю.

– Но не сегодня, если сама не захочешь, – говорит серьёзно. – Сегодня твой день.

Снова склоняется для поцелуя, но я оказываюсь проворнее. С силой прикусываю его подбородок и отстраняюсь.

– Ай-й, – потирает его ладонью. – Пиранья.

– Да пошёл ты, – говорю, усаживаясь на покрывало.

– Ладно, не обижайся, – размещается рядом. – Так что?

– Что? – говорю зло.

– Ты не ответила.

– Мне без разницы, Матвей. Я все равно не знаю о чем ты.

– Ложись, сейчас узнаешь, – говорит вкрадчиво, цепляет за руку и тянет вниз. В бездну тянет за собой.

Глава 18. Виктория

Удобно устраиваюсь на его груди. Вокруг нас вакуум, словно мы одни в этом мире остались. Но от этого будто проще в настоящий момент. Легче.

Не жалеть и не думать.

Матвей тянется к карману и в тишине раздаётся шелест.

– Так, ну ты не отвечаешь, значит, клубника со сливками, – протягивает мне раскрытую ладонь, в которой лежит Чупа-чупс.

– Пф-ф, – давлю улыбку. – Всего-то.

– Купил на заправке, чтоб ты хоть что-то пососала, – склоняет голову и чмокает в нос.

– Боже. Какой ты дурак, Андреев. Что я здесь с тобой делаю?

Этот вопрос меня последние часы вообще не покидает. Что я творю? Мои мозги словно высыпались, как мелкий песок, там, у стенки в раздевалке танцевального центра.

Снимаю упаковку и облизываю конфету. Во рту становится приторно. Откидываюсь на покрывало и замираю. Прямо перед глазами звёздное небо нависает, заколдовывая своей красотой. Протягиваю руку, чтобы дотронуться до мерцающих огней, но они раз за разом ускользают, словно неуловимые мотыльки.

– Невероятно, да? – говорит тихо Матвей, закидывая руки

за голову.

– Это необыкновенно, – произношу заворожённо. – Кажется, небо сейчас упадёт и раздавит нас.

– Я прикрою, – ласково обещает. – Ты когда-нибудь слышала про двойные звёзды?

– Это как? – разворачиваюсь к нему, подкладываю ладони под голову и люблюсь гордым профилем. Перекатываю языком клубничную конфету во рту.

– Я, наверное, не по-научному скажу, сделай скидку танцору. Это звёзды, связанные гравитацией, с одним центром притяжения.

– Хм-м... интересно.

– Они разные бывают. Практически одинаковыми или абсолютно непохожими, отличаться массой и размерами. Случается, что две звезды находятся бок о бок, но они друг к другу никак не относятся. И центр притяжения разный. Рядом! Но никто, чужие! Смекаешь?

– Понимаю, – шепчу.

Ох, как понимаю.

– А те звёзды, с которыми они связаны вообще в другом месте, – тихо заканчивает мысль.

Он тоже поворачивается и обнимает меня левой рукой. Между нашими глазами не больше пятнадцати сантиметров. Его горячее дыхание легонько обдувает мои горящие щеки.

Тихо смеюсь.

– Ты всем здесь это задвигаешь, да?

– Я ни с кем здесь не был, кроме тебя, – говорит серьёзно.

– Так я и поверила, – снисходительно смотрю на него.

– Не хочешь – не верь.

Обижается и снова укладывается на спину.

Вдыхаю влажный ночной воздух и перевожу взгляд на небосклон.

– А я верю в то, что, когда люди умирают, они превращаются в звёзды. Ты можешь любоваться на них издалека, можешь даже попробовать дотянуться. Но в жизни не дотронешься.

– Пиздец, – произносит он сдавленно и вздрагивает.

– Когда папа умер, я часто смотрела в небо, чтобы найти его звезду, – пожимаю плечами. – Представляла, как он со мной разговаривает.

– Чушь это всё, – говорит Матвей резко. – Тебе так было легче.

– Возможно, – соглашаюсь. – Я просто скучала по нему. Сильно. Зачем тебе это все рассказываю?

– Говори.

– Мы с ним были не очень близки. Знаешь, он из тех отцов, что всегда на работе. Главное, обеспечить семью. Когда уехала учиться в восемнадцать, мы даже не созванивались. Общались через маму. А когда он внезапно умер, – на глаза накатываются слезы. – Я вдруг поняла, что всё. Поздно. Поэтому и придумала себе сказочку про звезду.

Матвей задерживает дыхание. И тяжело сглатывает воз-

дух, выдыхая, словно комок внутрь проталкивает.

– Что с тобой? – удивляюсь.

Резво разворачивается ко мне, нависая сверху.

– Всё нормально. Дай попробую. – хрипло произносит, хватая у меня конфету. Откидывает её и целует жадно, забирая сладкий вкус с языка. Наглая рука закрадывается под толстовку и сжимает через футболку грудь, выбивая протяжный стон из моего рта.

– Вкусно, – шепчет, облизывая губы.

– Матвей, – останавливаю. – Секса у нас больше не будет.

– Конечно, не будет, – улыбается. – Я тебе не дам.

Заливаюсь смехом, обнимая его за плечи, и расслабляюсь.

Снова ухватываюсь за *выступ*, чтобы пересидеть немножечко.

– Любишь его? – спрашивает как-то устрашающе.

– А ты её? – дерзко смотрю ему в глаза.

– Я первый спросил, – больно сжимает грудь.

– А-а-ай, – кричу. – Ты что, сумасшедший?

– Значит, любишь, – говорит, отстраняясь.

Резко встаёт.

– Поехали.

Поднимаюсь с покрывала и надеваю кроссовки. Идём обратно к машине, больше не держась за руки и не разговаривая.

Первым делом в автомобиле Матвей включает горячий воздух и греет руки.

– Отвези меня к машине, – говорю ровно.

– Без проблем, – отвечает холодно.

Обратную дорогу стараюсь не смотреть, кутаюсь в его толстовку и наслаждаюсь исходящим от неё запахом. Его запахом.

Между нами так много противоречий, что дух захватывает. Возраст. Мой муж. Его девушка. Мы в принципе разные. Абсолютно. Почему тогда внутри включается ступор, когда приходит мысль, что мы больше не встретимся?

Что заявит Лёша, когда мне придётся рассказать об измене? Что выдаст мама? А его мать? Господи, а как быть с Марком? Чувство вины перед сыном захватывает меня так, что я соскальзываю с выдуманного *выступа* и снова начинаю лететь в пропасть.

Нервы на пределе, моя душа как рваная рана кровоточит и просит о помощи. Ногти врезаются в ладони так, что практически раздирают кожу. И слезы уже не получается сдерживать. Они льются по щекам дорожками, скатывающимися вниз.

– Твою мать, – кричит Матвей громко и останавливается на ближайшей обочине.

Включает аварийку. Выдирает меня с кресла к себе на колени.

– Прости, я осёл, – шепчет на ухо.

Всхлипываю и врезаюсь ногтями теперь в его руки. Его лицо краснеет, но он терпит и только тяжело дышит.

Бью его по груди, словно он виноват в чем-то. Но так легко.

– Тш-ш, – обхватывает запястья. – У тебя истерика.

– Иди к чёрту, Матвеев, – ору. – Или Андреев, кто ты там?

– Как хочешь называй, только успокойся.

Он так близко. Его так много. Крепкого тела, рук, запаха, вкуса, что волна снова уносит меня в океан похоти и желания, словно прибитую к берегу лодку.

Его губы тянутся к моим, захватывают их с рыком, вылетающим из груди, и дальше снова создаётся проклятая вереница из всхлипов, стонов, сброшенной на пол одежды и шуршащей упаковки от презерватива, который он быстро раскатывает по всей длине твёрдого члена. Направляет его в меня и толкается бёдрами, языком облизывает заострившиеся соски.

– Это в последний раз, – шепчу ему зло, насаживаясь до упора. Руками упираюсь в рельефный пресс.

– Ага, – произносит быстро, раскачивая меня на себе. – Я понял. В последний.

Узел внизу живота закручивается стремительно и взрывается под напором его пальцев, втирающих влагу в нежную, чувствительную кожу.

– В последний, – вскрикиваю, отъезжая душой в свой персональный ад. Окончательно проваливаясь в бездну.

Глава 19. Мот

– Здравствуйте, а могу я увидеть Викторию Свободину? – задаю вопрос блондинке, сидящей на входе в отделение банка.

– Викторию Вячеславовну? – улыбается она, а я только что на месте не подпрыгиваю от радости.

– Она в отпуске.

– В отпуске? – снимаю солнцезащитные очки.

В голове долбит две диаметрально враждебные мысли. Радость за то, что наконец-то нашёл её и недоумение с примесью разочарования. Какой на хрен отпуск?! Я несколько дней занимаюсь поиском этой ненормальной. Надумал себе всего. Что, если мужу рассказала, и он обидел? А что, если рассказала и он простил?

Что я тогда буду делать? Что?

Слава богу, припомнил ресторан, в котором Вика обедала с подругой. Банковских отделений на проспекте оказалось целых пять. Это четвёртое.

– Давайте приглашу сотрудника, который её замещает, – сообщает блондинка, уходя в сторону коридора.

Пока жду, отбиваю кроссовкой ритм, играющей откуда-то сверху музыки.

В отпуске!

С тех пор как я доставил Вику к машине, на парков-

ку, прошла неделя. Целая неделя. Она не выходит на связь. Мой номер, скорее всего, заблокирован в её телефоне. В зал она не является. Позвонила Яне и заморозила абонемент на неопределённый срок.

Про её мужа я не располагаю информацией, но на днях скатался по их домашнему адресу, указанному в анкете. Как недоумок просидел до двенадцати ночи у ворот. Я его видел. Обыкновенный мужик. Ничего фееричного. Но не подходит же к нему с вопросом: «Где твоя супруга?».

Я до сих пор не уяснил, зачем мне нужны все эти телодвижения? Нужно попросту забыть её, как мимолётную вспышку, и существовать дальше. Лица мне батарейку садит на телефоне за два часа непрекращающимися звонками, у отца одно место пригорает, а я скитаюсь по городу в поисках королевы.

Возвращается администраторша уже не одна, а с симпатичной брюнеткой в тесной юбке.

– Добрый день, – окидывает она меня взглядом и впивается в глаза.

– Привет-привет, – включаю всё своё природное обаяние.

На брюнетке как бельмо печать одиночества. Факт. Свободную женщину всегда можно вычислить по взгляду. Она целится прямо в глаза, словно ждёт одобрения от мужчины, как первоклашка от учителя. Вика никогда не смотрит. Со всем. Потому что ей это не надо.

– У вас какие-то вопросы? – корректно ко мне обращает-

ся.

– Да есть парочка, – глазею в сторону входной двери и обратно на девушку.

– Может, пообедаем?

Она немного потерянно дёргается, приглаживая тёмные волосы ладонью.

– Ну... почему бы и нет? – тут же соглашается.

По-джентльменски приоткрываю дверь и веду в соседний ресторан. По пути узнаю, что звать Катей.

– Заказывай что хочешь, – киваю на меню в её руках уже за столиком на летней веранде. – Я угощаю.

– Спасибо, – сконфуженно тянет.

Катя делает щедрый заказ официанту. Пропускаю мимо ушей их болтовню, раздумывая, – выстроить беседу.

– Виктория... м-м... Вячеславовна не говорила, что в отпуск собирается, – лениво проверяя сообщения в телефоне, высказываю.

– Да она стремительно собралась, – машет рукой. – Внепланово.

– Ну круто, – изрекаю, поднимая на неё взгляд. – Наверное, в Тай улетела?

– В Турцию, – лепечет она. – А вы наш корпоративный клиент?

– Почему?

– Ну у нас же отдел по работе с корпоративными клиентами.

Чёрт.

– А-а-а... да, – киваю, закидывая ногу на ногу. – Но мы только договариваемся. В процессе.

Процесс уже был. И мне очень понравилось. Ей тоже понравилось. Я чувствовал, как никого и никогда. Она у меня в руках полыхала, как грёбаная ракета перед стартом. А потом заблокировала номер в телефоне.

– В Турции сейчас, наверное, несезон? – изрекаю, пододвигая к Кате пепельницу, когда она достаёт пачку сигарет. Терпеть не могу курящих женщин, но вида не подаю.

– Да нет, – отвечает весело затягиваясь. – Вика звонила мне вчера. Они в Кемере отдыхают, на солнце загорают. У них отель классный, с тёплым бассейном.

– Повезло, – уныло тяну.

Я просто её убью, когда доберусь. Своими руками сверну шею, чтобы больше не вздумала ускользать.

– А что за отель? – спрашиваю, затаив дыхание. – Тоже отпуск планирую.

– Дель Мар, кажется, – воодушевляется она, игриво склоняя голову. – А ты с кем собираешься?

– Со своей девушкой, – тут же осекаю. Всё что нужно я узнал.

Встаю из-за стола. Две зелёные купюры оставляю под салфетницей.

– Так, а что там с сотрудничеством-то? – обиженно спрашивает она.

– С каким? – оборачиваюсь, натягивая очки на нос.

– Ну, с банком?

– А-а-а... Я свяжусь потом с Викторией Вячеславовной.

Приятного аппетита.

На пляже загорает, без мужа. На меня забила. Сказала в последний раз и сдержала обещание. Злости не хватает.

Решение принимаю довольно стремительно. Характер, помноженный на одержимость, заводят какие-то неведомые механизмы. Внутри все полыхает желанием её увидеть и вытащить надменную душу. Звоню своему турагенту и уже через десять минут являюсь счастливым обладателем путёвки в пятизвёздочный турецкий отель.

Вечерний вылет будоражит кровь.

Отчаянно жму на педаль газа, мимоходом решая все навалившиеся проблемы. Договариваюсь с Максом, чтобы взял часть моих занятий на себя, остальные поручаю Яне аннулировать. Предупреждаю об отъезде Мавроди.

У закрытых дверей своей квартиры неожиданно нахожу Лику. Выглядит как всегда превосходно. Джинсовое короткое платье призывно распахнуто на груди.

– Матвей, куда ты исчез? – тут же бросается мне на шею, обдавая дорогим ароматом. – Я тебя потеряла.

Коротко мажу по щеке губами и отдираю от себя женское тело. Скинув обувь при входе, топаю в спальню. Лика следует за мной по пятам, словно липкая жвачка.

– Ты куда? – спрашивает ошеломлённо, когда я подхватываю

ваю небольшой чемодан с верхней полки гардероба.

– Надо уехать, – говорю, отвернувшись к шкафу.

Спиной чувствую беззвучные молнии, которыми она мысленно закидывает меня.

– Как понять уехать, Мот? – истерически надсмехается. –

С кем?

Потираю подбородок ладонью.

В голове тут же мелькают события недельной давности. Секс в раздевалке. Необузданный, голодный. Губы Викины мелькают, её узкая талия и нежная светлая кожа. Разговор под луной и клубничный привкус во рту. Я словно бронепоезд, набравший скорость и уже без реальных шансов резко остановиться. Жизнь стремительно влетает в какое-то бесконечное болото, которое тут же затягивает и размывает меня вонючей прохладной грязью.

– Тебе не надоело, Лик? – разворачиваюсь к ней и целюсь в глаза.

– Что? – непонимающе пялится.

– Вот это всё, – развожу руками, осматриваясь.

– Я люблю тебя, – шепчет розовыми губами. – Как ты не понимаешь?

Подхватываю её за руку и усаживаю на кровать.

– Я тебя тоже, – приземляюсь рядом с ней на пол, проговаривая правду. Просто правду, не соответствующую её ожиданиям. Так бывает, что не все случается, как надо.

Блядь. Чаше всего так и бывает.

Она вырывается и обхватывает мои щеки ладонями.

– Что всё это значит? Ты можешь мне нормально объяснить?

Смотрит выжидательно, верно.

– Давай расстанемся, Лик, – предлагаю негромко.

– Расстанемся? – шепчет, прикрывая веки. А потом подрывается. – У тебя кто-то есть?

Отшатываюсь и вжимаю локти в колени, голову опускаю.

– Матвей, – вопит. – Ты что изменял мне?

Моё молчание красноречиво. Оно лупит по ней безжалостной информацией, словно тысячи сказанных слов.

– Же-е-сть, – тянет разочарованно. – Какой же ты мудака.

Справедливо.

Слышу, как Лика трудно дышит и всхлипывает, нависая сверху.

– Я с ног сбилась, пока гонялась за тобой, а ты трахался с кем-то все это время?

Тишина перемешивается с её протяжным стоном и хрустом моих зубов.

– Козел, – рывкает и улетает в сторону коридора.

Через минуту до меня доносится треск штукатурки над входной дверью.

Мерзко.

Стянув футболку, иду в душ. Затем скидываю в чемодан все, что попадает под руку. Ничего не соображая.

Пока направляюсь в аэропорт, зарабатываю восемь про-

пущенных звонков от отца. Лица, наверняка, уже пожаловалась Белову. Перед вылетом, стоя в заполненном терминале, набираю маме.

– Сынок, – говорит она встревоженно. – Что у вас произошло?

– Всё хорошо, мам. Ты только не переживай, я все решу.

Она гнетуще вздыхает.

– Отец в бешенстве, – тихо сообщает.

– Я догадываюсь, – пожимаю плечами. – Только за тебя волнуюсь. Прости меня.

– Со мной ничего уже не будет, – произносит как-то слабо, отчего сердце валится куда-то в ноги. – А ты живи, слышишь?

– Слышу, – сиплю отзываюсь, стискивая кулаки.

– Отец уgomонится. Я поговорю.

Скалюсь. Ни хрена он не уgomонится. Это только лишь начало.

В самолёте вырубая мобильный и сам тоже вырубаясь.

Майская Турция прекрасна, но я этого не замечаю. В курортный отель добираюсь только под утро. Долго ожидаю, сидя в кресле, возле стойки регистрации. В номере выгребая из чемодана шорты с чистой футболкой и отправляюсь на поиски местного ресторана.

Там с чашкой кофе устраиваюсь за столиком прямо у раздачи молочных каш. Дети ведь их любят на завтрак?

Сканирую каждого входящего в светлый зал до тех пор,

пока не нарываюсь на знакомый образ в белом коротком сарафане. Это ОНА. Сердце совершает кульбит в груди. Светлые волосы забраны кверху, открывая изящную шею. На лице тёмные очки такие широкие, что я даже не смогу увидеть её реакцию, когда она заметит моё появление. Рядом молодая девушка, явно её знакомая, потому что они переговариваются, выбирая столик. Марк подпрыгивает рядом с водяным пистолетом в руках. Его лицо загорело, и он словно стал чуть старше.

Взяв сына за руку, Вика направляется в мою сторону. Скучающе исследую рисунок на своей чашке, пока не слышу детский голос:

– Матвей!

Поворачиваю голову и сталкиваюсь с её раздражительным убийственным взглядом. Чтобы почувствовать его, мне не надо видеть глаза.

– Привет, чемпион, – выставляю руку, что отбить пятьюю.

– Ты тоже здесь отдыхаешь? – осведомляется он удивлённо. – А пойдёшь с нами на пляж? Мы уже три дня отдыхаем, и будем ещё пять.

– Пойду, конечно, – лыблюсь пацану.

Он тут же теряет ко мне интерес и убегает за свой стол.

– Что ты тут делаешь? – шипит королева. Она в таком гневе, эмоций так много, что это рождает дичайшее счастье внутри. Счастье и долгожданное спокойствие, потому что ей не все равно. Больше всего я боялся равнодушия. А с гневом

можно работать. Венка на тонкой шее пульсирует отчаянно, загорелая кожа краснеет.

Расслабляюсь и прохожусь грязным взглядом с ног до головы.

– Отдыхаю, – пожимаю плечами отстранённо.

– Ты издеваешься, Андреев? – её рука больно впивается в моё плечо.

– Воу-воу-воу, девушка, – давлю ухмылку, отстраняясь. Встаю из-за стола, задвигая стул. – Ладно, Вик. Рад был по-видаться. Ещё встретимся.

Оставляю её в оцепенении и, натянув авиаторы на нос, ухожу из ресторана.

Глава 20. Виктория

– Марк, давай там осторожнее, – предупреждаю сына, который сломя голову несётся в детский клуб при отеле.

До сегодняшнего дня я была здесь в некоторой степени счастлива, пока Андреев не нарисовался в ресторане.

Зачем он приехал? Ну не может это быть случайностью.

На часах около четырёх дня, а я его с утра больше не видела. Где он? Чем занят? Марк мне все уши прожужжал.

Матвей то, Матвей сё.

Забираю в баре два радужных коктейля со льдом и босиком шагаю в сторону одного из бассейнов к Маше.

Поехать в отпуск была полностью её идея.

Я позвонила подруге в полнейшей прострации той же ночью, когда осталась одна. Меня бешено лихорадило, и в прямом смысле тошнило. Тошнило от себя самой.

Сама себе была омерзительна.

Домой я ехать не могла. Ни в коем случае.

Я бы с ума сошла.

Маша забрала меня и доставила к себе. Мы целую ночь разговаривали, тянули виски и рыдали навзрыд.

На следующий день я забрала Марка от мамы. Лёша доложил ему, что приедет домой в пятницу и я попросту не смогла...

Не сумела посмотреть ему в глаза. Бесстыжими глазами в

не менее бессовестные.

Мы заигрались. И что дальше? Я не понимаю.

– Не видела своего Цискаридзе? – спрашивает Маша, окидывая область бассейна взглядом.

– Нет, – тоже недовольно озираюсь. – И видеть не хочу.

Надеюсь, он прихватил сюда свою девушку?

– Так уж и не хочешь, Вика? – смеётся Маша. – Я обратила на вас внимание в ресторане. Ты выбрала лучший кожаный член на этом побережье, Свободина!

– Ма-ша, – скулю протяжно. – Ты неисправима.

– Вообще, очень любопытно. Я бы никогда не заподозрила, что ты будешь изменять Лёше.

– Можешь так не орать во все горло? – шиплю.

Она громко заливается.

– Тут одни немцы. Гутен Так, – здороваются с нашими соседями, четой преклонного возраста.

Они тут же начинают кивать в ответ, двигая седыми шевелюрами.

– Я ж говорю, – свидетельствует она. – Один дастишфан-тастиш кругом. Скукота смертная.

Моя подруга очень эффектная. Гораздо больше, чем я. Пока я изображала из себя образцово-показательную супругу, она добивалась успехов в карьере, много колесила по свету и не заморачивалась за семейные отношения. У неё превосходная фигура, словно вылепленная из воска, безупречные черты лица и длинные шелковистые рыжие волосы.

Она яркая.

Я по сравнению с Машей бледная невыразительная моль в белом купальнике.

– А ты ведь тоже изменяла? – спрашиваю её, попивая охлаждённую жидкость через трубочку.

– Пф-ф-ф, – тянет она. – Как тебе сказать? У меня на этот счёт своя теория. Жаль нельзя запатентовать.

– И какая же?

– Ну, если не ты не замужем. Значит, и измены нет.

– Разумно, – сдерживаю улыбку. – Есть ещё что-то достойное в этой теории?

– Если секс был в презервативе – его тоже как бы не было.

Прыскаю от смеха.

– Если секс был с бывшим – то это тоже не измена. Я уже его видела обнажённым. Значит не считается.

– Ма-ша, – откровенно хохочу и поправляю лямки купальника.

– Что? – задирает она брови. – Ну, и главное правило. Если об этом никто не знает – значит, ничего не было.

– Гениально, – хлопаю в ладоши.

– Учись пока мать живая, – шутит она, переворачиваясь на спину. Её грудь оголена, и мимо проходящий мужик не сводит с неё глаз.

Ещё раз оглядываюсь в поисках Андреева.

– Если серьёзно, мне стыдно, – продолжаю разговор. – Это какое-то не знаю... гадкое чувство. Мне кажется, чаще всего

мужчины предают, а не женщины.

– Это враньё, – бормочет подруга. – С эмансипацией многое поменялось. Конечно, раньше женщины изменяли реже. Но это связано не с тем, что мы просто заделались в извращенки. Хотя я-то уж точно изменяла бы и в Древней Руси.

Она вздыхает и продолжает:

– Просто времени не было. Бабы сидели дома с детьми. Элементарно не оставить ни с кем. Это в наше время гораздо проще. Вот Марик был у бабушки, когда вы утехам с Цискаридзе придавались?

– У бабушки, – подтверждаю хмуро.

– Ну вот, а если б её не было, то ты бы и не изменила Лёше.

– Получается, мама виновата? – опять смеюсь.

– Выходит так, – пожимает она плечами. – Ну и кроме того, женщина – это цветущий сад. Надо поливать, заботиться, орошать... так сказать.

Грязно улыбается, на что я закатываю глаза.

– Свободин охренел и запустил свои райские сады.

Воспоминание о муже отдаётся неприятным уколом.

– Всё закономерно, – заканчивает подруга.

– Да уж, – соглашаюсь. – Я его сады тоже получается запустила?

– Это уж сами разбирайтесь, голубки. Ты бы с ним для начала хоть поговорила.

Разговор неизбежен. Я получила отсрочку благодаря поездке, но каждый день приближает меня к неприятному мо-

менту.

Самому неприятному в жизни.

Из-за угла вдруг появляется знакомая фигура и я натыкаюсь взглядом на светло-серые острые глаза. Матвей чуть кивает мне и проходит к бару.

С голым торсом и в черных купальных шортах выглядит действительно сногшибательно. Во всяком случае, так считает компания девчонок лет двадцати, которые тут же окликают парня и зовут к себе. Матвеев-гад приветливо им улыбается и со стаканом пива подходит к ним ближе.

По территории бассейна тут же разносится девичий хохот вперемешку с бархатистым тембром. Он, потирая своё плечо ладонью, легко болтает с ними и кивает в ответ. В мою сторону больше не смотрит.

– Твою мать... – шепчу яростно.

– Что там? – поднимает голову Маша. – О, твой нарисовался.

– Он не мой.

– Так я и поверила. Мой тебе совет – зажди с ним напоследок. Что ты теряешь? Помни о моей теории – с бывшим можно. А у вас уже два раза было.

Поднимаю голову к солнцу, прикрывая глаза и отвечаю:

– По твоей теории только один, потому что второй раз – в презервативе.

Глава 21. Виктория

– Привет, – тянет Матвей, ослепительно улыбаясь.

Так, что аж зубы сводит от злости.

Отворачиваюсь, но прежде успеваю зацепить взглядом знакомую татуировку на обнажённой груди.

– О-о-о, привет, – тянет Маша, даже не думая прикрыть бюст. – Что за красавчик?

Матвей иронично хмыкает и приземляется на мой лежак, прикасаясь к моим ногам разгорячённой кожей.

– Тебе что? Посидеть негде? – холодно окидываю его взглядом, мысленно потрогав кончиками пальцев ямочки на щеках.

В нос проникает знакомый запах его туалетной воды. Внутренности предательски дрожат, но я заставляю их заткнуться.

– С тобой хочу посидеть, Вик, – отвечает легко, захватывая в ладонь щиколотку тёплыми пальцами.

Отдёргиваю ногу подальше.

– Ой, Андреев, вот там... – указываю кивком головы на компанию молодых девчонок, с которыми он любезничал. – Просто куча жаждущих с тобой посидеть и не только. Сва-ли?.. А?..

Скулы на красивом лице сжимаются, а брови сводятся к носу.

– Уверена? – смотрит серьёзно в глаза.

Бегло отвожу взгляд. Его задница подпирает мои бедра так, что хочется сильно их сжать и раствориться в ощущениях. Но что будет потом? Я уже это проходила неделей ранее.

– Свали, – повторяю твёрдо, возвращая ему свои глаза.

Он только ухмыляется.

– Вы такие ми-и-и-лые! – нараспев тянет Маша.

Закатываю глаза, когда она подаёт руку Матвею. Всегда знала, что она сучка!..

– Ма-ша, – представляется томно, облизывая губы.

Андреев лениво обводит взглядом её приподнятые розовые соски, словно маммолог на приёме в женском общежитии, и возвращается к лицу.

– Матвей, – чуть сжимает её ладонь с ядовито-красным маникюром.

Я её убью!.. Так я думаю, пока Маша не произносит:

– Матвей, не поможешь мне? – разворачивается к нам спиной и тянет спереди лямки от купальника. – Завяжи, пожалуйста.

Нет! Нет! Я убью её в мучениях! Запеку, как курицу гриль, на жарком солнце и закопаю в горячий песок прямо на пляже!

– Пф... давай тебе Вика поможет? – говорит Матвей иронично, глядя на меня. – Я в этих делах не очень.

Маша громко усмехается, а внутри меня зреет чувство, схожее с радостью. Долбаной радостью. Мне вообще должно

быть фиолетово на его похождения!..

Но он не стал ее лапать! Это значит, что я в нем не ошиблась.

– Окей, красавчик. Что ж тут непонятного? – Мария сама без проблем завязывает лямки красного купальника и поднимается с лежака, поправляя бикини перед носом Матвея.

– Ладно, девушки, – он не обращает на неё внимания. – Пойду пройдуся. Ещё встретимся.

Легко встаёт и, мазнув взглядом по моему бледному телу, отправляется прочь.

Провожая его статную фигуру до угла и наконец-то выдыхаю.

– Классный мужик, – тянет Маша, снова укладываясь на лежак.

– Ро-ма-а-но-ва, – стону, прикрывая глаза рукой. – Закрой свой рот.

Она глухо смеётся.

– Не будь ты моей подругой, я бы так оттянулась с ним, что ноги бы к утру не собрала.

Прыскаю от смеха.

– Твою мать!.. Когда ты уже натрахнешься? – спрашиваю её, качая головой.

– К пенсии, возможно. Но это не точно.

* * *

Детский клуб при отеле располагается сразу за рестораном. Место тихое и огороженное цветастым заборчиком.

Ничуть не удивляюсь, когда нахожу там Андреева. Он уже переделался в шорты и лёгкую гавайскую рубашку.

– Мама, – кричит Марк. – Смотри, какую машину мы с Матвеем построили из Лего.

Не обращая внимания, рыскаю по ящикам с детской одеждой.

– Где твоя панама? – спрашиваю сына, игнорируя насмешливый взгляд. – Пойдём в номер.

– Я с вами, – тянет Андреев.

Закидываю в него пару воображаемых молний, чтобы он захлопнул рот.

Я сегодня крайне кровожадная. А ещё голова жутко раскалывается. Так сильно, что приходится сжать виски ладонями.

Мигрень одолевает.

– Мама, ну почему Матвей не может пойти с нами? – ноет Марк, надевая сандалии.

– Потому что у него есть свой номер, – бормочу под нос, продолжая растирать кожу на голове.

– А можно, мы к Матвею пойдём?

Боже!

– Марк, – шиплю сквозь зубы и хватаю его руку. – Идём уже.

Но взбудораженный появлением Андреева ребёнок не собирается сдаваться, и всю дорогу пока мы направляемся в сторону двухэтажных домиков, он планомерно ноет и выво-

дит меня из себя.

Чуть повернув корпус, вижу, что Матвей так и идёт за нами.

Вот что он за человек такой?

Злость все больше и больше вскипает во мне настолько, что впору приоткрыть крышку и уменьшить огонь.

Наш с сыном номер располагается на первом этаже. Номер Маши – смежный. Быстро отворяю замок с помощью карточки и втаскиваю хныкающего сына. Сама же остаюсь за дверью и жду, пока Андреев донесёт до меня свою драгоценную подтянутую пятую точку.

– Матвей, зачем ты приехал? – спрашиваю без долгих реверансов.

– К тебе, – он пожимает плечами.

– Зачем? Мы же обо всем договорились?

– Я ни о чем с тобой не договаривался, – поджимает недовольно губы.

Теряю дар речи, кружа по его гладковыбритому лицу глазами. Замечаю всё. То, как упрямо дёргается его широкий подбородок и загораются яркие песчинки в светло-серых глазах. Как чуть краснеет его кожа на скулах и раздуваются крылья носа от негодования.

– Секса больше не будет, – твёрдо проговариваю. – Ты классный. Реально классный, весёлый парень.

Он приподнимает брови иронично.

– Я не шучу, – продолжаю. – Будь я помоложе лет на де-

сять.

– Да блядь, ты серьёзно? – взрывается, хватая меня за руки и притягивая к себе.

– Я серьёзно. Я старше тебя. Я замужем.

– Мне по хрен, – мотает он головой, словно откидывая неинтересную информацию.

Одновременно стискивает в объятиях, подцепляет резинку, удерживающую мои волосы, и зарывается в них лицом. Наше дыхание учащается, притворяться спокойной становится все тяжелее.

– Матвей, – шепчу устало. – ХВАТИТ.

Его сильные руки крепко держат. Так что не вырваться. Он весь как бронепоезд.

– Матвей, – шиплю и выкручиваюсь из кольца, словно ядовитая кобра.

– Вик, перестань, – одёргивает он мой сарафан, не давая ускользнуть.

– Да отвяжешься ты уже или нет, – скулю ему в тёплую щеку. – Что ты таскаешься за мной по всему свету?

– Может, влюбился? – шепчет он надрывно.

Глава 22. Виктория

Влюбился?

Матвей Андреев в меня влюбился?

И что мне с этим делать? – размышляю, собираясь на ужин. Пока отутюживаю детскую белую футболку-поло, сын, лёжа на кровати, общается с отцом по телефону.

Мы не контактировали с мужем больше двух недель. В первый раз за последние пятнадцать лет.

Это больно. Отчаянно больно.

Моя любовь к нему сейчас подобна высохшей горной реке. В своё время она была полноводной, с золотистыми бортающимися рыбками и резвым потоком. Но жизнь, как жгучее солнце, внесла свои коррективы, и река начала высыхать. Сперва сник поток, потом сдохли все рыбы. А сейчас и воды не осталось. Ни капли.

– Мамочка, папа хочет тебе что-то сказать, – подбегает Марк, размахивая телефоном в руке.

Выдыхаю, мысленно проклиная Свободина. И качаю головой.

– Мама, ну поговори, – хнычет Марк. – Ты что, не любишь больше папу?

Чёрт.

– ДА! – выдёргиваю телефон и отправляюсь в ванную, где сразу же щелкаю задвижкой. Опускаюсь на крышку унитаза.

Отличное место, чтобы обсудить наш брак.

– Вик, что происходит? Какая муха тебя цапнула на хер? – шипит Свободин.

– А ты не догадываешься? – цежу в ответ, чувствуя ноющую боль в голове.

– Прикинь, нет, блядь, – взрывается он. – Вообще без понятия. Ты творишь какую-то дичь.

– А ты подумай, Лёш?

– Пиздец, над чем подумать? – усмехается.

Растирая висок, поднимаю голову и смотрю на гладкий натяжной потолок с встроенными светильниками.

– Я подаю на развод, Лёш, – заявляю сбивающимся голосом. – Подтверди на госуслугах, пожалуйста.

– Ты че больная? Какой на хер развод? – ошарашенно выдыхает.

– По взаимному согласию.

Свободин смачно матерится и хлопает дверями. В городе сейчас вечер и он, по всей видимости, зашёл в свою комнату. Если он дома, конечно.

– Вик, скажи, что не так? – спрашивает сипло. – Мы, конечно, цапались. Оба были не правы. Но развод? Я не готов.

Слова вымолвить не могу. Я вроде бы все решила. Но сейчас вдруг на грудь налетает бетонная плита сомнений. Я никогда не представляла жизнь без мужа. Даже мыслить об этом боялась.

– А Марк? Ты о нём подумала? – ловко разыскивает кноп-

ку в моей душе, на которую можно надавить.

– А ты хоть раз за последние года два о нем подумал? – спрашиваю едко.

– Конечно! Ты хочешь сказать, что я плохой отец?

Плохой ли он отец? В общепринятом смысле, наверное, нет.

– А дом?.. – продолжает. – Как вообще все это будет? Где я буду жить?

В меня словно петарда прилетает, которая подрывает и без того потрёпанные нервы. И я уже кричу в телефонную трубку:

– А это ты у Ангелины Александровны М. узнай. Разберётесь, как-нибудь.

Он стихает и молчит. У меня тысячи мыслей мелькают. Ну скажи, что это твой коллега? Партнёр? Мать соседа? Я не знаю. Лёшечка. Скажи хоть что-нибудь! Чтобы мне стало легче. Хоть на мгновение. Чтобы эта двухнедельная черная дыра внутри зарубцевалась. Я, конечно, тоже хороша. Но если бы муж не лгал, я бы в жизни в сторону другого мужчины не взглянула.

Я не шлюха!

Вместо какого-то внятного оправдания, Лёша разбито произносит:

– Откуда ты узнала?

Проклятые досадные слезы собираются в уголках глаз. Это конец!

– Вика, откуда ты, блядь, узнала? Я тебя спрашиваю, – загробным голосом повторяет.

Даже не отрицает. Дверь в ванной разъезжается под напором стремительного потока слез, и я уже не вижу ничего вокруг. И не хочу видеть.

– Подтверди на госуслугах, Лёш, – выговариваю, всхлипывая.

– Вика... – начинает он что-то доказывать, но я уже не слышу, потому что обрубая звонок.

Голову жжёт от нестерпимой боли. Может, на солнце пересидела? Выхожу из ванной и раскрываю дверки шкафа, чтобы найти аптечку. Отдых с детьми – это будто бы лотерея, поэтому в моём багаже всегда тонна лекарств на все случаи жизни. Запиваю таблетку водой, внимательно оставленной сотрудниками отеля в номере.

– Мама, ты плакала? – спрашивает Марк обеспокоенно. – Папа тебе сказал что-то грустное?

Папа мне ничего не сказал. Ничего нового.

– Всё хорошо, сынок. Не волнуйся, просто немного разболелась голова. Одевайся и поужинаешь с Машей. Я в номере останусь.

Спустя пятнадцать минут заглядывает Романова, без проблем соглашается поужинать с Марком, и они уходят, взявшись за руки.

Надев лёгкий шёлковый комплект из топа и шорт, приглушаю свет и укладываюсь в постель. Мысли то и дело соска-

кивают в сторону разговора с мужем, который стремительно мчится в разряд «бывшего».

Захожу, как и обещала на сайт, но, оказывается, при наличии общих несовершеннолетних детей, развод допустим только через мировой суд. Решаю заняться этим после отпуска и выключаю телефон.

Как я вообще могла не заметить, что Лёша что-то скрывает?

Разговор про измены был у нас за все время только один раз.

Мы учились тогда на последнем курсе и сильно повздорили. Лёша укатил на майские праздники с друзьями в горы неподалёку от города, а я осталась на выходные зализывать раны в общежитии. А как вернулся, заявился ко мне с огромным букетом белых роз. Роскошь для нас в студенческие годы. Где только деньги взял?

Я, конечно, растаяла. После того как выяснили отношения и закрепили их примирительным сексом у меня в комнате, благо соседки все разъехались по домам, долго болтали.

– Что бы ты никогда в жизни ни простила мне? – спросил тогда мой будущий муж.

– Не знаю, – пожала я плечами. – Наверное, предательства.

Тело подо мной окаменело на мгновение.

– А ты? Ты бы что не простил?..

– Я тебе всё прощу, Вика! – глухим голосом чётко ответил

Лёша. – Потому что я тебя люблю.

Глава 23. Мот

Зайдя в ресторан, окидываю помещение взглядом, пытаюсь зацепить светловолосую голову. Вместо этого нарываюсь на полураздетую подругу Вики и её сына. Следую сразу по направлению к ним.

– Матвей, – размахивает рукой пацан. Он в забавной кепке с Человеком Пауком.

– Привет, чемпион. А где мама?

– Я за неё, – широко ухмыляется, кажется, Маша. – Или что, я не устраиваю?

Глаза у неё блядские. И выглядит в тесном платье с вырезом до пупа соответственно.

– Мама заболела, – тяжело вздыхает Марк.

– Как заболела?

Она два часа назад вытолкала меня взашей с крыльца своего номера. После того как я расслабился и признался ей, что врезался в неё по уши.

Я и сам ещё не уяснил этот факт, благодаря которому у груди постоянно чешется. Но, по-моему, это правда!

– У неё голова болит. Она даже ужинать с нами не пошла.

Это что из-за меня? Настолько я противен?

– У неё приключаются мигрени. Ещё с детства, – проговаривает Маша, словно прочитав мои мысли.

– Ясно, – киваю. – Вы поужинали?

– Да-а, – кричит мальчуган.

– Тогда пойдём маму покормим? – спрашиваю, задвигая за ним стул.

Марк уносится в детскую игровую зону при ресторане, а я перемещаю внимание на Машу.

– Вика меня прикончит, – смеётся девушка, качая головой. При этом её грудь покачивается в такт.

– Не убьёт, – ровно произношу. – С королевой я договорюсь.

– Ладненько, – окидывает похабным взглядом мои футболку с джинсами, задерживаясь на ширинке. – Только будь осторожен. У Короля тяжёлый удар слева.

– Да похуй, – отзываюсь агрессивно.

Мудак своё счастье просрал! Мысль о муже Вики порождает во мне какую-то нездоровую злость. То, что она не моя, вообще воспламеняет в душе первобытные инстинкты.

Завоевать. Отобратить. Присвоить.

Вот что мне хочется!

Иду за пацаном в игровую и ещё полчаса бьёмся с ним в аэрохоккей. Потом забираю у официанта ужин для Вики, хватаю парня за руку, чтобы не смылся, и мы выходим на улицу. Идём не спеша, втягивая тёплый морской воздух. Осматриваю свои кеды и детские сандалии. Моя нога больше раза в три. Офигеть.

– Матвей, – начинает Марк задумчиво. – А развод – это когда уже не любят друг друга?

– Хм-м... запариваюсь. – А где ты это услышал?

Он как-то приунывает и шмыгает носом.

– Папа нам сегодня звонил. Мама с ним в туалете разговаривала.

Моя улыбка растекается во все тридцать два, но я вовремя собираюсь и шевелю мозгами, как объясниться с малым. По факту, для ребёнка развод – это всегда жесть. Я, слава богу, на себе не испытывал, а вот у Мавроди – родители развелись ещё когда мы учились в пятом классе.

– Я честно не знаю, что сказать тебе, – признаюсь. – Допустим... ты любишь Лего?

– Просто обожаю, – кивает он мелкой головой в кепке. – У меня знаешь его сколько.

Разводит ручонки широко и выпучивает глаза.

– Значит, буду разговаривать с тобой, как с опытным профессионалом. Вот бывает, что детали вроде бы из одного комплекта. Но не подходят друг другу. Не совпадают.

– Я понял! Разные размеры у шипов?

– Ну типа того, – подтверждаю выдохнув.

– Интересно, какие шипы у мамы?

Ухмыляюсь. У твоей мамы такие шипы, малой, что мало не покажется!

– А с ребёнком тоже можно не совпасть шипами? – задаёт он ещё один вопрос, выворачивающий мой мозг.

– Нет, – отвечаю твёрдо. – С ребёнком точно не может такого произойти!

Марк облегчённо выдыхает. Слава богу, мы доходим до их номера раньше, чем он сочиняет очередную задачку для меня. Вообще, с этим пареньком надо быть постоянно начеку. Смышлёный. И на Вику похож.

Один в один.

Дверь в номер открыта. Внутри полумрак и жуть, как холодно. Она что решила себя заморозить?

– Где вы были так долго? – спрашивает Вика устало.

Марк скидывает сандалии и убегает к матери.

– Мама, мы с Матвеем сражались в хоккее, и я выиграл.

Три раза.

Пф-ф. Я, конечно, поддавался.

Разглядываю Вику, лежащую на кровати. Её кожа стала намного темнее, но все равно более светлая, чем моя. Она хрупкая, словно фарфоровая статуэтка, и красивая в своей пижаме настолько, что яйца поджимаются.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашиваю, стряхивая кеды и проходя вглубь номера.

– Нормально. Уходи, Матвей.

– Ты решила ещё и простыть? – игнорирую, разыскивая пульт от кондиционера. – У тебя тут как в Антарктиде.

– Не заговаривай мне зубы, Андреев. Выйди из моего номера, – шипит, усаживаясь на постели. Длинные ноги подтягивает к груди и обнимает их руками.

Замечаю пульт на тумбочке, вырубаю кондей.

– Мы принесли тебе поесть, мам, – сообщает Марк, рас-

крывая пакет с едой. На столе начинают появляться контейнеры. – Тут рыба и овощи. Салат... И торт.

Глазеет задумчиво на пирожное в упаковке.

– Ты же будешь торт? – переводит хитрый взгляд на мать.

Вика расслабляется и по комнате прокатывается её лёгкий смех.

– Не буду. Съешь, если хочешь.

Размещаюсь в кресле, напротив кровати и прохожусь по ее телу глазами ещё раз, задерживаясь на высокой груди. Она вся такая... упругая. Руки зудят, оглядываюсь на пацана, который орудует ложкой, никого вокруг не замечая.

– Матвей, иди к себе, – тихо говорит Вика, нахмуривая брови.

Вытягиваю ноги и закидываю руки за голову.

– Я на завтра билеты на корабль купил. На пиратский, – сообщаю намеренно громко, не сдвигая глаз с её тела. – Пойдём в плавание, Марк?

Перевожу взгляд на малого и вижу, что он оживлённо кивает. Радуетса.

– Я так понимаю, моего мнения никто не учитывает? – произносит Вика нервозно.

– Мам, ну пожалуйста, – тянет Марк прожевавшись. – Мы же видели этот корабль с пляжа. Ты обещала.

Королева вздыхает, а я понимаю, что победил.

Сын Вики – просто золото, а не пацан

Глава 24. Виктория

Следующее утро вновь начинается с мигрени. Да такой, что подняться с кровати не удаётся. Голову будто зажали в тиски и постукивают в такт барабанными палками. Марк беззаботно бегаёт вокруг, рассчитывая на морскую прогулку, чем невероятно нервирует.

– Мамочка, вставай. Скоро Матвей придёт, а ты лежишь.

– Погоди немножко, пожалуйста, – раздражаюсь и упорно растираю виски.

В номер стучатся, и на пороге действительно возникает герой-любовник. Выглядит жизнерадостно, короткие шорты открывают стройные загорелые ноги, майка – твёрдые бицепсы. Светлые волосы модно взлохмачены. Лицо сегодня ровно выбрито. Аромат мужской туалетной воды начинает проникать в каждый уголок помещения.

Это отчего-то тоже действует на нервы.

Андреев будто завёл во мне уснувший механизм стервы. Я все время бешусь, вождедею его реакции, но он смотрит на мои попытки с колоссальным спокойствием и вынуждает меня испытывать его границы вновь и вновь.

Когда его сорвёт? Даже интересно.

– Доброе утро, – слишком громко выговаривает Матвей.

– Ты можешь так не вопить? – тихо ною в подушку.

– Что с тобой? – обеспокоенно спрашивается, нависая над

кроватю.

– Голова разламывается. Пригласите с собой Машу. Я не смогу поехать, – объясняюсь шёпотом.

– Может, врача позвать? – касается ладонью моего лба, словно проверяет температуру.

Я морщусь от нового приступа.

– Нет. Это бесполезно. Я приняла таблетки, скоро отпустит. Но в любом момент может заново начаться.

– Ясно, – безэмоционально кивает. – Мы тогда на завтрак выходим. Марк, собирайся.

Сын тут же принимается застёгивать сандалии и натягивает кепку.

– Спасибо, Матвей. Покорми его кашей. Он обожает рисовую.

– Без проблем.

Наверное, будь я свободна, мне была бы крайне приятна заинтересованность такого парня, как Матвей. Помимо того, что он безумно хорош собой, он... особенный. Неравнодушный.

То и дело мысли сворачивают в его признание. Сказал, что влюбился.

Это ж надо.

К отношениям в настоящий момент я однозначно не расположена, со своей жизнью бы разобраться.

Само слово «развод» пока вызывает болезненный укол в сердце и чувство вины перед Марком. Как он отреагирует?

А что, если Лёша начнёт жить со своей Ангелиной и у них появятся дети? При возникновении в сознании этой картины виски в очередной раз стискивает приступом боли.

Какое бы ни было предательство, воображать человека, с которым ты прожила долгих пятнадцать лет выходящим из роддома с ребёнком, рождённым другой женщиной – это чертовски больно. Вдруг он полюбит нового малыша больше и перестанет контактировать с Марком? Как это отпечатается на будущем нашего сына? Не будет ли он потом упрекать меня в том, что разлучила его с отцом?

И как мне с этим быть?

Через десять минут приходит сияющая Маша. Вид у неё такой цветущий, что я испытываю зависть.

– Ну ты как, подруга? – спрашивает она обеспокоенно.

– Пока никак, – произношу, усаживаясь на кровати. – Чувствую себя дырявой старой калошей.

– Встретила твоих мужиков в ресторане, – смеётся.

Смотрю на неё снисходительно, подняв брови. Моих мужиков? Серьёзно?

– Зовут с ними на корабль. Ты не против?

Чуть задумываюсь, затем решительно вздыхаю и отвечаю:

– Я буду только благодарна. Отпуск у тебя выходит странный, все время свешиваю на тебя ребёнка.

Романова машет рукой, разглаживая складки яркого сарафана.

– У меня было столько этих отпусков, что даже занима-

тельно ощутить себя мамочкой.

– Ты уверена? – пытаюсь разглядеть хоть намёк на раздражение.

– Конечно, отдыхай. Мы разберёмся.

– Спасибо. Будьте там аккуратнее. И следи, пожалуйста, чтобы Марк не снимал панаму. И без верха от купальника не загорай, пожалуйста.

Она заликает смехом.

– Ты за кого из них беспокоишься? – успокоившись, интересуется. – Хорошо, мамочка. Как скажешь.

Марк с Матвеем возвращаются, в руках у сына уже традиционный пакет с едой для меня. Внимательный Андреев снова позаботился.

Весело переговариваясь, они отправляются на пирс, откуда их должен забрать катер. Проводив, кое-как принимаю душ, переодеваюсь в майку с шортами. Боль постепенно угасает, и я начинаю представлять, чем занять свой день.

На солнце, очевидно, лучше не появляться. Минуты тянутся бесконечно, поэтому решаю всё же включить телефон.

Первым делом звоню маме. Отчитываюсь, что отдых протекает чудесно. Выслушиваю миллион указаний, стараясь быстрее попрощаться. От Свободина во входящих только одно сообщение:

«Я всё тебе объясню потом. Не дёргайся»

– Да пошёл ты к черту, объясняльщик, – цежу, отбрасывая телефон на одеяло.

В дверь барабанят, и не успев откликнуться, уже наблюдаю на пороге... Матвея.

– Что-то оставили? – узнаю непонимающе.

– Нет, – говорит, снимая кеды. – Я решил, что тебе будет скучно.

– Ты в своём уме? – психую. – Ты что Машу одну с Марком бросил?

– Она сама предложила, – хитро ухмыляется и падает в кресло, не сводя с меня взгляда. – Чем займёмся?

Закатываю глаза.

– Не знаю, чем займёшься ты у себя в номере, – отвечаю резко, убирая телефон в тумбочку.

– Тебе обязательно быть такой ершистой? – тянет, поднимаясь из кресла.

– Да, сколько можно? Что ты хочешь от меня, Матвей? – непонимающе вглядываюсь в сверкающие светло-серые глаза.

На секунду в комнате возникает тишина.

– Тебя хочу! «Себе!» —говорит он твёрдо.

Безумно красивый, самоуверенный парень.

– А твоя *девочка* не будет против? – усмехаюсь.

Матвей иронично поднимает бровь.

– Ревнуешь, королева Виктория?

– Мечтай, – отворачиваюсь к окну.

Тихо подходит сзади и близко наклоняется. Шепчет так, что мурашки по телу разбегаются:

– А я ревную тебя... К твоему мужу... Каждую минуту. Так, что жилы выкручивает...

Втягивает носом аромат моих волос и продолжает:

– Я тебя у него заберу! Обещаю!

Смеюсь, качая головой. Не наслаждаться его прикосновениями не получается, как бы не старалась.

– Что ты себе придумал, Андреев?

– Я же тоже тебе нравлюсь. Ты же не из тех, кто просто так изменяют?

Вспыхиваю. Он что решил поговорить со мной о муже?

– Да что ты можешь знать обо мне? Вдруг я просто решила внести в семейную жизнь разнообразие?

Он резко разворачивает меня с силой и заглядывает в глаза. Его зрачки расширяются, а грудь вздымается от тяжёлого дыхания.

– Какое на хрен разнообразие?

– Такое, – дерзко отвечаю, не отводя взгляда. – Маша посоветовала. Найти живой член.

– Живой... что? – брезгливо морщится. – Ты че больная?

Агрессивно обхватывает меня за плечи и жутко трясёт. Если я ждала момента, когда Матвей Андреев взлетит на воздух, то он настал. Но радости я не испытываю. В комнате вдруг веет опасностью. Мы здесь абсолютно одни и он как минимум в два раза сильнее.

– Отпусти, – кричу, выбиваясь. – Мне страшно.

Он держит ещё крепче, ещё яростнее, словно решая, что

со мной делать.

– Сучка... живой член, – тащит моё тело и швыряет на кровать, словно куклу. – Любишь разнообразие? Сейчас устроим.

Глава 25. Виктория

– Матвей, я не хочу, – сообщаю, глядя как он тянет футболку со спины, снимает и сбрасывает её на пол.

Выходит, как-то неубедительно даже для самой себя. Его тело такое загорелое и манящее, что у меня тут же нарушается слюноотделение, а здравый смысл летит к чертям собачьим. Словно рыба с открытым ртом наблюдаю за дальнейшими действиями.

В светло-серых глазах только твёрдость и агрессия, до этого дня никак не ассоциируемая с образом Андреева.

– Зато я ХОЧУ, – выговаривает он грубо, приближаясь. – За пацана меня держишь. Захотела трахнула, захотела на хуй послала.

– А ты что, не пацан? – спрашиваю вызывающе, отталкивая его ударом ноги в стальной пресс на животе.

– Сейчас покажу тебе, кто я.

Дёргает моё тело на себя и вгрызается в губы жёстким ртом, заполняя своим мятным вкусом. Если до этого я была не уверена, что захочу ему активно противостоять, то сейчас вовсе затихаю в нерешительности на сто процентов, отдаваясь мученическому поцелую.

Наше дыхание становится общим, одним на двоих, но процессом руководит Андреев. Постоянно меняет темп и направление языка, вынуждая меня подстраиваться.

Чёрт! Как же это приятно!

Из вредности совершаю дохлую попытку выскользнуть, упирая ладони в острые плечи и старательно силясь их оттолкнуть, но Матвей ни на сантиметр не сдвигается. Его тело будто каменное, врезанное в моё.

Тогда не выдумываю ничего лучше, чем цапнуть его зубами за нижнюю губу. Прикусываю и чуть оттягиваю на себя. На языке возникает солоноватый вкус крови, а Матвей таранит мой рот с ещё большим энтузиазмом.

– Сучка, – цедит, резко переворачивая меня на живот.

Собирает длинные волосы, раскиданные по плечам, намазывая их на кулак, и тащит к себе, так что мне остаётся только глубоко прогнуться в спине и уткнуться ягодицами в раздутый пах.

Твою мать.

Я умалишённая, потому что мне это нравится. Хочется ещё больше. Больше эмоций, больше похоти, больше проклятого возбуждения. Наверное, дымовая шашка, что раскачивалась на ниточке в груди все пятнадцать лет, наконец-то рванула и меня накрыло, словно гнусную нимфоманку.

Расслабляюсь, принимая неизбежность. Самообман никогда не был моей фишкой, но в настоящий момент так хочется лгать себе. Обманываться. Что это всё он. Матвей. Что я никого не предаю и все мои обязательства перед Лёшей, являются лишь бесполезной формальностью.

Воспоминания о муже будят лютую ненависть, которую я

тут же трансформирую в вызов.

– Пока действуешь, как пацан.

Матвей рычит и резко дёргает комок из волос, всё ещё зажатый в ладони, намеренно причиняя боль.

– Блядь! Держись!

Шорты с крошечным бельём стремительно отправляются на пол. Требовательные руки тащат тонкую майку кверху, раскрывая для себя вздымающуюся грудь. Немного играют с сосками, потирая и нетерпеливо их сжимая. Затем грубо, тычком в спину отправляют мои плечи на простыни, так что обнажённые бедра оказываются подтянутыми к краю кровати.

Тёплые пальцы свободно с хлипким звуком проникают внутрь, отчего из моего рта вылетает то ли крик, то ли писк.

– Муж тебя давно не трахает, – замечает, пошло растягивая стенки и поглаживая клитор.

– Не твоё дело, – цежу сквозь зубы, всхлипывая от наслаждения.

Пальцы живо сменяются твёрдым членом так болезненно, что я вскрикиваю в тишине номера.

– Орёшь? Ну поори, – проговаривает, трудно дыша и совершая первые удары.

Бедра Матвея таранят меня с такой скоростью, что я пытаюсь выскользнуть из-под этого прессинга, но жёсткая рука вовремя падает на затылок и вминает голову в одеяло.

Сладкая боль наполняет все тело, внизу живота, между

ног – всё пышет жаром, который хочется поскорее потушить.

Я практически визжу, когда тело смывает волна долгожданного оргазма.

Матвей замирает на пару секунд, затем резко валит меня на спину, расталкивает ноги, смотрит вниз похотливо и вколачивается заново.

Его тело напряжено, по шее стекают капельки пота, к которым я, заметив, тут же тянусь губами. Этот ласковый жест, будто смягчает выражение сурового лица, и движения члена внутри становятся плавнее.

Увлекаю его голову, зажав в тиски своих рук, и со звуком чмокаю в губы.

Матвей тут же отвечает долгим сумасшедшим поцелуем. Делает бёдрами ещё пару ударов и отдаляется. Обхватывает подрагивающий член, завершая эту пытку. Живот, грудь, всё заполняет тёплая вязкая жидкость, которую он намеренно размазывает по моему телу, будто клеймя.

– Доволен? – спрашиваю, жадно рассматривая, как он тяжело дышит и пытается прийти в себя.

– Пока нет, – отвечает, заваливаясь рядом. – Ещё пару таких заходов и приближусь к этому состоянию.

– Мне надо в душ, – предупреждаю, закрыв глаза.

– Успеешь, – шепчет он.

Подхватывает, размещая сверху.

Вдыхаю аромат с влажной шеи, наслаждаясь лёгкими поглаживаниями нежных рук.

– Почему ты такая стерва, Свободина? – спрашивает Матвей устало.

Давлю смешок.

– Не знаю, – отвечаю честно. – С тобой хочется быть такой.

Он нервно цокает.

– Я скоро превращусь в долбаного невротика.

– Отошлю тебе апельсины с открыткой в психдиспансер, – пожимаю плечами.

Тело подо мной дёргается от бешеного хохота.

Его твёрдая накаченная грудь отчего-то становится такой мягкой и уютной, что глаза сами по себе закрываются, а в голове пусто и легко. Это как минимум странно, потому что целых два дня до этого я промаялась с жуткой мигренью.

– Поспи немного, время есть, – шепчет он, не переставая водить рукой вдоль моего позвоночника.

Глава 26. Виктория

Пробудившись, не глядя на рядом лежащего Матвея, ползу в душ. Часы, встроенные в телеприставку, показывают, что сейчас ровно полдень. Маша с Марком возвратятся ближе к вечеру, поэтому у меня есть время подготовиться. В ванной комнате влажно и пахнет Матвеем. Как он умудряется везде оставлять свой восхитительный аромат, не понимаю?

Заворачиваю волосы в узел на макушке, испытывая лёгкую болезненность после того, как мой любовник чересчур увлёкся ими. Смываю с туловища засохшие белые пятна и насухо вытираюсь. Между ног неприятно саднит, но все равно только что был абсолютно точно лучший секс в моей добротпорядочной жизни. Может, у меня какие-то отклонения, если меня так вставляет грубость?

Не прикрываясь, выхожу из ванной.

В спальне довольно прохладно и свежо от работающего кондиционера. Матвей дрыхнет на спине, его пах укрывает тонкая простыня, сквозь которую вижу контуры полуэрегированного члена.

Словно ощутив внимание, светло-серые глаза резко раскрываются, проходятся по моей обнажённой фигуре, задерживаясь на холмиках чувствительной груди. Тело под простынями чуть содрогается, а бугор в области паха становится

ся явственнее.

– Что затихла? Иди ко мне, – хрипит он, изображая призывной жест ладонью.

Как замороженная подступаю к кровати и подцепляю пальцами простыню, медленно скидывая её с Матвея.

Его упрямая рука дотягивается до моих ягодиц и чуть сдавливает каждую по очереди, возбуждённые глаза бессовестно шарят по телу. И останавливаются на лице.

– Чем займёмся? – двусмысленно вздымает бровь, губы разъезжаются в улыбку с обворожительными ямочками.

– Поиграем? – спрашиваю, шаря глазами по номеру в поисках необходимого.

– Пф-ф, – вытягивает он. – А призы будут?

– Будут – говорю, идя к зеркалу с прилегающим столиком, на котором в отеле, как правило, оставляют различные мелочи. Обнаруживаю то, что нужно, и подготавливаю.

Затем разворачиваюсь к Матвею, ещё раз жадно окидываю взглядом бронзовое тело на белоснежной простыне. Бог мой, не верится, что я вообще творю?

Закусив губу, снова прохожу к кровати и останавливаюсь у изножья.

– Так, смотри.

– Мы во внимании, – похабно произносит он, разминая ладонью возбуждённый член.

На мгновение зависаю, замороженная этим процессом. Глаз не могу отвести!

Твою мать!

Я хочу сделать с ним то, что задумала до самого конца. Никогда не жаждала мужское тело настолько сильно, как в этот момент.

– Смотри, – начинаю, демонстрируя ему небольшой спичечный коробок с эмблемой турецкого отеля. – Здесь две обычных спички.

– Угу, – кивает Матвей.

– Моя спичка длинная, твоя короткая. Вытянешь свою – будешь делать со мной, всё, что пожелаешь. Если длинную – я совершаю всё, что захочу с тобой, – облизываюсь ещё раз, глаза на поступательные движения его ладони на члене.

– Хм-м, занятно, – нацеливается на мои руки. – Я оста-навливаю свой выбор на той, что ближе к окну.

Кровожадно ухмыляюсь, вынимая между пальцев длинную спичку.

– Пиздец, Вика, – шепчет. – Я уже почти кончил.

– Попробуй только, – предупреждаю сипло, взбираясь на кровать и подползая к его паху, усеянному короткими светлыми волосками.

Эмоций полным-полно, так, что я, по-моему, дышу через раз. Здесь и какая-то безвыходная порочность, дикое возбуждение и ужас, что ему не понравится.

Для него минет – это, как в магазин сбегать. Ему перед рабочим днём на парковке отсасывают, сама же видела. Мы же с мужем нечасто практиковали оральные ласки.

Если быть точной, всего пару раз.

Прикасаюсь пальцами к нежной бархатной коже. Его член поразительно красивый и тугой, с бледно-розовой внушительной головкой и немного вздутыми венками. В руке ощущается совершенно горячим и мягким.

– Смелее, – шепчет Матвей, делая кругообразное движение упругими бёдрами навстречу моему лицу.

Промакиваю языком горящие от его поцелуев губы и провожу ими по уздечке, чувствуя грузное мужское дыхание. Сживаюсь с ощущениями, Матвей приятно пахнет даже в этом месте, никакого отторжения или отвращения, как было с Лёшей.

С увлечением считываю собственные чувства, когда погружаю головку в рот и облизываю её языком, словно подтаявшее мороженое.

Матвей нетерпеливо закидывает правую руку за спину и приподнимает подушку, чтобы лечь чуть выше и удобнее наблюдать за движениями моего рта.

– Ну же, давай, Вика. Соси. Ты что минет никогда не делала? – щурится.

– Заткнись, Андреев, – говорю, вынув влажный ствол изо рта. Стискиваю его ладонью, втирая в кожу свои слюни и смазку.

Это жуть как меня возбуждает. Между ног мокро и горячо так, что хочется спустить туда свою руку и проконтролировать, но я держусь. Сжимаю внутренние мышцы, чтобы за-

держатъ это ощущение подольше.

Предпринимаю ещё одну попытку и погружаю член в полностью в рот, непристойно причмокивая им.

– Пиздец, – реветъ Матвей и снова собирает мои волосы в хвост, насаживая голову до упора и управляя скоростью проникновения.

Оказывается, это дико приятно – доставлять наслаждение мужчине, который нравится тебе безоговорочно, до каждой клеточки его тела и души. Если выпустить на волю условности и чувство стыда, конечно.

Двигаюсь ртом все быстрее и быстрее до тех пор, пока не чувствую, как Матвей освобождает меня и щедро кончает на мои губы, которые я тут же облизываю.

– Моя очередь, – говорит он, трудно дыша и отбрасывая меня на кровать рядом с собой.

Коротко целует в губы и сползает к груди, забирает рот соски и пропускает каждый через свой горячий язык.

Сжимаю светлые волосы на его голове, отчаянно желая продолжения. Он скользит ниже и оближивает по кругу узкий пупок.

Широко разводит мои ноги в стороны. Рассматривает меня внизу внимательно, от чего произвольно хочется закрыться.

– Я был груб, извини, – произносит, вздевая глаза. – Тебе больно?

– Немного неприятно, но мне все равно понравилось.

Очень.

Он кивает и, удерживая ноги, наклоняется к мокрым складкам. Ведёт вдоль по ним неспешно языком, отчего моё тело прошибает пульсирующий ток, а изо рта выбивается тягучий всхлип.

– Как ты хочешь? – спрашивает Матвей – С пальцами?

– Нет, – чуть морщу носик.

– Говори, если что-то не так, окей?

Я киваю, и Матвей, не сдвигая глаз с моего лица, бьёт кончиком языка по самой чувствительной точке. Словно раскачивая её из стороны в сторону, продолжает пытку. Влажно ласкает, следя за трансформациями на моем пылающем лице. Через пару минут его заигрываний с клитором ярываюсь самым ослепительным сексуальным оргазмом в моей жизни.

Матвей сдерживает ноги, и не отлепляется от источника удовольствия до тех пор, пока меня не перестаёт потряхивать.

– Тебе понравилось? -узнаёт чуть отстраняясь.

– Да-а-а, – отвечаю со стоном, заваливаясь на подушку.

– Ты очень вкусная, – говорит он, облизываясь. – Хочешь попробовать?

Здрав голову, рассматриваю его откровенное лицо, сверкающие глаза и увлажнённые губы, быстро киваю, привлекаю его за руки к себе, крепко целую. Поглаживаю крепкие плечи и мышцы на спине.

– И зачем была эта игра? – спрашивает Матвей, когда мы позже лежим в обнимку. – Я бы все равно сделал с тобой все, что захотел без всякой короткой спички.

– Там не было короткой спички, – отвечаю ему тихо, снова проваливаясь в сон под мелодичный хриплый смех.

Глава 27. Мот

В морском воздухе всегда есть один неизменный плюс – он напрочь отшибает мозги и заставляет забыть обо всем, что осталось вне его.

Уже три дня я не выходил на связь с домом. Только периодически включал телефон, чтобы связаться с Мавроди и удостовериться, что с мамой все в порядке. Он, как мой лучший друг, держит руку на пульсе и периодически спрашивается о её здоровье.

Направляясь в номер к Вике, намереваюсь сделать ей сюрприз. Я арендовал машину на два дня, чтобы прокатиться по побережью. Надеюсь, парня не укачивает, и он тоже запомнит это приключение.

– Матвей, – слышу, как окликает детский голос. Чуть оборачиваюсь, успев сгруппироваться, прежде чем меня заключают в объятия маленькие руки.

– А где мама? – спрашиваю, смещая солнцезащитные очки и замечая, как к нам подплывает подруга Вики.

– Она в номере собирается, мы пошли на завтрак. Я есть хочу, – тараторит пацан.

– Ясно. Ну идите, мы подойдём, – киваю в сторону ресторана.

– Не задерживайтесь там, – иронично улыбается Маша. Уж как получится.

Захожу без стука в номер и прикрываю дверь на ключ. Вчера мы почти спалились, напрочь забыв о времени.

Из ванной доносятся характерные звуки льющейся воды и скинув одежду на кровать, я быстро проникаю внутрь.

– Господи, – слышу визг. – Ты меня напугал.

Ступаю на скользкий кафель и притягиваю свою королеву к себе. Она ударяет меня ладошкой по груди.

– Это всего лишь я, – усмехаюсь.

Немедля чуть сгибаюсь и захватываю влажные губы в плен.

– Вкусная, – рычу. – Сегодня не болит?

Спускаю руку, поглаживая её между ног. Она в этом месте крайне чувствительная и дико приятная, как и везде. Так и сожрал бы.

– Не болит, – стонет Вика, заваливаясь на мокрую стену и порочно отодвигая ногу, помогая мне доставлять ей удовольствие пальцами.

– Значит, пошалим, – говорю, приковывая её тело обратно к себе. Помогаю охватить свои бёдра длинными ногами и одним движением распускаю по плечам светлые волосы.

– Матвей, блин, – шипит она и тянется к крану, выключая воду.

Дымящийся член быстро отыскивает нужную дорогу и тут же проскальзывает внутрь до упора.

– А-ах, – Вика запрокидывает голову, предоставляя мне абсолютный доступ к груди.

Впиваюсь ртом в нежный розовый сосок и посасываю его, совершая первый толчок. Она такая тесная и гостеприимная внутри, что мой мозг уплывает в слив на полу вместе с оставшейся водой.

Блядь, хочу её невообразимо! С Ликой такого никогда не было, да и ни с кем, наверное, не было и уже не будет.

Дикими глазами смотрю за тем, как меняется ее лицо, и темнеют зрачки с каждым новым махом моих бёдер. Как подрагивают ресницы, и вскипает тонкая кожа. Прикусываю пухлую губу и толкаюсь в рот языком. Там также гостеприимно и всегда вкусно.

Трахаю, уже не удерживаясь, забирая всё, что она задолжала пока динамила меня. Думала, оставлю ее, дурочка!

Никогда уже не оставлю. По хрену на всех.

– Быстрее, – командует она, зверски вонзаясь ногтями в кожу на спине. Но вместо боли чувствую, как ещё больше тяжелеет в паху. До блестящих искр в глазах.

Кажется, кто-то вошёл во вкус.

Чуть приспускаю стройные бёдра руками, увеличивая скорость, как она просит. Меняю угол наклона и ещё раз дёргаю губами острую бусинку на груди.

– Ма-твей, – всхлипывает Вика, оседая на моих руках и содрогаясь от пронизывающего оргазма. Её мышцы ощути-мо сжимают член, сокращаясь так, что мне приходится обрушиться на неё и толкнувшись в последний раз, выскользнуть из влагалища.

– Сядь, – командуя, крепко обхватывая член ладонью.

Она послушно опускается на колени, и я забрызгиваю семенем её грудь, клеймя и попадая на лицо. Это лучшее что я видел. Ниагарский водопад нервно курит в сторонке.

Моя! Она моя!

Подцепляю за локоть и снова ласково целую, поглаживая округлые ягодицы.

– С добрым утром, – проговариваю, усиливая напор воды и выдавливая гель для душа из органайзера. Намыливаю бархатную кожу.

– С добрым, – улыбается она и меня снова пронизывает высоковольтный разряд. – Придётся мыть голову.

– Давай помогу, – предлагаю, перебирая влажные волосы.

– Иди уже, иначе мы отсюда не выйдем, – смеётся Вика.

Быстро споласкиваюсь и, захватив полотенце, удаляюсь из ванной. Потом ещё минут пятнадцать, сидя в кресле, слежу, как она носится по номеру и собирается на завтрак.

– Как курица буду с мокрыми волосами, – уныло вздыхает расчёсываясь.

Наступаю сзади и обвиваю тонкую талию, усеиваю шею короткими поцелуями и располагаю подбородок на её плече.

Осматриваем друг на друга в зеркало, не проронив ни звука.

– Я красивее не видел, – произношу тупой, но правдивый комплимент.

– Да ладно? – удивляется Вика. – Были и покрасивее.

– Не было, – отрицательно покачиваю головой, не сводя с неё взгляда. – Я решил сделать тебе сюрприз.

– Какой? – её глаза загораются детским любопытством, и я кайфую с того, как она переменялась.

Отгаивает моя Снежная Королева.

– Арендовал автомобиль на два дня. Прокатимся по побережью?

– А Марк? – хмурит брови.

– Конечно, возьмём с собой, в машине есть автокресло. Снимем номер где-нибудь для ночёвки.

– Блин, Маша обидится...

– Предложим поехать с нами, но я отчего-то уверен, что она захочет остаться здесь, – легко пожимаю плечами.

Я оказываюсь прав, потому что Мария отказывает нас сопровождать. Она познакомилась с каким-то немцем и есть ощущение, что девица даже рада нашему внезапному отъезду на два дня.

Через пару часов забираю автомобиль с проката и загружаю свои вещи.

– Ты уверена, что это только на два дня? – спрашиваю Вику, поднимая её чемодан.

– Уверена, – улыбается она, пристёгивая Марка.

Малой залазит в машину уже изрядно умотанным и тут же засыпает.

Подстраиваясь под местный ритм автомобильного потока, мажу взглядом по Вике. Она совершенно расслаблена, в

коротком соблазнительном платье в мелкий цветок, больше похожем на халатик выглядит просто отпад. Шлепки скинуты на резиновый коврик, а крохотные напедикюранные пальчики упираются в бардачок.

Испытываю немедленное желание сделать остановку и отжарить её как следует в первой попавшейся подворотне, но осознаю, что не к месту это. Может, кого-то и напрягал бы ребёнок, мирно дрыхнувший на заднем сидении, но только не меня.

У нас вся жизнь впереди.

А Марк? Он же как часть Вики, я привыкну, тоже полюблю его.

– Расскажи мне что-нибудь о себе? – спрашиваю, поглаживая симпатичную коленку.

– Пф-ф... тебе будет скучно, – беззаботно улыбается Вика.

Мы прибываем прямо в пробку на выезде из Кемера, поэтому я разворачиваюсь к ней и люблюсь. От былой холодной стервы ничего не осталось. Вика сейчас такая уютная и простая.

То ли так морское побережье действует, то ли я со своей волшебной палочкой. Ржу от собственной шутки.

– Что ты смеёшься? – узнаёт она.

– Да так. Не бери в голову, – перемещаю автомобиль ещё на пару метров вперёд. – Рассказывай, мне про тебя все интересно.

Вика склоняет голову набок и задумчиво глазеет вдаль.

– Наверное, сейчас мне кажется, что вся моя жизнь прошла как-то не так... Не так, как надо.

– Хм- м... ты о чем?

– Ну, не там родилась, не в той семье росла, – чуть медлит. – Не за того человека вышла замуж. Вообще все не так, понимаешь?

Кратко киваю.

– Я понимаю, о чём ты говоришь.

– В последнее время постоянно извожу себя мыслями. А что, если бы не бросила заниматься танцами, как и хотела? Что если бы выбрала другой институт и не познакомилась с... Выбрала другой институт, в общем.

Снова поворачиваюсь к ней и лыблюсь как идиот. Тот факт, что она сожалеет даже о встрече с моим основным соперником – это превосходный задел на наше с ней совместное будущее.

– Это лишнее, Вик, – начинаю говорить, сняв тонкую упавшую ресничку с её щеки.

– Что? – спрашивает заворожённо.

– Ну, сожальеть. Пока ты находишься в сожалении, ты теряешь время. Деструктивная эмоция. Разрушительная.

– Да я понимаю. Но не думать об этом пока не выходит.

Затягиваюсь её ароматом, который витает в воздухе с того момента, как мы отъехали от отеля. Поправляю шорты.

– Тогда посмотри на это по-другому. Если бы ты не вы-

брала тот самый институт и не познакомилась с... – стискиваю зубы до хруста. – У тебя не было бы Марка, который мило сопит на заднем сидении.

– Это да, – произносит она тепло улыбаясь и заглядывая через плечо, отчего платье смещается и в зоне доступа моих глаз оказывается полупрозрачное белье, которое тут же хочется потрогать руками.

Вместо этого провожу несколько раз ладонью по своему затылку и потираю щеку.

– Ну а если бы ты выбрала танцы, не факт, что мы бы с тобой повстречались в прошлом месяце, – добавляю.

– Да, – шепчет она. – Если так смотреть, то вроде как все к лучшему?

– Конечно, – подтверждаю и получаю невесомый поцелуй в щеку.

Я так классно разложил ей теорию, что начинаю прогонять свою жизнь через неё же, пока несусь по пустой трассе.

И вроде все совпадает. Кроме болезни матери.

Почему она умирает? И где здесь, черт побери, твоё «к лучшему», Господь Бог? Ошибочка вышла в небесной канцелярии.

– Спасибо тебе, Матвей, – выговаривает Вика осторожно.

– За что? – удивляюсь.

– За то, что появился, – отвечает, смущаясь.

– Я уже никуда не уйду, – обещаю и сам в это верю.

Руку на отсечение даю.

Около получаса двигаемся свободно и снова застреваем в пробке на въезде в Анталию. Марк внезапно просыпается и вполне ожидаемо просится в туалет. Да и перекусить бы уже не мешало.

Паркуюсь возле обыкновенной придорожной кафешки.

Пока Вика с малым идут в туалет, решаю свериться с маршрутом. Я давно не был в Турции и, если честно, немного позабыл расположение основных автомобильных развязок.

Подключаю телефон, дожидаясь пока загорится экран, и по привычке первым делом захожу в сообщения от Мавроди.

Прочтя, каменею.

Это пиздец.

Снова и снова перечитываю буквы, складывающиеся в слова.

Вика с Марком, кажется, возвращаются. О чем-то мило болтают, их разговор проходит фоном, я даже смысла разобрать не могу. В ушах только проклятое сообщение на повторе.

– Матвей, мы идём обедать? – спрашивает Вика.

Перемещаю на неё затуманенный взгляд. Не могу.

– Матвей, господи, что случилось? – ужасается она.

Открываю дверь. Отворачиваюсь.

Медленно веду взглядом вдоль уютной набережной, морской глади и синего горизонта.

– Я сейчас, Вик, – произношу слишком мягко, не видя её

эмоций.

Иду куда глаза глядят. Кажется, что я отошёл уже метров на сто, когда передо мной возникает автобусная остановка.

Сажусь на лавку и не могу затормозить слёзы.

Я грёбаный мужик.

Мне двадцать пять лет! Но моему организму похуй. Он малыми дозами выдаёт безысходную сырость.

Глава 28. Виктория

– Мама, а где Матвей?

– Не знаю, – отвечаю сыну, посматривая в сторону дороги.

Что у него случилось? Когда мы уходили в кафе, он был вполне обычный. Позвонил кто-то? Написал? Может, девочка его?

Последние два дня я живу в воздушном взбитом облаке. Вокруг одна совершенная сахарная вата. Очень не хотелось бы внезапно возвращаться в реальный мир.

Куда он отправился? Бросил нас одних на лютой жаре и упёрся. Это нормально вообще?

Психую, постукивая пальцами по чёрному пластику на двери.

Матвей возвращается лишь через двадцать минут. Кожа неестественно бледная, глаза покрасневшие, волосы в адском беспорядке, будто их хозяин силился их рвать на себе.

– Что случилось? – задаю ещё раз вопрос, на который он так и не ответил.

Невозмутимо заводит двигатель, смотря прямо перед собой. Затем поразмыслив, снова гасит. Поворачивается и хватает меня за руку, словно не наблюдая моего упорного сопротивления.

Здесь Марк. Он может негативно отреагировать на наши даже самые простые прикосновения.

Но Андрееву пофиг.

– Нам надо вернуться, – говорит печально. В бездонных глазах разбитое стекло, вызывающее волну ужаса чуть ниже груди.

– В смысле, вернуться? Мы же только уехали.

– Мне надо возвратиться домой. Сегодня же.

– Что стряслось? Я тебя в третий раз спрашиваю, Матвей.

Он чуть оглядывается на Марка и как-то заторможенно ему подмигивает, затем снова переключает внимание на меня.

– Отвезу вас в отель. Можно тебя попросить, посмотреть ближайшие вылеты?

– Да, конечно, – моргаю, ничего так и не поняв.

Пока выбираемся на автомобильную трассу, монитору приложения авиакомпаний и время от времени поглядываю в сторону Андреева, который, кажется, целиком и полностью в своих горьких мыслях.

– Ближайший обратный вылет только утром. В шесть часов. Устроит?

– Да, конечно. Возьми карту и документы. Оплачивай.

На мои колени приземляется небольшой черный бумажник. Провожу по мягкой коже пальцем и раскрываю его. Вот только вытянув пластиковую карту, застываю. Действительность стреляет на поражение в зону правого виска.

Фото из автомата, которые пачками стоят в каждом торговом центре. Влюблённая парочка на ней абсолютно счаст-

лива.

– Что там? – хмурится Матвей, заметив мой внутреннюю реакцию.

– Твоя девушка, – отзываюсь ровно, отодвигая бумажник и заводя паспортные данные в нужное окошко на экране своего телефона.

– Какая ещё нах...

– Мы не одни, – напоминаю, указывая в сторону Марка. – Скажи мне код для оплаты.

Матвей извлекает из кармана коротких шорт свой мобильный и протягивает его мне. Ну уж нет.

– Сам взгляни, – отшатываюсь. – Мало ли там ещё кто у тебя.

Что со мной происходит? Я ведь была в курсе, что у него есть возлюбленная? Знала. По всей видимости, так расслабилась, что совершенно про это забыла. Предательские слезы застилают глаза.

Сын, глядя на эту перепалку, угомонился и без единого звука взирает в окно.

– Вика, посмотри на меня, – просит Матвей. – Вика, сделай одолжение, давай только не сейчас.

Резко разворачиваюсь. Он, периодически отдирая глаза от дороги, обсматривает моё расстроенное лицо.

– Я знать не знаю, что ты там обнаружила. Я этой картой только за границей пользуюсь.

– Ясно, – киваю.

– Я тебя не обманываю. Перед поездкой сюда я... всё от-
мёл, и со всеми развязался.

В полнейшем молчании держим обратный путь до отеля. Я не знаю, что сказать, Матвей, по всей видимости, тоже. Марк периодически закидывает вопросами нас обоих.

Странная вышла поездка.

Матвей выгружает наш чемодан и помогает донести вещи до номера. Сын тут же сматывается внутрь. Сильные руки резко притягивают меня за талию.

– Прости, что всё так получилось, – шепчет на ухо пронизывающий голос, ловлю короткий поцелуй в щеку.

Обхватываю лицо Матвея ладонями и смотрю в будто бы отсутствующие глаза. Они немного безумные и уже бесконечно родные. Я не хочу, чтобы он улетал!.. Не желаю с ним расставаться. Раздумывать, что это всё.

Конец.

– Матвей, доверься мне, что случилось? Из-за чего ты вдруг срываешься обратно? Я волнуюсь за тебя.

– Потом, – целует в губы. – Я тебе позвоню в городе. Когда вы домой?

– Послезавтра.

– Встречу. Не скучай.

Вжимаюсь в крепкие мужские плечи и втягиваю его опьяняющий запах. Желание разрыдаться достигает космических масштабов, но я изо всех сил терплю.

Матвей резко отлепляется и удаляется прочь, будто ему

трудно долго прощаться. А я осматриваю широкую спину и осознаю, что разочарована. Разочарована тем, что его самолёт только ранним утром, а он простился уже сейчас.

Надо побыть одному? Или он не хочет меня видеть?

Возвращаюсь в номер и долго укладываю вещи обратно в шкаф. Затем идём на ужин, пропускаю мимо ушей трескотню сына, ничего не соображая.

Я потеряна. словно часть меня выдернули и вручили Андрееву. Он ушёл, а у меня горячая рана кровоточит.

Перед сном долго ёрзаю и извожу себя, а когда слышу грохот входной двери в смежном номере, подлетаю с кровати.

– Маша?! – без стука забегаю к подруге.

– О- о-о, – поражается она. – А вы как здесь. Я вас до завтра не ждала.

Игнорирую её вопрос, незамедлительно выпаливая:

– Переночуй с Марком, пожалуйста. Мне очень нужно.

– Хорошо, – отвечает с ехидной улыбкой. – Куда тебя девать, Свободина?

Ничего ей не больше не объясняя, быстро нацепляю платье, шлепки и выхожу в ночь. По дороге благодарю себя за наблюдательность. Цифры гостиничного номера Матвея я запомнила, когда разглядывала ключи в машине.

Постучав, долго прислушиваюсь к тишине, а потом толкаю незапертую дверь. Здесь темно и спокойно. У входа его кеды, значит, я не промахнулась.

В комнате душно и пахнет алкоголем. Он что пил?

Неторопливо во мраке вышагиваю к кровати.

– Вика? – поднимается.

– Я, а ты ждал кого-то другого.

Матвей увесисто вздыхает.

– Никого не ждал. Иди ко мне. Марк с Машей?

– Да, – сваливаю платье на пол и ныряю под тёплое одеяло.

Снова становлюсь цельной. Испаряюсь в кольцо его рук и теряюсь в ощущениях. От него немного пахнет коньяком, но он не пьян.

– Расскажи мне всё, – умоляю, дотрагиваясь кончиком носа до шеи.

Его сердце колотится как сумасшедшее. Вот-вот выпрыгнет, выскочит. Горько вздыхает.

– Мама...

Тишина.

– Что с ней? – шепчу.

Тишина.

– Матвей?

– Рак, четвертая стадия. Стало хуже. Врачи дали пару дней... Это пиздец!

– Господи, – зажимаю рот рукой, слёзы снова пробиваются наружу. – Почему ты не сказал? На черта ты вообще сюда тогда поехал?

Его тело напрягается, словно металлическая струна, затруднённое дыхание утяжеляется. Мне точно передаётся его состояние, потому что я не чувствую ног.

– К тебе хотел, – выдыхает.

Вжимаюсь в мощный торс ещё сильнее, ещё ближе, как в каменную скалу, чтобы не сигануть с высокого обрыва.

– Я с тобой, – шепчу, зацеловывая колючие щеки, влажные глаза, выступающие скулы – всё, до чего успеваю дотянуться. На моих потрескавшихся от солнца губах соль, его или моя, не знаю. Мне хочется соединиться с ним эмоционально, стать с ним одним целым.

Матвей погружается лицом в мои волосы, каменное тело наконец-то дёргается, вздрагивая от рыданий.

– Ш-ш-ш, – шепчу ему, приговаривая. – Мой хороший. Сильный. Самый лучший. Я с тобой.

Позднее зажмуриваю глаза и выпаливаю:

– Я тебя люблю. Я так тебя люблю.

Он на секунду стихает и расслабляется. Отклоняет лицо, чтобы в следующий момент захватить мои губы в плен. В этом поцелуе смесь бездонного отчаяния и боли. Матвею словно смертельно необходимы силы, и я их предоставляю.

– Я... все выдержу, – говорит он сбивчиво. – Только будь рядом.

– Я всегда рядом, – глазу непокорные короткие волосы чуть ниже его затылка. – Поспи.

Глава 29. Виктория

Почему у меня никогда не получается вернуться из отпуска с лёгкой душой? Всегда, уже в самолёте начинают захватывать мысли о работе, быте или просто насущных делах, которые не успела закончить до отпуска.

Попрощавшись с Матвеем, последующие два дня показались реальным отбыванием наказания. Я также поднималась с утра, будила Марка, мы завтракали, ходили на пляж, по вечерам бродили на территории отеля вдвоём, потому что Маша всё же продолжила общение со своим немцем.

Без Матвея нахождение здесь будто потеряло смысл, турецкие краски вокруг потускнели. Сердце за него болит и мается невыносимо.

Он каждый день звонил, конечно. Совсем ненадолго, просто спросить, как дела и сообщить, что любит.

Это неправильно. Немудро. Нечестно по отношению к моему всё ещё законному супругу.

Но я тоже действительно люблю Матвея. Я не соврала.

Мне кажется, с того момента, как заметила его глаза на ресепшене в танцевальной студии, мой мир навсегда поменялся. Это было будто в прошлой жизни, но я помню все до мельчайших деталей.

Новая точка отсчёта для новой Вики.

В самолёте, поглядывая на спящего сына, гоняю тяжёлые

мысли. Что теперь будет? Как поговорить с Лёшей?

Обманывать и обвинять только лишь его в развале нашего брака я не стану. Хотя могла бы.

Я и сама виновата. Дело даже не в Андрееве.

Сейчас, испытывая высокий градус близких отношений с другим женщиной, я могу точно сказать, что настолько сильно и беззаветно я Лёшу никогда не любила. Он просто стал моим первым мужчиной. Первым во всём.

Те чувства, которые я к нему испытывала... Мне даже не с чем было сравнить.

Девочки обычно сравнивают первую любовь с отношениями собственных родителей. С самыми близкими и дорогими людьми. Учитывая жертвенность моей мамы и холодность отца, конечно, наши отношения с мужем представлялись мне запредельно близкими и чувственными.

Но Матвей...

Он вышиб из меня всё прошлое представление о чувственности и наполнил каждую клеточку собой. Настоящим, живым, родным.

Я длительное время рассуждала внутри себя на тему измены и пришла к выводу, что измена начинается не в тот момент, когда ты позволил себе с кем-то переспать. Дело не в сексе. Измена возникает, когда ты живёшь рядом с нелюбимым человеком...

Это самая горькое предательство. Потому что это измена самой себе.

И я предавала в первую очередь своего самого близкого человека – себя. Год за годом. Наверное, пришло время остановиться?

В зоне прилёта шумно и душно. Долго стоим в очереди на таможне. Затем без конца следим за ленточным конвейером, разыскивая свои чемоданы. В зал ожидания выходим спустя час. Уставшие и замученные.

Вокруг полно людей, но первым я нахожу глазами именно Матвея. Он стоит у большой стойки с расписанием. Немного бледный, небритый, в своих обычных идеальных джинсах и лёгкой черной футболке. В руках небольшой букет ромашек, очень симпатичный. Завидев меня, лицо Андреева освещается широченной улыбкой и мир вокруг вдруг становится чуточку ярче.

Приближаюсь к нему и одним махом дотрагиваюсь щекой до колючего лица, пытаюсь прихватить в этом целомудренном жесте побольше его, больше Матвея для себя. Марк радостно прыгает к нему на руки, и я впервые переживаю чувство зависти к собственному ребёнку.

Тепло прощаемся с Машей и идём втроём в сторону стоянки. Мужчину шагают впереди, я с букетом в руках чуть дальше.

– Я с другом, – предупреждает Матвей, когда мы достигаем небольшого черного трёхдверного джипа. Машина явно не из последних моделей, но добротная и ухоженная.

– А что с твоим цыплячьим Вранглером? – хмурюсь.

– На техобслуживание отдал, – пожимает плечами, загружая наши чемоданы в багажник.

– Привет, – улыбаюсь парню за рулём. Вцепившись в сумочку, втискиваюсь на заднее сидение. Марк устраивается вместе со мной.

– Привет.

– Это Кирилл Мавроди, – представляет нас Матвей, располагаясь в переднем кресле. – А это моя Вика.

– Твоя Ви-ка, – проговаривает Кирилл с улыбкой и оборачивается к моему сыну. – А тебя, как зовут, парень?

– Я Марк и мне семь лет.

– Целых семь?! Совсем взрослый.

– А ты думал, – тянет Матвей, заинтересованно поглядывая на меня. – Вика, вы домой?

В машине повисает странная тишина.

– Нет, – мотаю головой. – Мы к маме моей поедем.

Матвей облегчённо вздыхает. Быстро называю адрес, и Кирилл перестраивается в нужный ряд.

– Как отдохнули? – спрашивает Андреев, повернувшись к нам.

– Хорошо, – отзывается за меня Марк. – Вчера мы с дядей Петей ходили в аквапарк.

Закатываю глаза. С моим ребёнком утаить что-то точно не получится.

– Что ещё за дядя Петя? – становится мрачным Матвей.

– Да, – машу рукой. – Это Пётр, новый Машин знакомый

из Германии.

– А-а-а, ну ладно, – кивает Матвей и ещё раз улыбается, а меня топит такое безграничное чувство нежности к нему, что я практически колочу себя по рукам, чтобы не дотрогнуться до тёплой кожи на мускулистом плече.

– Какие планы? – спрашивает низко. В его глазах тот же пожар, что и в моих, словно отражение.

– Разобрать чемоданы и замочить этого парня в ванной, – пожимаю плечами, выглядывая на дорогу. – Там заправка, заедем купить водички?

– От чего же не заехать? – говорит молчащий до этого Кирилл и включает поворотник.

– Марк, обожди в машине, я скоро. Возьму тебе сок, – быстро произношу, выскакивая на асфальт.

Матвей хапает меня за руку и бежит в сторону небольшого павильона. Вместо того чтобы зайти внутрь, тянет за угол и намертво обнимает.

Вжимаюсь в его сильное тело и наталкиваюсь на горячие губы. Господи, как же я тосковала по ним! Разве можно так быстро привыкнуть к человеку и его телу? У меня нереальная зависимость от Андреева. Эти два дня была практически физическая ломка.

– Люблю тебя, – шепчет Матвей, вжимая моё тело в холодную облицовку павильона. – Скучаю, как же я по тебе скучаю!

– Я тоже соскучилась, думала о тебе.

– Я вас себе заберу. Сейчас только решу куда именно и сразу заберу. Подожди чуть-чуть. Пиздец, как всё не вовремя.

– Я подожду, – улыбаюсь, пряча подбородок в воротнике его футболки.

– Я волнуюсь. Волнуюсь, что ты не справишься. Соскочишь. И я тебя потеряю.

– Дурачок, – целую кончик носа и чуть прикусываю.

– Если я тебя потеряю, я сдохну.

Волна мурашек пробегает по телу от его страшных слов.

– Как мама? – спрашиваю, анализируя эмоции на его лице.

Матвей утомлённо вздыхает и отклоняет взгляд в сторону.

– Мама уже не разговаривает. Только смотрит. Смотрит на меня большими голубыми глазами. В которых ВСЁ, понимаешь? В них всё. Конец.

– Мне очень жаль, мой хороший, – протягиваю, прижимая его голову к себе. – Я не знаю, какие можно подобрать слова, чтобы утешить тебя.

– Ты, главное, будь рядом. Даже без слов.

– Обязательно! – озираюсь. – Пойдём скорее, Марк там, наверное, вынес мозг Кириллу.

– Мавроди сам вынесет мозг, кому хочешь, – шутит Матвей, но меня отпускает.

Быстро приобретя воду и сок, выезжаем снова на трассу, и уже через полчаса Кирилл паркуется около дома моей ма-

тери.

Матвей извлекает вещи из багажника и помогает донести их до подъезда, а потом украдкой чмокает меня в губы несколько раз.

– Я позвоню вечером. Ты сможешь выбраться ненадолго? – спрашивает, приобнимая Марка.

– Не знаю, – пожимаю плечами. – Мне нужно увидеться... с Лёшей.

– Зачем? – крепкие плечи напрягаются, а брови озадаченно сводятся к носу.

– Поговорить, принять решение, как быть дальше.

Он кивает, но остаётся напряженным.

– Будь осторожна и позвони мне перед тем, как с ним встретишься.

– Хорошо, не переживай за меня.

Мама встречает нас у лифта, по всей видимости, подсматривала в окно. Мысленно обвиняю себя за то, что разрешила Матвею проводить нас до подъезда. Наверняка, мимо её внимания не прошли наши поцелуйчики и то, с какой теплотой Матвей прощался с Марком.

– Нагулялась? – громко осведомляется мама, как только дверь квартиры захлопывается за нами.

– Ты о чём? – спокойно узнаю, снимая обувь.

– Я о том, что моя дочь – шлюха, – гневно цедит мама шёпотом так, чтобы Марк не услышал.

Глава 30. Виктория

Открываю дверь своими ключами и прохожу внутрь дома. Нашего дома.

Меня не было здесь две недели, а по ощущениям почти полгода. Это оказывается сложнее, чем я думала.

Вообразить свой развод с турецкого побережья было как-то... проще.

А здесь. Здесь всё кричит о том, что мой привычный мир встаёт с ног на голову. Прямо в настоящий момент.

В прихожей на вешалке одиноко болтается Лёшина летняя ветровка. Мы купали её вместе в прошлом отпуске. Лёша пытался торговаться с арабом в Дубай-молл, а я хохотала так, что не могла остановиться.

Снимаю обувь и привычно ставлю её рядом с Лёшиной. У него самый распространённый мужской размер ноги – сорок второй, а у меня самый популярный женский – тридцать седьмой. Распродажи не наш вариант, поэтому раньше мы всегда покупали зимнюю обувь летом, а летнюю – зимой, если находили размер, конечно.

Прохожу по коридору мимо размещённых на стене фотографий.

Одну из них сделали в Анапе, раньше мы часто ездили в отпуск именно туда. Марка ещё не было, полная свобода действий. Молодость. Мы ходили в ночные клубы прямо на

берегу Черного моря, ели вкусный шашлык и горячие чебу-реки. Купались, пили пиво, загорали, конечно, иногда сидели на солнце до противного жжения и лечили друг друга.

Потом разглядываю снимки, где Марк ещё крохотный, только-только родился. Лёша перепутал пакеты и на выписку вместо красивейшего белоснежного конверта, который я так тщательно подбирала, привёз... комплект постельного белья. По-видимому, чей-то подарок. Я была в таком гневе, что не передать. Даже сейчас пульс от злости учащается. Ну, как так можно было, а? В итоге Марка так из роддома и выписали – в пододеяльнике, который медсестры красиво повязали синим бантом.

Качаю головой, резко отшатываясь от снимков, и бреду в гостиную. В полном раздрае.

Я давно не люблю Лёшу и расторжение брака – дело для меня решённое. Только вот куда мне девать все эти воспоминания и гигабайты разной информации о нем?

В новой жизни они мне не нужны, а в старой – их не бросить.

Так и будут раскачиваться в моём сознании с грустной пометкой «Мужчина, в одной постели с которым я хотела спать всю жизнь».

Украдкой стираю слезу и поднимаюсь на второй этаж. Собираю необходимые на первое время нам с Марком вещи в пакеты и спускаю их ко входу. Топаю на кухню, на автомате готовлю себе кофе.

В холодильнике пусто, а в посудомойке море грязной посуды. Привычно выругавшись, включаю её и под мерное дребезжание машины пью свой горячий кофе.

Я изрядно начинаю нервничать, когда слышу скрип отворяемой двери. Привычные звуки. «Бряк» – ключи падают на тумбочку, «бам» – сумка с документами для работы дома отправляется на пол, «вжик» – расстёгивается куртка.

Через пару секунд Лёша возникает на пороге кухни. Он немного похудел и выглядит измученным. Темные волосы отросли, его явно пора записать на стрижку. Костюм, по всей видимости, всё-таки забрал сам из химчистки.

– Привет, – не сводит с меня глаз.

– Привет, Лёш. – отвечаю, кивая на стул напротив. – Поговорим?

Он, ослабив галстук, усаживается за стол.

– Ты хорошо выглядишь, – делает комплимент, кружа глазами по моему лицу.

– Спасибо, – чуть улыбаюсь. – Ты тоже.

Ловлю внутри эмоции. Я немного соскучилась по нему, как по близкому, родному человеку. Но это нормально, ведь так?

– Давай разведёмся, Лёш? – спрашиваю, рассматривая свои ладони, лежащие на столе в предельной близости от его рук.

Муж тяжело вздыхает и заваливается на спинку стула, словно иначе ему невероятно трудно дышать.

– Пиздец, Вик, – мотает головой. – Всё не так, как ты думаешь.

Морщусь от этой банальности. По закону жанра сейчас будут пустые оправдания.

– Ты на протяжении двух лет содержишь другую женщину, используя деньги, которые мы с тобой вместе откладывали на будущее нашего с тобой сына, – проговариваю неторопливо, словно сама не могу поверить до сих пор.

Для меня это открытие было шоком, но я благодарна судьбе за то, что подтолкнула меня к Лёшиному планшету в тот день. Благодарна ему за то, что муж наивно не поменял пароль в интернет-банке.

– Я должен был сразу тебе рассказать, но... – наклоняет голову Лёша. – Мне не хватило духа.

– Не утруждайся и сейчас, – произношу безразлично.

– Не-ет, не будь сукой, Свободина, – усмехается он. – Выслушай... Я тебе изменил.

– Я уже поняла, – наседаю интонацией.

– Не сейчас. Давно.

– Давно? – повышаю голос. – Давно мне изменяешь?

– Нет, – выдыхает он. – Помнишь, на последнем курсе мы с тобой поругались, и я уехал в горы?

– Помню, – киваю на автомате.

– Не был я в горах... Так взбесился на тебя, упёртый баран, что укатил к Гельке Михайловой со своего потока.

В голове словно видеосъёмка мелькают студенческие го-

ды. Общежитие, здание института, аудитории, какие-то люди.

Гелька Михайлова. Я даже не помню, как она выглядит, хотя имя очень знакомое. Сквозь шум в голове слышу следующие слова мужа:

– Провёл у неё два дня. Всё было как в тумане, а потом снизошло озарение, что я творю какую-то хуйню и я поехал к тебе мириться.

Сердце противно клетку за клеткой разъедает жгучая кислота. Как бы сложилась моя жизнь, если бы я тогда узнала о его измене?! Я бы однозначно не вышла за него замуж.

– Я тогда забыл этот случай как страшный сон. А два года назад Геля объявилась. Нагрязнула ко мне на работу. Сказала, что родила от меня ребёнка.

– Ребёнка?! – вжимаюсь пальцами в кружку, чувствуя досадное жжение в глазах.

– Да, – напряжённо отзывается Лёша, повесив голову. – Дочь. Юлю. Ей сейчас одиннадцать.

– Одиннадцать... Ты... ты видел её?

– Конечно, – кивает. – Я и тест ДНК делал.

Мои губы перекашиваются. Не от боли. От пошлости его рассказа. От собственной наивности.

– Юля два года назад заболела. Осложнения после менингита, произошёл серьёзный откат в развитии. Ангелина... она просто не справилась одна. Поэтому вышла на меня, попросила прийти на помощь.

– Ясно, – киваю. Наверное, малодушием будет сказать что-то типа «И поэтому ты решил воспользоваться деньгами нашего сына?». Но хочется быть сукой. – Значит, ты с ней сейчас? С Ангелиной?

– Нет, – выкрикивает он. – Как ты могла такое заподозрить, я не изменял тебе в браке!

Зато изменял мне раньше!

– Все эти два года я боялся тебе сказать. Боялся того, что происходит сейчас, – грустно произносит Лёша.

– Поэтому вёл себя как мудак по отношению ко мне и к Марку?

Лёша увесисто вздыхает.

– Я так сильно переживал, что всё выплывет наружу, у меня возникло что-то вроде депрессии. Не знаю, как объяснить, – задумывается. – Я словно сам захотел, чтобы ты меня бросила, так и не узнав о моем предательстве.

– Ты дождался, я тебя бросаю, – тихо произношу.

На кухне создаётся противный вакуум, мыльный пузырь, который хочется проткнуть пальцем и поскорее выбраться. Подумать только, у моего мужа есть ещё ребёнок! Дочь. Старше Марка на четыре года. Наш сын был для него не первым, пусть даже он и не знал тогда об этом.

– Вика, ты любишь его? – спрашивает муж, грустно глядя в мои глаза. – Того мальчика, с которым была в Турции?

Чёрт.

– Откуда ты... – хмурю брови и тут же поражаюсь догад-

ке. – Маша?!

Лёша отклоняет глаза, в которых я успеваю разобрать отчаяние и боль.

Это настолько выбивает меня из колеи, что становится трудно вздохнуть. Я была готова ко всему. К тому, что он будет размахивать шашкой, кричать, что я шлюха, как сообщила мне моя мать. Ко всему. Но не к тому, что сделаю ему больно, плохо, заставлю страдать. Мы продышали бок о бок практически полжизни. Лёша для меня кто угодно, но точно не чужой.

– Как сейчас Юля? – узнаю, сглотнув ком в горле. – Ты ей помог?

– Да, – кивает. – Уже лучше.

– Ты часто с ними видишься?

– Раз в одну-две недели.

– Ясно.

– Деньги Марка я верну, Вика. Обещаю.

– Уж будь так добр, – еле слышно проговариваю.

Лёша поднимается и быстро обходит стол. Присаживается рядом со мной на колени, обнимает ладони, которые я тут же вырываю из его рук, отворачиваясь.

– Вика... Вик... Свободина моя, – начинает тараторить, уперевшись лбом в мою ногу. – Ты сейчас в эйфории, но ведь она закончится. Закончится и непонятно, что будет дальше. Любое помешательство заканчивается и остаётся жизнь. Такая, как у нас с тобой. Этот дом, – поднимает голову и ози-

рается. – Наша семья.

– С-е-м-ь-я, – повторяю глухо.

– Я осёл. Оступился, не сказал, боялся вас потерять. Но я тебя люблю. Всю жизнь любил и дальше буду.

По моим щекам в открытую льются слезы, но я уже не скрываю их.

– Лёша, – тяну. – Я не чувствую тебя, твоей любви. Давно. Не чувствую с тобой себя женщиной, а я поняла, что для меня это важно! Дело не в... ком-то другом. Дело во мне, понимаешь? Я так больше не могу!

– Подумай хорошо, Вик. Подумай. Я тебе сказал когда-то, что всё тебе прощу. И это правда!

Выскальзываю из-под его рук и ухожу в ванную комнату на первом этаже. Утираю слезы, умываюсь ледяной водой и меняю полотенца на чистые. По пути запускаю стирку.

Выйдя из ванной, встречаюсь с Лёшей.

– Развесь бельё, как только выстирается. – Хорошо.

– Я поеду. Мы у мамы пока поживём.

Натягиваю обувь и хватаю пакеты. Дёргая за ручку входной двери, слышу последние фразы:

– Вика, я тебя буду ждать. Одумайся. Давай всё сохраним!

Игнорируя, выхожу на улицу. Иду за ворота к припаркованной машине и укладываю пакеты в багажник. Рядом останавливается тонированный мерседес с мигалками, из которого выходит высокий человек, довольно приятной наружности.

– Виктория Вячеславовна, добрый день.

– Здравствуйте, – немало удивляюсь, что он меня знает.

– Можно с вами пообщаться? Буквально пару минут.

– О чём?

– Поверьте, для вас и вашей семьи этот разговор будет очень важным, – говорит он отталкивающе вежливо.

Эпилог. Виктория

Спустя два дня я снова на этом же месте...

Два дня... Самых жутких в моей жизни.

Паркую машину, поправляю солнцезащитные очки, натягиваю подлиннее рукава спортивной кофты и боязливо озираясь, медленно выкарабкиваюсь на улицу.

Морщусь от солнца.

Тридцать пять градусов в тени. Проклятое лето!

Краем глаза подмечаю какое-то резкое движение слева.

Быстро вскинув голову, вижу до боли знакомый образ.

Чёрт! Он что меня преследует?

Открыв ворота, лечу сломя голову в сторону своего дома и успеваю запрыгнуть внутрь.

– Вика, – орёт Матвей, нетерпеливо барабанил по двери. –

Вика, твою мать. Ты можешь объяснить мне, что происходит?

– Перестань, – хриплю мертвецким голосом. – Пожалуйста, Матвей!

– Ну что ты за дурочка такая? Мы всё равно поговорим.

Нет! Я не буду с ним разговаривать! Ни за что. От этого чересчур многое зависит.

– Мама умерла, – хрипит он мучительно.

– Я знаю. Я тебе соболезнаю, – говорю ровно, крепко-на-

крепко обнимая его мысленно и плача вместе с ним. Моя душа рыдает и воет.

Моя душа рвётся на части от всего, что довелось пережить мне этим летом.

Мне паршиво. Я сама умираю. Уже загнулась под натиском обстоятельств.

– Что произошло? Куда ты пропала? – непонимающе произносит стихнув. – Расскажи мне, и мы всё решим. Я тебе обещаю.

Ничего мы уже не решим!

Сердце предательски ноет, а душа стремится к нему. К нему, к одному-единственному, с кем хотелось бы просто быть рядом.

Я что, слишком многого просила у тебя, Господь?

За эти дни жизнь преподнесла мне слишком дорогой урок. Любить – это невероятная роскошь, за которую надо платить всем, что у тебя есть... Вернее, всем, что пока имеется.

Мы с Матвеем оказались уж очень наивны. А жизнь наивности не прощает.

– Я не буду уходить от него, Матвей! – тихо признаюсь сквозь закрытую дверь, ещё раз проверив замок.

Слышу резкий стук кулака по ней. Ещё и ещё. Прицельно бьёт прямо в сердце.

– Дурак, – говорю, опускаясь на пол. Прикрываю глаза и реву, удивляясь, сколько же слёз было внутри меня.

Наверняка сбил костяшки до крови. Молодой, красивый, импульсивный. Это и привлекло. Влюбилась, как ненормальная.

– Сука, – кричит он сквозь стены. – Я же всё ради тебя... Я в конуре живу, как псина побитая. Мама умерла. У меня ничего не осталось.

У меня тоже... ничего не осталось...

– Ты будешь жалеть, – рывкает он. – А я никогда не приму тебя обратно. Никогда, никогда больше не появляйся мне на глаза.

Прикрываю глаза от боли. За него и за себя тянет в груди. Пора вернуться в реальность!